

Ч. Г. СПЕРДЖЕН

**ДОБРЫЕ СОВЕТЫ
ПРОПОВЕДНИКАМ
ЕВАНГЕЛИЯ**

**ДОБРЫЕ СОВЕТЫ
ПРОПОВЕДНИКАМ
ЕВАНГЕЛИЯ**

ЛЕКЦИИ
В ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
или
ИЗБРАННЫЕ РЕЧИ

Ч. Г. СПЕРДЖЕНА



СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

ПРОЛЕТАРИИ
ДОБРЫЕ СОВЕТЫ
ПРОПОВЕДНИКАМ
ЕВАНГЕЛИЯ
ДЕЯНИЯ
В ДУХОВНОМ СМЫСЛАХ
ИХ
ИЗЪЯВЛЯЮЩИЕ СЕБЯ
У П. СЕРДЖЕНА

*Нам интересно узнать ваше мнение об этой книге.
Напишите нам по адресу: Licht im Osten, Postfach 1340
D-7015 Korntal, West-Germany*

Предисловие

Брат-читатель!

Прочитай эту книгу с глубоким вниманием до конца.

Едва ли нужно говорить о том громадном, могучем, всепобеждающем значении слова, какое оно всегда имело и в особенности имеет в наши дни. Теперь кто и не хотел бы учиться слову, вынужден тяжелою необходимостью учиться этому искусству, потому что в настоящее время в большинстве случаев уже только одним словом мы можем защищать себя и свое достояние.

Автор предлагаемой книги - выдающийся оратор. На Западе его зовут не иначе, как „царь проповедников“. В целой Библии не осталось ни одного стиха, которого талантливо, блестяще не раскрыл бы он в своих проповедях. *Обратите внимание.* Проповеди его изданы в 40 томах. Число проповедей, непечатанных отдельными оттисками, в конце 1891 года достигло 2236. Все же сочинения Сперджона могут составить отдельную библиотеку, для прочтения которой потребуются годы. Его собирались слушать такие толпы народные, которые исчислялись иногда даже в 25 000 человек. *Двадцать пять тысяч слушателей...* Кто из нас когда-либо слышал о таком количестве слушателей? В продолжение 30 лет (1861-1891) Сперджон каждое воскресенье проповедовал перед аудиторией в 6000-7000 человек. Когда он отсутствовал по болезни, то прочитывали его проповедь. В числе слушателей Сперджона были китайцы, японцы, индусы, негры. Его слушали Диккенс, Теннисон, Пальмерстон, Гладстон, Ливингстон и другие знаменитейшие мужи Англии. Спрос на его проповеди был поразительный. Средним числом каждая его проповедь расходилась в 30 000 экземплярах. Всего же на одном только английском языке напечатано проповедей до 100 000 000. Он имел свой „*проповеднический* коллэджд“, в который отовсюду стекалось юношество для изучения проповеднического искусства под живым руководством такого знаменитого проповедника. Воспитанниками этого колледжа, с 1865 года по 1889 год, крещено было 83 067 человек. Сочинения Сперджона переведены давно на все европейские языки, кроме, конечно, русского, и до сих пор постоянно появляются все в новых и новых изданиях. Такова могучая сила и обаяние этого проповедника.

Упадок отечественного проповедничества в наши дни вынудил нас преподнести нашим читателям, в сокращении и в переработке по местам, одну только самую незначительную часть трудов этого плодовитейшего и талантливейшего

английского проповедника. Мы надеемся, что внимательный читатель извлечет из предлагаемой нами книги немало полезнейших уроков для себя. И даже больше того, внимательный читатель, под влиянием этой книги, может быть, еще только впервые, с необыкновенной ясностью и глубиной *увидит и поймет* свои прямые и святейшие обязанности и *восстанет* из той бездны мрака, в какой он до сих пор *находился*. Осветить жизненный путь человеку – великое дело.

Как желательно было бы, чтобы каждая наша, даже самая убогая, церковь отныне огласилась *непрерывным* словом благовествования Евангелия Христова, согрела бы и обласкала душу каждого мирянина, привязала бы ее навсегда самыми мощными узами ко Христу, каждого покорила бы всецело Господу. Не риторика нам нужна, а *благовестие Христово*. Наша обязанность – *благовествовать непрестанно*. Если и апостол говорил: „*горе мне, если не благовествую*“, то что нам остается сказать? Мы – *преемники* Спасителя и апостолов, на наших плечах *теперь* лежит святейшая обязанность – принести святое благовестие спасения по всему лицу земли. И горе нам, если мы *этого не сделаем!*..

Если бы я хотя только отчасти помог этою книгою делу роста нашего отечественного проповедничества, я считал бы не напрасно потраченным свой *немалый труд* по изданию этой книги на русском языке.

Ректор Московской Духовной Академии епископ Евдоким

Моск. Дух. Академия 4 дек. 1908 г.

Введение

Печатаю настоящие мои лекции вследствие настоятельного желания тех проповедников, которые уже слышали их в студенческие годы. Но я не могу сделать этого, не предпослав своему изданию небольшого объяснения, так как первоначально эти лекции не были предназначены для печати и вряд ли в состоянии выдержать строгую критику.

Мои лекции в Колледже велись в разговорном тоне: они велись, так сказать, дружеским образом, в них много рассказов, часто даже юмористических; я нарочно так составлял их, чтобы лучше достичь своей цели. Встречаясь с студентами лишь в конце недели, я часто нахожу их слишком изнуренными серьезной работой и потому считаю необходимым составлять свои лекции как можно живее и интереснее. Они так много трудятся в течение недели над своими классическими, математическими и богословскими предметами, что делают, наконец, способными воспринимать лишь то, что особенно возбуждает их интерес, что находит большой доступ к их сердцу. Наш почтенный профессор Роджерс сравнивает мои лекции по пятницам с работой по заострению гвоздей: все уже готово в течение недели, форма головки, прямизна ножки, наложение металла, полировка; вся работа должна закончиться лишь старанием как можно более заострить оконечность гвоздя. Если читающий лекцию стремится достичь желаемого результата, он не должен ни сам ослабевать, ни требовать слишком большого напряжения от своих слушателей.

Я чувствую себя между меньшими братьями совершенно как бы дома, в кругу родной семьи, и говорю с ними без всякого стеснения. Благосклонные читатели сами увидят это из моих лекций, и я надеюсь, что все, кто пожелает почтить меня своим отзывом, выскажут мне его столь же откровенно.

Очень возможно, что некоторые зло посмеются над моим постоянным обращением к моей собственной особе, моему образу действий, моему опыту. Но и это соответствует моим намерениям. Я нарочно придал своему труду несколько автобиографический оттенок, потому что мой собственный опыт — каков бы он ни был — есть самое существенное, что я могу передать и что для *моих собственных* слушателей-студентов, по крайней мере, имеет большое значение; было невозможно приводить здесь опыты других людей, если бы они сами не высказали их; и если я описываю здесь испытанное мною, то я лишь стараюсь добросовестно выразить этим благодарностью моим более меня достойным уважения предшествен-

никам. Эгоизм ли лежит в основании этого – пусть судит об этом читатель, смотря по степени жестокости или мягкости своего собственного характера. Не станут ведь бранить отца, рассказывающего сыновьям свою жизнь и считающего это лучшим способом передать им свои правила. Не осудят ведь старого солдата, если он, взяв на плечо свой костыль, будет показывать, как дерутся и выигрывают сражение. И я прошу, чтобы снисхождение, оказываемое в этих случаях, было даровано также и мне.

При печатании настоящих лекций я руковожусь лишь желанием воскресить в памяти своих слушателей все сказанное им когда-то мною, а также рекомендовать это и другим, не принадлежащим аудитории. Наше время в высшей степени практично и требует от проповедника не только правоверия и одухотворенности, но также и *свободного, доступного изложения и умелого обращения с слушателями*. Всякому формализму пришел теперь конец; в жизненной правде заключается теперь успех всего.

Великая ответственность, связанная с званием проповедника, в настоящее время требует величайшего напряжения всех духовных сил человека. Отдать этому делу лишь половину своего сердца – значит глумиться над Богом и людьми. В самом деле, можем ли мы быть спокойны, видя духовную гибель людей? А между тем все мы склонны закрывать на это глаза и представлять из себя неразумных евангельских дев; потому и стремился я высказать все накопившееся у меня на сердце, чтобы помочь людям побороть эту сонливость. Да благословит же Господь, все держащий в руке Своей, эти советы младшим братьям моим; это будет лучшею наградою мне за мои труды, и я от всего сердца тогда возблагодарю Его.

Ч. Сперджон

Внимание проповедника к собственным действиям

„Вникай в себя и в учение“ (1 Тим. 4, 16)

Каждый ремесленник хорошо знает, что должно всегда держать свои инструменты в полном порядке, потому что „если притупится топор и если лезвие его не будет отточено, то надобно будет напрягать силы“ (Екклез. 10, 10). Если притупятся инструменты у бондаря, он хорошо понимает, как трудно будет ему работать ими, чтобы удалась его работа. Сам любимец муз, Микель-Анджело, придавал этому столь важное значение, что собственноручно изготовлял свои кисти; а он может служить образцом великой милости Божией, всегда особенно изливающейся на своих истинных служителей.

Конечно, для Господа все возможно. Он может и плохую проповедь обратить на пользу слушателей. Ему не требуется никаких инструментов для созидания дела. Он может и без помощи проповедников, одним действием Святого Духа Своего, спасать души людей Своих, – но мы не должны ждать от Него постоянного вмешательства в жизнь нашу. Его могущество безгранично. Он может во всем действовать по Своей святой воле, – но мы обязаны подчиняться установленным Им законом жизни человека на земле. Мы сами тогда более успеваем, когда находимся в более духовном настроении. Другими словами, мы тогда лучше исполняем волю Господню, когда наши духовные способности находятся в полном порядке, и хуже всего мы ведем себя, когда этот порядок нарушается. Это – такая истина, к которой мы обязаны принаравливаться. Если Господь и делает исключения, они лишь служат тем большим доказательством этому.

Итак, мы сами представляем собою некоторым образом своего рода орудия и должны потому держать себя в порядке. Если я хочу проповедовать Евангелие, мне требуется для этого мой собственный голос; следовательно я должен стараться укрепить его. Я могу рассуждать лишь моим собственным умом и чувствовать моим собственным сердцем, – я обязан, следовательно, развивать свой ум и возгревать свое сердце. Я могу страдать и бороться за душевное спасение других людей лишь в моей собственной обновленной Христом природе – я должен потому старательно поддерживать в себе искреннее чувство любви „о Христе Иисусе“. Напрасно буду я наполнять свою библиотеку, устраивать общины, составлять

планы, если не буду я при этом заботиться о состоянии своего сердца. Книги и всякого рода внешние меры и учреждения суть только последние орудия моего священного звания; наиглавнейшее же орудие его – это моя собственная особа, мой разум, моя душа и мое тело. Мои духовные способности и моя внутренняя жизнь – вот мое настоящее оружие в этой священной борьбе. Мак-Чейн в письме к одному из своих *духовных* друзей, отправившемуся на материк для изучения немецкого языка, высказывается совершенно в том же духе, говоря: „Я уверен, что вы усердно занимаетесь немецким языком, но не забывайте при этом развивать и вашего внутреннего человека, – я говорю о сердце вашем. Как тщательно заботится офицер, чтобы сабля его была всегда хорошо отточена и ярко блестела; малейшее пятнышко на ней старается он удалить. Представляйте же себе, что вы – мечь и орудие Господа – орудие, избранное Им для прославления Своего Имени. От чистоты и совершенства орудия в высшей степени зависит и успех дела. Господь благословляет не столько блестящие способности, сколько стремление уподобиться Христу. Действительно, *такой* проповедник есть мощное оружие в руках Господа“.

Если проповедник Евангелия не обращает внимания на свою собственную духовную жизнь, это – большое несчастье и для него самого, и для его дела. А как легко, братии мои, впасть в такое положение, и как должно остерегаться этого! Когда ехал я однажды в скором поезде из Берта в Эдинбург, внезапно поезд наш должен был остановиться на дороге, потому что сломался какой-то маленький винтик в паровозе; и когда тронулись мы, наконец, в дальнейший путь, то пошли уже чрезвычайяно медленно, так как в локомотиве работал теперь только один поршень вместо двух. Недоставало лишь одного небольшого винтика. Был бы он на месте, мы мчались бы полным ходом, но отсутствие этого маленького винтика было единственною причиною нарушения порядка. А на одной из железных дорог в Соединенных Штатах поезд вынужден был даже остановиться – от мух, забравшихся в коробку для смазки вагонных колес... Из этих примеров ясно видно, что человек, во всех отношениях способный к плодотворной деятельности, может оказаться совершенно бесполезным вследствие одного какого-нибудь маленького недостатка своего. Об этом следует особенно пожалеть, если это касается великого дела Евангельской проповеди. Ужасно, если глубокоцелительное действие ее теряет свою силу вследствие недостойнства самого проповедника. Всем известно, как портится вода, проходя сквозь свинцовые трубы. Так и

Евангелие, проходя сквозь уста нездоровых духовно людей, может быть столь искажено, что принесет даже вред слушателям. Можно думать, что кальвинистское (реформатское) учение, например, может быть очень опасным, исходя из уст людей, проводящих греховную жизнь и делающих это учение как бы завесою для греха. С другой стороны, и арминианское (лютеранское) воззрение, с его *поручительством, исключительным упованием* на милость Божию для каждого человека, может принести большой вред душам слушателей, могущих заключить из легкомысленных слов проповедника, что они всегда, во всякое время, успеют обратиться и что таким образом им нечего особенно и спешить с этим исправлением... Далее, если плоха жизнь самого проповедника, мало толку будет и от его проповеди; во всяком случае, успех не превзойдет ожиданий. Много будет посеяно, но мало пожнут; процент пользы будет слишком незначителен. Говорят, причиной проигрыша двух или трех сражений в последнюю американскую войну было то, что какие-то нечестные поставщики доставили в армию плохой порох, так что выстрелы не достигали своей цели. Так может быть и у нас. Мы можем сбиться с настоящего пути, совсем не достигнуть нашей цели и только даром потерять время, — потому что не будет в нас настоящей, жизненной силы, которая одна только, спешествующая Божиим благословением, может дать нам успех. Берегитесь, не сделайте *такими* проповедниками!

Прежде всего мы сами должны постараться приобрести твердую надежду на получение будущего блаженства.

Проповедник Евангельской благодати прежде всего должен быть сам достоин ее; это — очень простая и вместе очень важная истина. Никакая степень образованности и учености не может дать божественного призвания к проповедничеству. Настоящая истинная жизнь в Боге — вот неперемнное условие его. И как бы ни была велика „слава“ проповедника, он — не проповедник, если нет у него этого условия.

„Укрась сначала себя самого, а затем уже — твоих братьев“, говорят раввины. „Рука, которая должна очищать других, говорит св. Григорий, должна сама быть чиста“. Обращение — это необходимое условие для проповедника. Вы, кандидаты на нашу кафедру, — вы „должны вновь родиться“! И никто не может с уверенностью предположить в себе существование этого необходимейшего условия. В данном случае очень легко мы можем ошибиться. Верьте мне, вовсе не так легко узнать, определить свое призвание и назначение „свыше“. Мир полон ошибок, в нем много людей, преисполненных самомнения, много льстецов, словно коршуны около трупа,

льнущих к проповеднику. Мы не можем доверять вполне даже собственному сердцу: в нем истина лежит лишь далеко-далеко, — в самой глубине его. И самих себя мы должны серьезно и очень тщательно исследовать, чтобы не оказаться самим виновными в том, о чем мы проповедуем другим.

Как ужасно быть проповедником Евангелия и быть при этом самому необращенным! Да внушает каждый из присутствующих здесь душе своей: „как ужасно было бы для меня, если бы не оказался я сам проникнут силою той истины, проповедовать которую я приготовлюсь!“ Не проникнутый этою силою проповедник есть какое-то смешение самих противоречивых элементов. Не возродившийся духовно пастырь душ есть не более, как слепец, взобравшийся на кафедру оптики, читающий лекции о законах зрения, рассказывающий своим слушателям о мягких оттенках и нежных переходах света и теней, и сам в то же время находящийся в полном мраке! Он — глухой, сделавшийся профессором музыки, судьей мелодий и гармоний, недоступных его слуху! Он просто крот, берущийся учить летать молодых орлят!

Много сравнений можно было бы и еще привести здесь, если бы это было нужно. В ужасном положении находится подобный человек. Он взялся за дело, к которому совершенно неспособен, но за которое должен будет нести тяжелую ответственность, — так как он сам избрал его для себя. Как ни блестящи его природные способности и духовные дарования, но он не пригоден к этому духовному делу, если не высока его собственная духовная жизнь, и прямой долг его в таком случае — отказаться от своего звания до тех пор, пока он не достиг первого для этого условия.

Страшно быть *подобным* пастырем еще и в другом отношении. Если нет у пастыря призвания „свыше“ — каким несчастным чувствует он себя тогда! Могут разве утешать его тогда духовные совершенствования и преуспевания его прихожан? Что должен чувствовать он, выслушивая взывание о помощи и воздыхания кающихся или их сомнения и опасения, их боязнь за будущее? Ведь он может лишь удивляться, — как могли произвести подобное сильное действие слова его проповеди, потому что ведь и слова *неверующего* проповедника милостию Божиею могут благотворно действовать на человеческие души, хотя Господь и не признает самого проповедника! И в какое смущение могут привести подобного человека вопросы уже духовно зрелых христиан относительно их внутренней борьбы! Сколь беспомощным должен он чувствовать себя на этом пути, по которому уже следуют его возрожденные духовно слушатели! Как может он делить с ними их

радостные надежды на смертном одре или их радость при участии в преломлении хлеба?

Часто случается ведь, что молодые люди, предназначенные для какого-нибудь дела, которое им не нравится, предпочитают лучше бежать и уходят в море, лишь бы не заниматься ненавистным делом. Но куда же убежит человек, принявший на всю жизнь свою священное звание и не чувствующий в себе силы исполнить его? Как может он привлекать сердца ко Христу, если сам совершенно чужд Его спасающей любви? Поистине, это – ужасное рабство! *Такому* человеку должен быть противен и самый вид проповеднический кафедры...

И как вполне *бесплезен* должен быть такой человек! Он обязан вести путников по пути, которого он сам совсем не знает, ввести корабль в пристань, вполне ему незнакомую! Он должен учить, наставлять других в том, в чем он сам – полный невежда. Он – лишь облако без дождя, дерево, производящее одни только листья. Вот по безводной пустыне идет мучимый жаждою караван, чуть не падая под жгучими лучами солнца, спешит он к давно ожидаемому источнику, подходит – и о ужас! – ни одной капли воды!.. Так и души, мучимые жаждой лицецерения Бога живого, приходя к мертвому духовно пастырю, могут совсем погибнуть, обретя в нем ни капли „живой воды“. Лучше совсем уничтожить все проповеднические кафедры, нежели возводить на них людей, совсем не понимающих, не признающих того, чему они учат...

Но к сожалению, эти мертвые духовно пастыри имеют еще тем более пагубное влияние, что они всегда почти умеют стать высоко. Я читал недавно о подобном случае. Никакие козни злого духа не могли бы сделать людям большего вреда, чем сделал своим прихожанам один подобный пастырь, устроивший в церкви для своих, по „мирскому“, суетно настроенных, знатных прихожан прекрасный, дорогой орган. Не пагубу ли для их душ устроил он? Приходят люди в храм, уютно усаживаются по своим местам и нимало не сомневаются в том, что они – истинные христиане; тогда как вся их религия заключается лишь в том, что они слушают славного проповедника, получают музыкальное наслаждение, – а, может быть, наслаждаются также и прекрасными манерами и „изяществом“ самого проповедника... В общем, в церкви человек находится как бы в опере: может быть, наслаждение и несколько менее здесь с эстетической точки зрения, но молитвенного настроения, конечно, уже нет совсем. И целые тысячи утешаются этим и даже благодарят Бога, что они набожные христиане, а на самом деле – далеко от Христа живут они, далеко от Него отстоит их сердце. Они благочестивы лишь по

наружности, благодатной же силы Христовой в них нет. И человек, стоящий во главе такой общины, где соблюдается лишь внешняя сторона религии, – такой человек скорее орудие дьявола, нежели служитель Бога.

Влияние неверующего пастыря может быть пагубно и в том случае, если он даже не выказывает своего неверия внешним образом. Не имея внутренней, поддерживающей духовной силы, рано или поздно, он споткнется на чем-нибудь, и в каком же положении окажется он тогда?

Страшно подумать также, *какая смерть ожидает подобного человека и какакая будет участь его в загробной жизни!* Пророк описывает сходение в ад царя Вавилонского, как встречают его там все цари и владыки земные, которых он погубил и царства которых разрушил, как поднимаются все они с мест своих и с злобною насмешкой приветствуют его: „Не сравнился ли ты теперь с нами?“ И разве мы не можем представить себе такого человека, который был проповедником, но не имел Христа в сердце своем? Разве мы не можем представить его, сходящим в ад..., представить, как встретят его там все погубленные им души, все безбожники между его бывшими членами общины. Не возопиют ли они к нему: „Врач, отчего не исцелил ты себя самого? почему явился в это царство вечного мрака ты, выдававший, считавший себя светильником Божиим?“ Поистине, страшно так погибнуть! Страшно так погибнуть и человеку, стоявшему в тени кафедры, – но еще страшнее таким образом свергнуть себя самого с этой кафедры!..

В одном сочинении N. N. *), под заглавием „Воздыхания из глубины ада“, есть ужасное место: „Сколько душ, сами того не сознавая, на веки погубили ослепшие духовные пастыри своими проповедями, столь же гибельными для души, как мышьяк для живого организма! Как много лежит на совести некоторых из них! О ты, друг мой, намеревающийся поучать народ, – кто знает, как непосильно тяжело будет это для тебя! Не тяжело ли будет тебе, когда весь твой приход явится вслед за тобою в ад и будет упрекать тебя: „Вот человек, которому мы обязаны тем, что мы здесь! Ты боялся раскрывать перед нами язвы, чтобы не лишиться нашей хорошей платы! Проклятие же презренному, слепому путеводителю, не только не заботившемуся о спасении себя от гибели вечной, но и нас увлекшего за собою сюда!“

*) Ввиду того, что в представленном русском переводе 1908 г. часто пропущены имена авторов приведенных цитат и др. и нет возможности восполнить пробелы, авторы и п. обозначаются (здесь и в дальнейшем) латинскими буквами N. N., пропущенные названия источников – тремя звездочками. Прим. ред.

Он пишет в своем сочинении: „Каким должен быть проповедник“ между прочим следующее: „Внимай самому себе, чтобы не лишиться тебе самому той благотворной силы Божией, о которой ты говоришь другим, того спасительного воздействия Евангелия, которое ты проповедуешь. Внимай, чтобы твое собственное сердце не забывало Спасителя, необходимости веры в Которого ты учишь других, не потеряло бы само Его спасительных даров. Внимай самому себе, чтобы не погибнуть тебе прежде других, чтобы, лишая пищи других, не умереть с голоду и тебе самому. Хотя и дано нам Богом обещание, что „разумные будут сиять, как светила на тверди“ (Дан. 12, 3), но это лишь в том случае, если они сами обратятся к Нему. Ваша собственная искренность в вере есть первое из этих условий. Много есть людей, поучавших других истине, чтобы избавить их от адских мучений, но они сами себя не возмogli спасти от них. Много будет в аду проповедников, требовавших от своих слушателей невероятных усилий, чтобы избежать этого места мучений. Разве может разумный человек требовать от Бога спасения себе за то только, что он проповедовал *другим* великие истины, которыми в жизни *он сам* пренебрегал? Верьте мне, братья, еще никогда не миловал Господь ни одного человека потому только, что он был проповедником – даже хотя бы и хорошим проповедником, – а миловал в таком лишь случае, если он заслуживал этого своею собственной жизнью, – если он искренно и верно служил делу своего Господа. Внимайте потому прежде всего сами себе, чтобы самим исполнять то, что проповедуете вы другим, верьте сами тому, чему вы ежедневно учите других, воспримите в собственное сердце Того Христа, Которого предлагаете другим. Ведь Он, заповедавший вам любить ближних, как самих себя, указал вам этой заповедью, что вы должны любить и себя также, а не ненавидеть, спасти и себя, и своих ближних, а не губить“.

Братья мои! прочувствуйте хорошенько эти слова. Мне нечего прибавлять к ним; я лишь прошу вас, испытывайте себя и делайте хорошее употребление из всего слышанного.

Если же у кого есть *действительное* призвание, *то тем более необходимо и очень важно, чтобы собственная духовная жизнь такого проповедника стояла высоко.*

Он не должен довольствоваться только тем, что может причислить себя к верующим. Он обязан быть зрелым, твердо испытанным в своей вере христианином, потому что служители Христа суть „избранные из избранных“. Если бы он был призван к какой-нибудь другой, обычной работе, он мог еще довольствоваться малым, хотя и тогда это довольство можно

было бы назвать беспечностью, нерадивостью. Но в *таком* важном деле, при таком страшно ответственном положении он должен серьезно позаботиться приобрести необходимую для этого дела духовную мощь. Жизненная сила его благочестия должна быть очень крепка и устойчива, его вера глубока и ясна. Он должен обладать решительностью, быть в высшей степени деятелен и *внутренно*, духовно – должен быть вполне здоровым человеком. Рассказывают о древних египтянах, что они избирали жрецов из своих наиболее прославившихся ученостью философов и так чтили их затем, что из их среды избирали и своих царей. Так и мы должны избирать для служения Господу наидостойнейших борцов из всего христианского войска, – таких людей, которые были бы *действительно* вполне этого достойны. Люди же неспособные, робкие, не утвердившиеся, преданные своей плотской жизни, – такие люди не годятся для высокого звания пастыря церкви. Ведь есть же такие предприятия, которые мы ни за что не поручим людям слабым или убогим. Если какой-нибудь человек не может работать на крыше, если у него слаба голова и подобная работа для него опасна – пусть такой человек избрет для себя работу внизу на земле, где ему не угрожает головокружение. Точно так же есть люди с духовными недостатками, которые не могут и не должны принимать на себя высоких духовных обязанностей. Если выпадет на долю такого человека хотя малейший успех, он сейчас же возгордится им – порок, столь часто встречающийся у наших проповедников, вовсе не служащий к украшению их, а прямо ведущий к гибели. Если бы мы захотели защищать свой дом от врагов, то мы вооружили бы саблями и ордием не наших мальчиков и девочек. Так и здесь. Нельзя возводить на кафедру для защиты Истины всякого новичка, бойкого на язык, но неопытного в духовной жизни. Страх Божий должен руководить мудростью молодого человека, иначе нельзя допустить его к проповедованию Слова. Пока не просветится его ум и сердце благодатию Божиею, до тех пор пусть ждет он своей очереди.

Проповеднику должно со всем усердием стараться об укреплении в себе высшего нравственного чувства. Многие могут быть очень пригодны для всякого дела, но многие из них совершенно нетерпимы на церковной кафедре. Я очень строго отношусь к христианам, впавшим в какой-либо тяжкий грех. Я радуюсь, когда они искренно каются и с смешанным чувством страха и надежды вновь возвращаются на покинутый ими путь. Но я сильно сомневаюсь, чтобы кто-нибудь, совершивший тяжкий грех, мог быть скоро снова допущен на церковную кафедру. Джон Энджелл Джеймс говорит: „Когда про-

поведник истины вступит на путь греха, он может снова начать свою проповедь не ранее, как раскаяние его вполне искупит его преступление"... Но искупление это не легко. В христианское общество подобные раскаявшиеся падшие могут быть приняты; они могут занимать впоследствии и церковную кафедру, если Бог допустит к этому их. Не в этом сомневаюсь я, а в том, есть ли на это *свободная* воля Божия, и мое убеждение таково, что мы должны быть очень осторожны при возведении вновь на церковную кафедру людей, уже раз доказавших, что им недостает той духовной силы, которая способна выдержать испытания этого звания.

Есть работы, исполнить которые могут лишь очень сильные, здоровые люди; и мы, призванные Господом работать в Его винограднике, должны молить Его о помощи, чтобы было у нас достаточно силы для точного исполнения нашего долга, чтобы не поддаться искушениям сатаны, ко вреду наших членов общины и к нашей собственной гибели. Мы должны противостоять ему во всеоружии Божиим, чтобы превзойти других в делах духовного преуспевания. Самопожертвование, нестяжательность, твердость, терпение без конца – вот наши непрестанные спутники. Если хотим мы точно, по совести, выполнить наши обязанности, мы должны постоянно пребывать в самом тесном общении с Господом.

Помните твердо, что когда будете вы пастырями, вся ваша жизнь, вся ваша деятельность будет зависеть от степени вашего благочестия. Если ослабеет ваше усердие, плоха будет и церковная молитва ваша; еще слабее будет домашняя молитва и хуже всего – ваше духовное преуспевание. По мере того, как будет иссыхать душа ваша, будут ваши слушатели замечать, сами не сознавая причины, что ваши проповеди уже не имеют на них прежнего благотворного действия. Они почувствуют ваше духовное оскудение еще прежде, нежели вы сами заметите его. Ваши проповеди выдадут им ваше внутреннее падение. И как красноречиво ни говорите вы тогда, – во всех словах ваших будет ясно чувствоваться недостаток духовной силы. Как ни разрываетесь вы тогда, подобно Самсону, вы скоро убедитесь, что потеряли свою силу. Ваши прихожане не замедлят понять упадка вашей внутренней духовной жизни и в своих ежедневных общениях с вами. Острые глаза их прежде вашего заметят пробивающуюся у вас духовную седину. Когда кто заболевает сердцем, то страдают все органы человеческого тела: желудок, легкие, внутренние органы, мускулы, нервы... Точно также, если ослабевает сердце человека в *духовном* отношении, это неминуемо отражается на всех проявлениях его духовной жизни. Можно сравнить

наших слушателей с карманными часами и с часами на общественных зданиях. Если наши карманные часы идут неверно, никто от этого не терпит вреда, кроме нас самих; если же неверно выбивают время церковные или городские часы, то ими вводится в заблуждение все городское население. И проповедник – это именно подобные церковные часы. Многие ставят свои часы по его часам, и если его часы не верны, то они заставляют ошибаться и других. И проповедник делается ответственным за все грехи, повод к которым подает он сам. Не ужасно ли это, братья мои? Страшно даже остановиться на минуту на подобной мысли, но мы должны тем не менее ясно представить ее себе, чтобы лучше остеречься в будущем.

И еще думается мне, мы должны вести более духовную жизнь, нежели другие, потому что мы *подвергаемся гораздо большей опасности, нежели эти другие*. Нигде, кажется, нет столько искушений, как около церковной кафедры. Вообще принято считать, что должность проповедника очень легка и избавляет его от многих искушений. Но на самом деле мы окружены большими опасностями, чем кто бы то ни был, и наши враги гораздо коварнее, нежели у остальных христиан. Высота, на которой стоим мы, представляет многие выгоды, но именно эта-то высота и опасна и для многих проповедников оказалась Тарпейскою скалой. Если вы спросите, что же это за искушения, то скажу вам: нам не хватит времени перечислить их всех. Бывают и более грубые, и более утонченные. К грубейшим принадлежат искушения неумеренности в пище, греховные помыслы, особенно у молодых проповедников. Но мы не будем здесь распространяться о них; вы сами можете увидеть множество подобных примеров, если захотите присмотреться хорошенько к окружающей вас жизни.

Но есть другие, несравненно более тонкие сети, которых гораздо труднее избежать, и самая опасная из них – это исполнение своих обязанностей лишь внешним образом, как слуги исполняют какое-нибудь торговое дело. Если мы лишь *внешним* образом читаем Священное Писание, внешним образом молимся, не вникая *сердцем* в смысл этого Писания или этих молитв, если мы вообще относимся к обязанностям нашего звания, так сказать, официально, а не носим их в глубине нашего сердца, если наше личное „я“ ступшевывается при исполнении наших обязанностей, это поистине очень тяжелая для нас потеря. „Никто, – говорит *Джон Оуэн*, – не в состоянии сказать хорошей проповеди, если он не прочувствует ее сначала в собственном сердце“. О, братья, как трудно сохранить эту

искреннюю сердечность! Наше звание, вместо того чтобы облегчать нам нашу внутреннюю жизнь, вследствие испорченности нашей природы, напротив, затрудняет ее. Так, по крайней мере, говорю я по собственному опыту. Как же должно бороться нам, чтобы отогнать от себя эту „официальность“, и как старается она опутать нас подобно тому, как длинная одежда мешает бегущему человеку, путаясь вокруг ног его! Берегитесь, дорогие братья, как этого, так и других подводных камней нашего звания. А если вы так поступали до сих пор, — продолжайте же это до последнего часа вашей жизни!

Я привел здесь лишь одну из опасностей нашего звания, но ведь число их — легион! Злобный враг спасения душ наших испытывает всевозможные средства для гибели пастырей душ. „Остерегайтесь, — говорит N. N., — потому что искуситель прежде всего на вас обратит самое жестокое нападение свое“. Если хотите быть вождями борющихся против него, он лишь настолько пощадит вас, насколько запретит ему это Господь. Он питает страшную злобу против вас, причиняющих ему такой вред. Больше всего он ненавидит Христа, нашего верховного Вождя и Спасителя, а после Него его злоба обращается на нас, Его помощников. Он знает, как много значит для его успеха, если прихожане увидят грехопадения своих духовных вождей. Давно уже избрал он этот способ ведения борьбы, давно уже старается „поразить пастыря“, чтобы „рассеялись овцы стада“. И столь велик был до сих пор его успех, что и далее не оставит он этого способа своего. Берегитесь же поэтому, братья, враг обращает на вас особенное внимание. Много коварнейших преследований, неотступных тревог и стремительных нападений вынесете вы от него. Как бы ни были вы умны и ученые, но берегитесь, чтобы не перехитрил он вас. Дьявол — более великий ученый, нежели вы, и очень ловкий диспутант. Он может обратиться в „ангела света“, чтобы обмануть вас. Он подкрадется к вам и вовлечет вас в погибель, прежде чем вы догадаетесь об его присутствии. Он обойдет вас незаметно и лишит вас вашей веры и чистоты, вы не будете и замечать, что лишились их. Он даже заставит вас думать, что вы преуспеваете в том, что вы уже совсем и давно потеряли. Когда он будет ловить вас, вы не заметите даже крючка на его удочке, не только самого коварного ловца. И приманка его так понравится вам, так подойдет к вашему настроению. Он будет употреблять ваши же собственные взгляды и склонности для завлечения вас в свои сети, а когда доведет вас, наконец, до гибели, он сделает вас же самих орудиями вашего падения. О, как радуется он

своей победе, когда удастся ему совратить с истинного пути пастыря Церкви! „Глядите, – говорит он прихожанам его, – вот ваши святые наставники; каких строгостей требуют они от вас, и что делают сами!“ – „Вот, – скажет он Самому Иисусу Христу, – вот Твои борцы! я могу заставить лучших служителей Твоих бесчестить Твое имя! я могу заставить управителей Твоих изменить Тебе!“ Если он осмелился пред лицом Господа насмеяться над Иовом, говоря, что, если Господь отнимет у Иова его блага, то „благословит ли он Его? то что станет делать он, если получит подобную власть над нами? И будет он зло насмеяться над вами, что удалось ему заставить вас забыть ваши обязанности, вашу ответственность, заставить вас изменить вашим верованиям и „сослужить службу“ ему, вашему врагу! О, не доставляйте ему этой радости, не допускайте, чтобы он поступил с вами, как Самсон с филистимлянами, чтобы не лишил он вас вашей мощной силы, вашего духовного зрения и не посмеялся бы потом над вами!

Еще одно! очень должны мы заботиться об умножении в нас благочестия, *потому что наше святое дело властно требует этого*. Труды пастыря-христианина могут быть выполнены лишь настолько хорошо, насколько сильна духовная жизнь в его обновленной природе. Мы можем хорошо исполнять свое дело лишь тогда, когда у нас самих все обстоит благополучно. Каков работник, такова будет и работа. Бороться с врагом истины, защищать твердыни веры, управлять Божиим миром, утешать скорбящих, назидать праведных, руководить слабыми, терпеливо направлять своенравных, покорять души и воспитывать их – все эти и подобные им труды могут быть исполнены лишь людьми, от Господа одаренными высоким духовным мужеством. Итак, ищите силы у всемогущего Господа, разума – лишь у Него, Источника разума, – короче сказать – просите всего у Бога, от Которого все исходит.

Затем, в третьих, пастырь обязан заботиться, чтобы его личное поведение во всех отношениях вполне согласовалось с его званием.

Рассказывают об одном проповеднике, который прекрасно проповедовал и так плохо жил, что все говорили про него: когда он стоял на кафедре, то ему „не следовало бы вовсе сходиться с нее“; а когда он был не на кафедре, то ему „не подобало бы никогда и всходить на нее“... Да избавит же нас Господь от такой двойственности! Да не будем мы служителями Бога у алтаря и орудиями Велиара вне храма Божия. Пусть лучше мы, как говорит св. Григорий Богослов о св. Василии Великом: „гремим нашими проповедями и блистаем нашею

жизнию". Двудличным людям не доверяют. *Не верят и тем, у кого дела не соответствуют словам.* Дела громче слов, говорит немецкая пословица, и самые красноречивые слова проповедника вполне затмеваются его плохой жизнью. *Строить*, в настоящем смысле этого слова, мы можем лишь нашими руками; наша жизнь должна более поучать, нежели наше слово. Я хотел бы предупредить вас более о „совершенных грехах, нежели о грехах упущения“. Многие проповедники забывают служить Господу, сойдя с своей кафедры. Возненавидьте, братья, самую мысль, что вы можете сделаться проповедниками в роде заведенного часового маханизма, одухотворяющимися не постоянно пребывающею в вас благодатию, а лишь приходящими в движение вследствие временно действующих внешних влияний. Не будьте людьми, которые могут назваться проповедниками лишь в течение определенного времени, пока они исполняют свои служебные обязанности, но которые перестают быть ими, лишь только сходят с кафедры. Истинные проповедники проповедают непрестанно.

Пастырь, ведущий предосудительную жизнь, есть ужасное явление. Моисей был „подобен Господу“, потому что он был „пророком, *сильным в слове и деле*“. Служитель Божий должен стремиться уподобляться своему Господу; он должен быть силен словом своего учения, а также и примером своих дел, — еще сильнее в последнем случае. Единственная церковная „история“, которую мы находим в Священном Писании, есть история житий и деяний апостольских. Проповеди апостольские волею Божиею не сохранились для нас. Они были хороши, конечно, — несравненно лучше *наших* проповедей, но Господь оставил нам лишь их „деяния“. У нас нет также почти никаких документов, где бы вписаны были постановления апостолов. Когда бывают у нас наши заседания, мы вносим наши заключения в „протоколы“, — но Господь записывает лишь „деяния“... И наши „деяния“ должны быть достойными этой записи, потому что записаны они будут без всякого сомнения. Мы должны жить с сознанием непрестанно взирающего на нас всевидящего ока Господня. Мы каждую минуту как бы освещены мощным, всепроницающим светом Божиим.

Глубочайшая чистота и святость есть лучшее украшение и необходимейшая принадлежность пастырского звания. Обычное нравственное превосходство не достаточно; тут требуется *высшая* добродетель. Строго нравственная жизнь необходима, но она должна быть как бы освящена благодатью свыше; иначе мы лишаемся того, что особенно возвышает нас в глазах Бога и людей. Старик N. N. высоко ставит необходимость *святости* жизни для пастыря Церкви в своем сочинении: „Сан

и обязанности пастыря (проповедника)“. Он говорит там: „Если Оза должен был умереть, потому что только *дотронулся до ковчега Господня*, хотя он хотел лишь удержать его от падения; если то же самое случилось с жителям Вефсамиса, которые лишь взглянули на него; если смерть угрожала даже животным, приближавшимся к священной горе, то каковы же должны быть те люди, которые удостоиваются „говорить“ с Самим Господом, „предстоять Ему, подобно ангелам“,... „нести Имя Его к язычникам“ – иначе сказать, быть Его посланцами на земле? „Святость“, говорится в псалмах, – „есть вечное благолепие дома Твоего“. И не странно разве думать, что могут быть священны церковные сосуды, одежды, все может быть священо, и лишь только тот, на одеянии которого даже должны быть написаны слова: „освящено Господом“, – лишь он один может не быть освящен?! Нет, эти люди должны быть „горящими и светящими во тьме светильниками“, если они не хотят, чтобы их проповедь приносила лишь смерть и гибель. Они должны своей жизнью дополнять свое учение. Если нет святости в них, они оскорбляют Того, Кто послал, поставил их учить народ Свой“.

Как магнит притягивает к себе железные вещи, так и жизнь пастыря должна притягивать, привлекать души ко Христу. И поистине очень грустно, если она держит их слишком далеко от Него. Освященная Божией благодатью, она как бы призывает грешников обратиться к Господу, она имеет замечательную притягательную силу. Иеремия Тейлор говорит своим оригинальным, цветистым языком: „Голуби Ирода никогда не могли бы привлечь к себе такое множество чужих птиц, если бы они не были вымазаны арабским бальзамом. „Вымажь твоих голубей ароматами, и они привлекут целые стаи птиц“. Так и вы, если хороша жизнь ваша, если благоухают ваши добродетели, вы скоро привлечете к себе сердца ваших прихожан, так что они будут стараться подражать вашему „благоуханию“. Но вы должны отличаться и должны быть действительно такими, не по образу обыкновенных людей, а по „образу Божию“. И люди будут стремиться сделаться похожими на вас, если вы будете сами стараться приблизиться к подобию Божию. Но если вы остановитесь лишь на пороге добродетели, если вы будете лишь отстраняться от греха, то вы привлечете в стадо Христово лишь тех, кого загонит туда страх. А делать то, что более всего служит к прославлению Бога, – вот правило, которому вы должны следовать. Исполнять лишь то, что неизбежно, должны исполнять все люди, – это правило рабов и даже не детская любовь. Каким же отцом народа можете вы быть, если сами не имеете даже

сыновней любви к Богу? Плохим светильником будете вы, способным едва осветить одного человека, а не руководить целою толпою или привлечь отовсюду своим ярким пламенем достойных преемников себе“.

Другой, не менее известный богослов, епископ Рейнольдс, хорошо и сильно в данном случае говорит: „Звезда, приведшая волхвов ко Христу, огненный столп, указывавший израильтянам путь в Ханаанскую землю, не только являлись, но и шли перед ними (Матф. 2, 9; Исх. 13, 21). Голос Иакова не помог, когда руки были руками Исава. По закону никто, имевший какой-либо телесный недостаток, не мог приносить жертву Богу (Лев. 21, 17-21). Этим Господь хотел показать нам, как высоко добродотельны должны быть служители Его. На одеждах священников должны были находиться „позвонки“ и „яблоки“ – символы, эмблемы здравого учения и плодотворной жизни (Исх. 28, 33-34). Господь требует, чтобы все, приближающиеся к Нему, были чисты (Ис. 52, 11). Грехи священников делали то, что люди отвращались от жертвоприношений (1 Цар. 2, 17). Они позорили свое учение порочною жизнью. Блаж. *Августин* говорил: „Своим учением они воздвигают здание, своею же жизнью разрушают его“. Окончу это рассуждение следующими полезными словами из письма бл. Иеронима к Непоциану. „Не допускай, – говорит он, – твоим делам позорить твое учение, чтобы те, кто слышали тебя в церкви, не подумали о тебе: отчего же не делаешь ты сам того, чему учишь других? Плохой учитель тот, кто учит других воздержанию, сам же объедается. Как разбойнику предостерегать других от корыстолюбия? Уста, рука и сердце священника Христова должны быть в полном согласии между собою“.

Очень подходят к этому также изящные слова N. N. в его сочинении: „Говори хорошо, и действуй также хорошо“. В городе Смирне был однажды забавный актер, который восклицал: „О небо!“ – а рукою показывал на землю. Увидав это, Полемо, один из знатнейших граждан города, не в состоянии был слушать его далее и удалился в сильном гневе, со словами: „Этот глупец не умеет правильно говорить руками, он соврал своими пальцами“. Точно также поступают те, которые хорошо *учат* и плохо *живут*. У них слово *небо* лишь на языке, рукою же они указывают на землю. Они не только лгут языком, но и руками учат плохому благочестию; они не живут согласно своему учению. Но Живущий на небесах посмеется им и изгонит их от Себя, если не изменят они своей жизни“.

И в малых вещах должен наблюдать пастырь, чтобы согласовалась жизнь его с его призванием. Особенно должен он

наблюдать, чтобы исполнять данные обещания. Справедливость его должна быть безупречна. Истина должна господствовать не только внутри нас, но и ярко блистать вокруг нас. Один знаменитый доктор богословия в Лондоне, теперь уже умерший, прекрасный и благочестивый человек, объявил в одно воскресенье, что хочет посетить всех членов своей общины и что для этого он будет следовать порядку мест, занимаемых ими в церкви, чтобы посетить всех хотя по разу в год. Один знакомый мой, очень небогатый человек, чрезвычайно обрадовался, что проповедник *посетит* также и его. Недели за две до того времени, как по его мнению должна была дойти очередь и до него, жена его усердно чистила свою квартиру, и сам он ежедневно спешил от своих занятий домой, в радостной надежде встретить у себя проповедника. Так прошло довольно времени. Между тем проповедник или забыл свое обещание, или устал исполняя его, или по какой другой причине не шел к бедняку. Последний потерял, наконец, свое терпение и сказал ему: „Вы обращаете внимание на богатых, а нас, бедняков, и знать не хотите!“ И этот человек на долгое время отказался от всякого общения с своим приходом, до тех пор, пока не попал однажды случайно в Экзетер-Халл и не сделался моим многолетним слушателем. И не легкой задачей было для меня убедить его, что тот пастор был честный человек и что он одинаково относился ко всем, и бедным и богатым. Будем же стараться избегать делать подобный вред, точнее исполнять наши обещания.

Мы обязаны при этом помнить, что на нас устремлены взоры всех. Редко у кого хватает совести, чтобы преступать законы явно, на глазах всех, — а ведь именно такая гласность и окружает нас постоянно. Тысячи зорких глаз устремлены на нас; будем же жить так, чтобы не бояться никаких свидетелей ни на земле, ни на небе. Наше общественное положение очень выгодно, если только мы сумеем устроить духовно свою жизнь. Старайтесь же, братья, не лишиться себя этого преимущества.

Если мы говорим вам, дорогие братья, обращайтесь внимание на вашу жизнь — это значит: тщательно наблюдайте за всеми самонаименьшими поступками вашими. Избегайте всяких долгов, ссор, старайтесь быть во всем аккуратны и точны, не обижайте никого ничем. Словом, избегайте и всех малых пороков, которые портят нас, как мухи портят всякую вещь.

Невоздержность, столь повредившая репутации многих из нас, не должна быть терпима между нами. Мы должны быть очень осторожны в обращении и с другим полом. Грубость и чванство, делающие многих смешными, также не могут быть

допущены нами. Слишком высоко и серьезно наше дело, чтобы не обращать нам внимания на все мелочи, могущие вредить нам. Мы должны стараться непрестанно следовать правилу: „никому не делать ничего неприятного, чтобы не клеветали, не хулили наше звание“.

Но это не значит, что мы должны подчиняться всем капризам или обычаям общества, среди которого мы живем...

И во время ваших отдохновений не забывайте, что вы служители Евангелия! И во время отдыха вы все-таки – воины нашего Господа, – и такими вы должны и держать себя! Но, если следует обращать внимание на подобные мелочи, то как же нам должно заботиться о великих обязанностях нравственности и чести!

Частная жизнь пастыря во всем должна согласоваться с его общественной деятельностью. Иначе скоро зайдет его солнце и тогда – чем скорее удалится он от своего дела, тем лучше, потому что, оставаясь на своем посту, он может лишь позорить свое святое дело, окончательно погубить и себя самого.

Братья! время, назначенное для нашей лекции, истекло и мы должны окончить ее.

Божественное призвание к проповедничеству

Каждый христианин имеет право распространять Евангелие, если только он способен к этому; даже более того – не только имеет право, но и обязан делать это, пока он жив (Откр. 22, 17). Распространение Евангелия не есть привилегия немногих, но всех учеников или последователей Господа нашего Иисуса Христа. Каждый из них обязан, смотря по степени дарованной ему Святым Духом благодати, работать для Господа как среди своих собратий, так и между язычниками. И это касается не только одних мужчин: все верующие, мужчины и женщины, призваны к этому деланию, если только они в силах посвятить себя распространению веры Христовой на земле. Это служение может и не иметь вида проповеди – иногда даже и не должно. Женщинам, наприм., публичная проповедь прямо воспрещена (Тим. 2, 12; 1 Кор. 14, 34). И несмотря на все это, мы обязаны „не зарывать в землю“ данного нам дара.

Мы не намерены говорить в этой лекции собственно о проповедовании или какой-либо другой форме распространения Евангелия, обязанной для всех верующих вообще. Мы хотим говорить здесь лишь о том „делании“ христианского пастыря, которое заключает в себе и проповедь среди прихожан, заведование или управление духовными делами – о том „делании“, о том служении, которое требует от пастыря посвящения всей жизни своей другим и отречения его от „всяких дел житейских“ (2 Тим. 2, 4), – о том делании, которое дает ему право на пожизненное содержание на счет прихода, в виду того, что он обязан отдавать все свое время на дела и пользу прихожан (1 Кор. 9, 11; 1 Тим. 5, 18). Об этом говорит и апостол Петр следующее: „Пасите Божие стадо, какое у вас есть, надзирая за ним не принужденно, но охотно“ (1 Петр. 5, 2). Но разве могут все без исключения христиане быть способными к управлению, к духовному руководству? Должны же быть между ними и такие, которые, наоборот, сами требуют этого руководства и надзора? И мы думаем поэтому, что Господь так устроил в своей земной церкви, что некоторые из христиан поставлены управлять и надзирать, другие же охотно, для своего же собственного блага, подчиняться первым. Не все призваны проповедовать или поучать, начальствовать, занимать пастырские кафедры; и те, которые не имеют необходимых для этого способностей, не должны и стремиться к этому великому „деланию“. Этому

„деланию“ может посвящать себя лишь тот, кто вполне убежден, что он получит „такое служение“ — „по милости Божией“ (2 Кор. 4, 1). Никто не может собственной волей сделаться „подпаском“ стада Христова, но должен ждать этого назначения от своего верховного Пастыреначальника. Кто хочет быть „послом“ Господа на земле, тот должен быть призван к этому Им Самим. Если же он примет на себя священное „делание“, не имея призвания к нему „свыше“, то не скажет ли ему и всем подобным ему Господь: „Я не посылал их и не повелевал им, и они никакой пользы не приносят“ (Иерем. 28, 32).

Если вы заглянете в Библию, то увидите, что все ветхозаветные пророки и проповедники получали свое назначение, свое посланничество, свою власть от Иеговы. Исаия повествует нам, как дотронулся до его уст горящим углем серафим и он услышал голос Господа: „Кого послать? и кто пойдет для нас?“ (Ис. 6, 8). И пророк ответил: „Вот я, пошли меня“. Ведь не пошел же он прежде, нежели был призван на это Господом, и прежде, нежели получил дар для исполнения своего великого поручения? Слова: „Как могут они проповедовать, не будучи призваны к тому?“ еще не были произнесены в то время, но их важное значение и тогда уже признавалось. Прор. Иеремия подробно рассказывает о своем призвании. „И было ко мне слово Господне: прежде нежели образовал Я тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил Я тебя. А я сказал: О, Господи Боже! я не умею говорить, ибо я еще молод. Но Господь сказал мне: не говори: „я молод“; ибо ко всем, к кому пошлю тебя, пойдешь, и все, что повелю тебе, скажешь. Не бойся их: ибо Я с тобою, чтобы избавлять тебя, сказал Господь. И простер Господь руку Свою и коснулся уст моих, и сказал мне Господь: вот, Я вложил слова Мои в уста твои. Смотри, Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать“ (Иерем. 1, 4–10). То же самое говорит о своем призвании и прор. Иезекииль. Он говорит: „И Он сказал мне: сын человеческий! стань на ноги твои, и Я буду говорить с тобою. И когда Он говорил мне, вошел в меня дух, и поставил меня на ноги мои, и я слышал Говорящего мне. И Он сказал мне: сын человеческий! Я посылаю тебя к сынам Израилевым, к людям непокорным, которые возмутились против Меня; они и отцы их изменники предо Мною до сего самого дня“ (Иезек. 2, 1–3). „И сказал мне: сын человеческий! съешь, что перед тобою, съешь этот свиток, и иди, говори дому Израилеву. Тогда я открыл уста мои, и Он дал мне съесть этот

свиток; и сказал мне: сын человеческий! напитай чрево твое и наполни внутренность твою этим свитком, который Я даю тебе; и я съел, и было в устах моих сладко, как мед. И Он сказал мне; сын человеческий! встань и иди к дому Израилеву, и говори им Моими словами“ (Иезек. 3, 1-4). Как произошло призвание Даниила, нам не рассказано, но оно слишком очевидно и понятно для нас благодаря той массе видений, которые были ему открыты, а также и благодаря той явной, великой благодати Божией, что почил на нем. Мы не будем перечислять остальных пророков. Все они основывали свое призвание на словах: „Так говорит Господь“. У нас, христиан, всякий может сделаться пастырем, всякий может и проповедовать, распространять Евангелие, но способности к этому служению и призвание свыше даются далеко не всем.

Да не думает никто, что подобное призвание существует лишь в нашем воображении и что в нынешнее время никто к этому служению каким-либо *особенным* образом не призывается. Об этом призвании свидетельствует уже самое имя, даваемое пастырям в Новом Завете. Апостол говорит: „Итак — мы посланники от имени Христова“ (2 Кор. 5, 20); всякий же „посланник“ непременно *посылается* своим монархом. Люди, выдающие себя за „посланников“ Христа, в глубине своего сердца должны чувствовать, что Сам Господь поручил им святое дело „примирения“ (2 Кор. 5, 18-19). Если скажут нам, что это название относилось лишь к одним апостолам, то я отвечу, что сказанное в этом послании относится не к одному апостолу Павлу, но также и к Тимофею. Следовательно, тут говорится не об одних апостолах только. В Первом послании к Коринфянам мы читаем: „И так, каждый должен разуметь нас (под словом нас надо понимать Павла и Сосфена, 1 Кор. 1, 1), как слугителей Христовых и домостроителей таин Божиих“ (1 Кор. 4, 1). Домостроитель же поставляется своим господином. Он не может сделаться таким по одной собственной воле. Если кто из нас захочет, например, сделаться управляющим всеми имениями и состоянием, положим, хотя герцога Вестминстерского, и вздумает распорядиться ими сам, без ведома этого последнего, — не дано ли будет ему в самом скором времени почувствовать свою ошибку?.. Очевидно, необходимо получить прежде всего призвание „свыше“, чтобы сделаться „Божием домостроителем“ (Тит. 1, 7).

Апокалипсическое выражение „Ангел“ (Откров. Иоан. 2, 1) означает *посол*. Каким же образом можем мы сделаться герольдами Христа? Не иначе как по Его избранию и по Его устройению. Если же кто-нибудь усомнится, что наименование „Ангел“ относится к проповедникам, то к кому же оно отно-

сится? К кому же в христианской Церкви приказывалось писать, как не к человеку, занимавшему там высшее, начальническое место?

Титу было приказано добросовестно исполнять порученное ему дело. Стало быть, было ему вверено, *поручено* его служение. Некоторые из христиан в Писании называются: „Сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело“ (2 Тим. 2, 21). Господь Сам избирает сосуды для Своих целей. Он говорит об них, как сказал Он о Павле Тарсийском: „Он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое пред народами“ (Деян. Ап. 9, 15). Когда Господь вознесся на небо, Он „поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями“ (Ефес. 4, 11). Не явствует ли из этих слов, что по вознесении Своем Господь призвал некоторых быть пастырями христианских общин? Итак, они были призваны Богом, а не сами возвысились до этого положения.

Я надеюсь, братья, что и вы будете когда-нибудь стоять во главе ваших общин, над которыми „Дух Святой поставит вас блюстителеми“ (Деян. Ап. 20, 28). И я прошу Господа, чтобы каждый из вас мог сказать с „апостолом языков“, что вы получили ваше избрание „не человеками и не чрез человека, но Иисусом Христом и Богом Отцем“ (Гал. 1, 1). Да исполнится на вас древнее обетование: „И дам вам пастырей по сердцу Моему“ (Иерем. 3, 15); „поставлю над ними пастырей, которые будут пасти их“ (Иерем. 23, 4). Да исполнит Господь на каждом из вас свое обещание: „О Иерусалим, я дам тебе стражу, которая будет хранить тебя день и ночь“; и другое слово Его также: „Если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста“ (Иерем. 15, 19). Да распространит Господь чрез вас благоухание веры Христовой и да соделает вас самых Христовым благоуханием Богу „в спасаемых и в погибающих“ (2 Кор. 2, 15). Да почует на вас беспредельная благодать Божия, чтобы прославить через вас Имя Его и сохранить себя чистыми от всего человеческого, греховного. Подобно тому, как призывал Господь учеников Своих, наставлял их и посылал проповедовать, так да пошлет Он и вас, как Своих избранных и служителей, в утешение ваших прихожан и в благословение всему миру!

Но как может узнать молодой человек, призван он к этому священному деланию или нет? Это очень важный вопрос; его должно серьезно обсудить. Да поможет нам в этом Господь. Очень грустная истина, что многие избирали себе ложный путь и спотыкались на этом пути. В этом-то и заключается главная причина бесполезной деятельности многих проповед-

ников и нравственного упадка современного христианского общества. Большое несчастье, если кто ошибается в выборе своей деятельности и станет пастырем не по призванию. Но какое несчастье для самой общины, в которую „вотрется“ подобный человек. Это – страшное, ужасающее зло, могущее иметь самые плачевные результаты.

Не подобных ли проповедников имел в виду поэт, выразившийся так о „человеке“: „Скажите мне вы, мудрые мира, кто из всех живых существ во вселенной так часто заблуждается и забывает свою цель, свое назначение, как человек? Каждое животное знает, что ему полезно и что вредно. Лишь один человек зачастую идет наперекор своему рассудку! Один человек лишь действует нередко вопреки законам природы!“

Когда я думаю о том непоправимом вреде, который можем мы принести обществу, если недостойно занимаем наши священнические места, то я „дрожу“ при мысли, что многие из нас слишком легкомысленно испытывают себя, и мне хочется, чтобы мы более серьезно относились бы к этому испытанию, чтобы мы не изображали из себя плевел, только мешающих росту полезных растений... Есть много строгих способов, которыми можно испытать себя, если имеешь серьезное желание сделать это. Крайне необходимо, чтобы никто не решался вступать на церковную кафедру, не подвергнув себя такому испытанию. И если почувствует кто в себе *действительное* призвание, то он должен испытать себя еще двояко. Первое условие нужно ему как христианину, второе же – не менее важно для него – как проповедника. Ведь нельзя же быть одновременно и хорошим христианином, не имея искренней веры во Христа, и хорошим проповедником, не имея к тому божественного призвания. В обоих случаях от идеала нашего служения, нашего „делания“ остается лишь одно наименование, один пустой звук.

1. Первый признак божественного призвания есть *горячее*, ничем *неутолимое* желание этого делания с нашей стороны, *неодолимое* стремление передать другим вложенное Господом в нашу душу доброе. Некто, хорошо знавший Н. Н., сказал о нем, что он был „бесконечно и ненасытимо жаден“ относительно „обращения“ душ. Хотя он имел полную возможность получить хорошее, выгодное место в университете, все же он предпочел ему должность помощника проповедника, так как он „нетерпеливо жаждал прямой пастырской деятельности“. „*Не делайся проповедником, если ты в состоянии спокойно относиться к твоему делу*“ – мудро ответил один из древних пастырей спрашивавшему его об этом служении. Если какой-либо из присутствующих здесь студентов в

состоянии успокоиться, сделавшись редактором, купцом, доктором, адвокатом или даже самим королем, такой студент пусть идет своей дорогой. В нем не живет искра Божия: иначе он не предпочел бы никакого положения тому, к которому стремится вся душа его. Если же кто из вас может сказать про себя, что никакие сокровища мира не в силах заставить его отказаться от этого служения, от проповеди Евангелия Христова, тот может быть уверен — если он имеет и другие, необходимые для того условия, — что он *получил* божественное призвание к этому служению. Слово Божие должно ярко гореть в нас, иначе мы будем чувствовать себя несчастными, иначе мы не будем в состоянии достигнуть необходимого в нашем деле самопожертвования и мало принесем пользы тем, блюсти которых мы поставлены. Я вправе говорить о самопожертвовании. Все делание истинного пастыря душ преисполнено этого самопожертвования. Без горячей любви к своему служению ему не перенести его. Лишь вооружаясь этою любовью, вы сможете справиться со всеми трудностями нашего пастырского „делания“. Без нее же, без этой необходимой силы неодолимого божественного призвания, вы скоро погибнете и других многих погубите.

Стремление к пастырству должно быть плодом спокойного рассуждения. Оно не может явиться вдруг, без серьезного размышления. Оно должно быть решено нашим сердцем в самые чистые, святые минуты нашей жизни. Оно должно быть предметом наших священнейших желаний, плодом наших усерднейших, пламенных молитв. Оно должно уже и тогда наполнять наше сердце, когда мы стояли еще на распутьи, среди борьбы с привлекающими нас мирскими благами, богатством, удобствами жизни. Оно должно быть спокойным, твердо обдуманым, совершенно непоколебимым решением, когда мы выйдем победителями из этой борьбы.

Как-то, в мои детские годы еще, живя в деревне у моего деда, увидел я толпу охотников в красных платьях, преследовавших по полю лисицу. Я пришел в полный восторг. Мое маленькое сердечко билось, и мне хотелось помчаться вслед за собаками. И когда после этого меня спрашивали, чем хочу я сделаться, я всегда отвечал: „охотником“! Хорошее жизненное занятие, нечего сказать! И как много молодых людей желают быть пастырями, подобно мне, хотевшему сделаться охотником. Им, как и мне, по-детски нравится лишь красное платье и звуки охотничьих рогов, т. е. почести, уважение, спокойная жизнь, а то так и воображаемое богатство проповедника... Да, большое очарование представляет для слабого человеческого ума звание пастыря, но я предостерегаю всех

молодых людей – не смешивать свои фантазии о пастве с божественным призванием, свои детские мечтания с внушениями, исходящими от Духа Святого.

Далее, следует заметить еще, что стремление, о котором говорил я, должно быть *вполне бескорыстным*. Если кто, по первом серьезном испытании себя, откроет в себе другую побудительную причину своего желания сделаться пастырем, кроме желания прославления Господа и спасения душ, тот хорошо сделает, если тотчас же откажется от этого звания. Вторжение продавцов и покупателей в дом Божий есть мерзость пред Господом.

Потом, это стремление должно быть в нас *твердо, неизменно*. Оно должно быть в нас таким душевным настроением, которое может выдержать всякое жизненное испытание, короче сказать, таким внутренним влечением, которое все растет и увеличивается в нас с годами, которое наполняет нас горячею, ничем не утолимою, душевною жаждою Евангельской проповеди. В подобном стремлении есть много красоты и благородства. Когда вижу я это непреодолимое, горячее желание в груди молодого человека, мне всегда тяжело разочаровывать его неприглядными картинами блистательной жизни, говорить ему о его непригодности к этому великому служению. Иногда – о чем мы будем говорить позднее – даже необходимо бывает затушить в нем это пламя. Поэтому, если вы не чувствуете в себе этого пламени, то, повторяю, – обратитесь лучше к своим делам и служите Господу иначе. Если же горит оно в вас, не тушите его, – разве лишь в том случае тушите, когда другие соображения показывают вам, что это пламя не божественного происхождения.

2. С серьезным стремлением к делу проповедничества должны быть соединены также и *другие качества и способности, необходимые для всякого общественного оратора*. Кто хочет доказать свое призвание, тот должен прежде всего показать, что он действительно владеет им. Я не требую, чтобы он с первого же раза заговорил так, как говорил, например, N. N. в позднейшие годы своего проповедничества (N. N., проповедник в Кэмбридже и Лейстере (1764–1831), считался одним из величайших проповедников своего времени. К сожалению, лишь немногие из его проповедей были отпечатаны и сохранились до нашего времени).

Если он на первых порах будет говорить хуже, нежели этот великий муж, то нельзя его по одному этому объявить неспособным. Известно ведь, какое поражение три раза подряд потерпел N. N. в начале своей проповеднической деятельности. „Если это не смирит меня, то что же в состоянии сми-

речь? — воскликнул он тогда. И многие из известных ораторов были вначале очень плохими ораторами. Даже Цицерону пришлось сначала бороться с своим слабым голосом и смущением, овладевавшим им на трибуне. И все-таки, никто не должен считать себя призванным к проповедничеству, пока не докажет на деле, что он *может* говорить. Если кто действительно призван к этому делу свыше, ему должен быть также дан и дар слова, который ему и следует развить в себе до возможного совершенства. Если же этого дара не дано ему вовсе, трудно предположить, что человек может развить его в себе.

Я слышал об одном человеке, возымевшем столь сильное стремление к проповедничеству и так приставшем к своему пастору, что этот последний согласился, наконец, разрешить ему произнести пробную проповедь. Но первым опытом, оказалось, был положен и конец всем его притязаниям, потому что, взойдя на кафедру и с чувством произнеся свой текст, молодой проповедник внезапно совершенно забыл все, что хотел говорить, и сказал своим слушателям лишь следующие слова: „Братья мои, если кто из вас думает, что очень легко проповедовать, то я советую ему взойти сюда на кафедру и этим вылечиться от своего высокомерия!“ Если у вас нет достаточных способностей к проповедничеству, вы легко можете в этом убедиться, произведя с собою подобный опыт. Я, по крайней мере, не знаю лучшего средства в данном случае. Мы должны старательно испытать себя в этом деле, иначе никак мы не можем убедиться в том, призвал нас к нему Господь или нет. И во время этого испытания часто должны вопрошать себя, можем ли мы вообще питать надежду принести какую-либо пользу людям нашими проповедями.

Мы не можем, однако, положиться в этом деле лишь на собственную совесть, на собственное решение: мы ведь не всегда в состоянии справедливо оценить себя. Некоторые из нас очень скоро убеждаются в том, что получили помощь „свыше“... Я могу почти завидовать их удивительной откровенности и самонадеянности, потому что, к сожалению, и самому мне слишком часто приходится вздыхать и жаловаться на собственные неудачи и недостатки в этом деле. Мы не должны слишком полагаться на собственное решение. Мы должны искать его у рассудительных, духовно-настроенных людей. Во многих наших приходах существует — не закон, обязательный для всех, но добрый старый обычай, согласно которому молодой человек, желающий посвятить себя проповедничеству, должен произнести пробную проповедь перед прихожанами. Вряд ли приятно это испытание для молодого кандидата и вряд ли может оно быть очень поучительным для

прихожан. Но оно является хорошим искусительным, пробным средством: оно может избавить иногда совершенно несведущего, непригодного к делу человека от суда толпы. В протоколе прихода Арнсби находится следующая заметка:

„Краткий отчет о назначении на должность проповедника в приходе Арнсби, 13-го Августа 1780 года“.

„Названный N. N. родился в Арнсби 2-го мая 1764 года. С самой ранней юности был он не только очень благочестив и *предан тайной, сердечной молитве*, но имел также непреодолимое влечение к проповедованию Слова Божия. Еще не вполне достигнув семилетнего возраста, он сочинял уже духовные песнопения, в которых ясно отражались его глубокое благочестие, вдумчивость и гениальные творческие способности. Между восемью и девятью годами он написал несколько таких песен, которые возбудили восторг многих, и одна из них была тогда напечатана в духовном журнале. Он писал также свои размышления о различных предметах и избранных местах Священного Писания. Учился он с страстным увлечением и скоро сделал такие успехи, что сельский учитель, занимавшийся с ним, не мог уже более ничему научить его. Тогда отправили его в учебное заведение, находившееся под ведением проповедника N. N. Здесь пробыл он года два и сделал большие успехи в греческом и латинском языках. В октябре 1778 года поступил он в Бристольскую Академию, состоявшую тогда под руководством проповедника Эванса. А 13-го августа 1780 года, будучи всего шестнадцати лет от роду, был уже назначен и сам проповедником. Свои способности к этому великому делу он доказал многими проповедями на различные места Священного Писания, произнесенными им на церковных собраниях. Он состоял членом собраний в течение четырех лет. Кроме того, приезжая домой, он много раз, по желанию всего прихода, произносил утренние воскресные проповеди. И приход единогласно пожелал иметь его своим проповедником. Для этого должен он был пред всем приходом ответить на различные вопросы относительно причин, заставивших его желать пастырского служения, и изложить приходу свои религиозные убеждения. Когда все это было им выполнено, к полному удовлетворению прихода, последовало и избрание его. Отец новоизбранного сказал ему затем слово на текст: „Итак, укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом“ (2 Тим. 2, 1). Во время же вечерней службы в тот же день новопоставленный проповедник и сам сказал слово“.

Очень ценны в этом случае и суждения людей, ведущих высокую духовную жизнь. В большинстве случаев эти суждения вполне правильны. Однако же нельзя придавать им

решающего значения и считать их непогрешимыми. К ним должно лишь относиться с уважением. Вспоминается мне при этом, как убедительно отговаривала меня от проповедничества одна почтенная, богобоязненная старица. Я отнесся к ее словам с полным уважением, но мнения и советы более опытных людей решили мою судьбу иначе. Молодые люди, сомневающиеся в своем призвании, хорошо сделают, пригласив с собою наиболее серьезных, опытных из своих товарищей, когда вздумают они попытать себя на этом поприще... Я заметил – а также и наш почтенный друг м-р Роджерс, – что вы, г-да студенты, редко ошибаетесь в ваших коллективных суждениях друг о друге. С тех пор, как стоит это здание, едва ли был хотя один случай, чтобы общее мнение всей коллегии относительно кого-либо из ее членов оказалось ошибочным. Вообще люди не так уже неспособны судить друг о друге, как это принято думать. Вы же, столь часто собирающиеся вместе здесь в аудитории, на молитве, при ваших занятиях и различных богослужениях, вы, так сказать, измерили друг друга. И потому тот из вас, кто рассудителен, не будет пренебрегать мнением всего вашего товарищества.

Предмет нашего рассуждения не будет еще вполне исчерпан, если не прибавим мы к сказанному, что для вполне совершенного выполнения обязанностей пастыря не достаточно одной способности и умения назидать и поучать, а требуются еще и другие качества. Здравый разум и зрелая опытность должны руководить вами. Вы должны обладать твердостью характера и мужеством. Нельзя обойтись также и без утонченной деликатности и сердечного участия. Вы должны быть одинаково одарены как способностью управлять, так и способностью назидать. Вы должны быть способными руководить, готовыми все терпеть и выносить. Вы должны возвышаться над всеми остальными людьми и быть достойными высокого названия их отцов и наставников. Прочтите повнимательнее, какие качества требуются от епископа в посланиях к Тимофею (3, 2-7) и к Титу (1, 6-9). Если не обладаете вы в изобилии *этими* дарами и добродетелями, очень возможно, что вы будете иметь успех как проповедники Евангелия, но в качестве пастырей вашего прихода будете вполне бесполезны.

3. Для дальнейшего убеждения в истинности своего призвания следует наблюдать, чтобы, по истечении некоторого времени после вышеописанных испытаний, непременно *оказались бы и какие-нибудь плоды вашей деятельности*. Если же этого нет, то знайте, что вы ошиблись, и избирайте себе другой род занятий. Нельзя, конечно, ожидать, что мы скоро

услышим о своих успехах. Может иногда пройти долгое время, прежде чем мы окончательно испытаем себя. Только думается мне, если не приводит чья-либо проповедь хотя кого-нибудь ко Христу, не достает такому проповеднику печати Божия посланника. Он обязан работать, несмотря на то, будет или нет иметь успех в трудах своих, но как провозвестник Слова Божия он не может убедиться в своем призвании свыше, пока ясно не обнаружатся плоды этого призвания.

Как радовалось мое сердце, когда услышал я о первой обратившейся чрез *меня* душе! Не удовлетворяли меня ни полные собрания моих слушателей, ни похвальные отзывы друзей; я жаждал лишь сердечного сокрушения и слез раскаивающихся грешников! Как радовался я, когда призналась бедная работница, что она сознала грехи свои и обрела своего Спасителя благодаря *моей* воскресной проповеди? Как сейчас вижу я маленькую хижинку, где жила эта работница, и какую привлекательною до сих пор представляется мне эта бедная хижинка! Как хорошо помню я вступление этой работницы в число моих прихожан, как наконец с глубочайшим миром в душе умерла она и переселилась в свою вечную отчизну! Это был первый успех мой на проповедническом поприще, и очень дорог был он мне, уверяю вас. Я готов был воспеть хвалебную песнь Божией Матери, потому что вся душа моя величала Господа, призревшего и на мое убожество, оказавшего мне великое благоволение, помогшего мне совершить дело, за которое — думая я — должны прославлять меня все народы. Так высоко стояло в моих глазах спасение, хотя бы и одной души человеческой!

Подобные спасительные обращения *должны* быть результатом и ваших трудов: иначе не можете быть уверены, что проповедь есть дело вашего призвания. Вспомните слова Господа, сказанные нам через пророка Иеремию. Эти слова прямо относятся сюда и должны бы исполнять страхом всех „бесплодных“ проповедников. Господь говорит: „Я не посылал пророков сих, а они сами побежали; Я не говорил им, а они пророчествовали. Если бы они стояли в Моем совете, то объявили бы народу Моему слова Мои, и отводили бы их от злого пути их и от злых дел их“ (Иерем. 23, 21–22). Я никак не могу понять, как можете вы спокойно, из году в год проповедовать, не видя результатов своей проповеди? Неужели нет в вас жалости к этим гибнущим душам? Неужели нет в вас чувства собственной ответственности? Как можете вы отваживаться на проповедь, тщеславно в свою пользу искажая учение о всемогуществе Господа, как можете слагать на Него вашу собственную вину?.. Нет, не ценны все ваши способности,

тщетна ваша философия, не нужна ваша риторика, напрасно даже сама и ваша вера, если не можете вы указать на какие-либо результаты вашей проповеди. Разве могут быть посланниками Бога люди, никого не приводящие к Нему?..

Поистине, лучше быть ветошником или трубочистом, нежели подобным сухим, бесплодным деревом. Самое ничтожное занятие все-таки приносит какую-либо пользу человечеству. Но жалкий человек, стоящий на проповеднической кафедре и не прославляющий Господа своими делами, не приводящий к Нему ни одну душу, - это более, чем ничтожество. Он не достоин и хлеба, который ест. И если еще вздумает жаловаться на скудость содержания своего, то его собственная совесть должна ответить ему: „Ты не заслуживаешь и того, что имеешь!“... Братья, если не дал кому из вас Господь страстного желания спасти души человеческие, тот пусть делается лучше каменщиком, пусть держится дальше от кафедры, если только дорожит своим душевным миром и будущим блаженством.

4. Затем, есть еще нечто, о чем должны мы упомянуть в нашем исследовании о призвании. Воля Господня относительно призвания пастырей и наставников открывается нам и в суждениях благочестивых членов общины. Для доказательства вашего призвания требуется, чтобы ваша *паства почувствовала назидательность ваших проповедей*. Обычно Господь Сам отверзает двери тех, кого призывает Он к проповеди во имя Свое. Нетерпение стремится само растворить, даже разломить дверь, но *вера* ждет пришествия Господа, и Он является в должное время. Одновременно с Его призывом является и испытание. Когда всходим мы на кафедру для проповеди, мы отдаем себя на суд слушателей. Если они осудят нас, если наши слова не назидательны для них, то неоспоримо заключение, что мы не Богом избраны. Признаки настоящего епископа описаны в Слове Божиим для руководства верующих в определении и познании ими своих пастырей. Если не увидят они в нас этих признаков, то вполне ясно и очевидно, что хотя мы и можем достаточно хорошо проповедовать, но что *пастырство* вовсе не наше дело. Прихожане не всегда обладают мудростью, не всегда судят они по указанию „свыше“; многие судят лишь по указанию плоти своей. Но все-таки - относительно моих способностей и добродетелей - я предпочел бы скорее подчиниться решению моих прихожан, нежели моему собственному. Во всяком случае верно одно: согласны вы с этим решением или нет - именно с тем, что никто из вас не может сделаться пастырем душ без сердечного соизволения членов церкви? Это соизволение будет хотя

не совсем правильным, но тем не менее все же действительным признанием вашей пригодности к пастырству.

Если вы действительно призваны Господом, вам не придется долго ждать. Как человек выбирает время для своего дела, так и всякое дело требует подходящего для себя человека. Всякая христианская община постоянно чувствует настоятельную потребность иметь „живого“ проповедника; такой человек для нее дороже всех сокровищ мира. Плохо живется сухим проповедникам-ремесленникам. Но помазанные избранники Божии не могут остаться без дела, потому что есть много людей, могущих распознать их по их проповедям, есть и много благодарных сердец, с радостью готовых принять их к себе. Будьте способны к вашей работе, и вы всегда будете иметь эту работу. Не бросайтесь из стороны в сторону и не навязывайте себя в проповедники; опирайтесь более на свои дарования, нежели на случай, но более всего заботьтесь о своем соединении с Господом. Паства признает посланного ей Богом пастыря; ему придверник отворит двери сердец людских и овцы послушаются голоса его.

Когда я в первый раз читал эту лекцию, я еще не был знаком с прекрасным письмом *Джона Ньютона* к своему другу, в котором говорится именно об этом предмете. Это письмо столь сходно с моими собственными мыслями, что я хочу привести его здесь, не смущаясь опасением прослыть за переписчика его мыслей, в чем я вовсе не виновен. Вот что сказано там:

„Ваше дело напоминает мне мое собственное; мои первые стремления к проповедничеству были сопряжены со многими затруднениями и с великим недоумением; беспомощность моя еще увеличивалась различными, противоречивыми суждениями моих товарищей. Совет, который хочу я дать вам, исходит из собственного горького опыта и поэтому, быть может, не будет для вас неприятен. Молю милосердного Бога, да принесет он вам пользу.

Подобно вам, я долго недоумевал, в чем заключается собственно призвание к проповедничеству. Теперь же это представляется мне очень легкою задачей; может быть, она не покажется вам такою же, пока не уяснит ее Господь и вам. Я не имею возможности высказать здесь все, что бы я мог по этому поводу сказать. Вкратце же, как кажется мне, все сводится в данном случае к следующим трем пунктам:

1. Серьезное, горячее желание именно этой деятельности. Я думаю, если кто предназначен к этому делу Духом Божиим, тот предпочтет его всему на свете, хотя бы временно и смущался он его важностию, трудностию, чувством собствен-

ного недостойнства. Ничто в целом мире не заставит его отказаться от него. Я считаю полезным в этом случае разобрать, усиливается ли наше желание проповедовать, если мы вполне покоряемся воле Господа. Если это так, то это добрый знак. Если же кто-нибудь — как это часто случалось до сих пор — хочет проповедовать только для других, не ощущая в собственном сердце страстного желания благодати Божией, тогда можно опасаться, что его рвение не от Духа Святого, но скорее от собственного его самолюбия.

2. Кроме этого сердечного стремления и желания проповеди, должна своевременно оказаться еще достаточная пригодность к тому других наших дарований, понимания дела, красноречия. Когда Господь посылает кого-либо наставлять других, конечно, Он снабдит его и необходимыми для этого средствами. Многие, думается мне, вступали на это поприще с лучшими намерениями и преступали однако же пределы своего звания или же не ждали вовсе призвания свыше. Главное различие между простым христианином и духовным лицом состоит в особых пастырских дарованиях, которые даруются ему не ради него лично, но для назидания других. Эти дарования должны, говорю я, оказаться своевременно; нельзя ждать их немедленно, но они должны развиваться постепенно. Они необходимы для этого звания, но не требуются как предварительные условия для укрепления нашего стремления к нему. Вы, дорогой товарищ, еще молоды, ваше время еще впереди; поэтому вам, думаю я, нечего еще теперь тревожиться вопросом, имеете вы эти дарования или нет. Довольно и того, что ваше желание твердо и что вы готовы испросить их себе у Господа вашей молитвою и прилежанием; пока же вы еще не имеете нужды в них. (Мы не решились бы так выразиться. Дарования должны уже проявиться прежде, нежели будет обнаружено наше желание быть пастырем. В главном же мы согласны с г. Ньютоном.)

3. Наконец — что окончательно уже доказывает существование действительного призвания — это соответствующие указания самого провидения. Но много сомнений придется выдержать вам, прежде чем наступят эти обстоятельства. Прежде всего здесь надобно остерегаться, чтобы не слишком поспешно истолковать их в хорошую сторону. Если есть воля Господа послать вас в Свой виноградник, то Он уже заранее назначил вам и место и дело, и если вы еще до сих пор не познали их, то несомненно познаете в должное время. Если бы вы обладали всеми свойствами ангелов, вы не могли бы достичь ничего хорошего, прежде чем не пробьет назначенный для этого час и не введет вас Господь к людям, которых

желает Он обратить чрез вас. Очень трудно нам удержаться здесь в предписываемых разумом границах, когда одолевает нас горячее рвение к делу. Если исполнены наши сердца любви ко Христу и искреннего сочувствия к участи бедных грешников, то как легко нам преждевременно прорвать эти границы. Но кто глубоко верует, тот спешить не будет. Целых пять лет находился я сам под подобным гнетом; иногда казалось мне, я должен выступить с моей проповедью, хотя бы даже на улице... Я прислушивался ко всему, что указывало мне на это и также ко всему, что не имело к этому ни малейшего отношения. Но Господь милостиво и незаметным образом оградил путь мой терновником; и этим я спасся, потому что, если бы я был предоставлен самому себе, я сам лишил бы себя возможности оказаться в том кругу деятельности, куда благоволил Он поставить меня своевременно. И теперь вполне сознаю я, что в то время, когда хотел я выступить самовольно — хотя в общем, надеюсь, у меня были лишь добрые намерения, — я преувеличивал свои силы и далеко не имел еще той опытности и духовного сознания, какие требуются для столь великого, святого дела“.

Вышесказанного достаточно; мы будем еще говорить об этом предмете, когда придется мне передавать кое-что из испытанного мною в моих сношениях с кандидатами проповеднической кафедры. Мне пришлось ведь исполнять обязанности допросчиков времен Кромвеля. Хотелось мне уяснить себе: полезно ли помогать некоторым людям в их стремлении к проповедничеству? Это дело большой ответственности, требующее особого внимания. Конечно, я не ставлю себя судьей в том, может ли кто сделаться проповедником, но я стараюсь моими допросами получить ответ или разъяснение: должна ли наша семинария прийти к нему на помощь или же представить его самому себе? Многие из наших доброжелательных соседей упрекают нас, будто у нас здесь „фабрика“ проповедников, но это обвинение вполне неверно. Мы никогда не пытались „делать из кого-либо проповедника, и не могли бы даже исполнить этого, если бы и захотели. Мы принимаем в нашу семинарию лишь тех, кто состоит уже проповедником по его собственному заявлению. Вернее было бы сказано, если бы меня назвали „убийцей“ проповедников, потому что многие из этих новичков получили от меня свидетельство „проповеднической“ смерти. И я вспоминаю об этом с совершенно спокойной совестью. Мне всегда было очень тяжело отсоветовать молодому, полному надежд человеку поступать в семинарию. Мне всегда хочется уступить, но мой долг относительно прихожан требует строжайшего разбора. Если бы я — на

основании всего слышанного от просителя, на основании его аттестатов и выдержанного им испытания – пришел к убеждению, что не призвал его к этому делу Господь, я всегда обязан ему это сказать.

Многие молодые люди страстно желают и стремятся к званию проповедника, но, к сожалению, часто становится совершенно ясно, что ими руководит лишь честолюбивое желание показать себя перед людьми. С общей точки зрения этих молодых людей должно похвалить за их стремление возвыситься, но проповедническая кафедра не должна служить лестницею для их честолюбия. Если бы поступили они, например, в армию они не удовольствовались бы ранее, как достигнув там наивысших ступеней, потому что они решили добиться своего возвышения. И все это было бы прекрасно и похвально само по себе. Но если они предаются мысли, что, сделавшись проповедниками, они отличатся, будут иметь большой успех на этом именно поприще; значит, они имеют слишком высокое мнение о своем нарождающемся гении, мнят себя стоящими выше всех остальных людей и смотрят на проповедническую кафедру как лишь на сцену для развития своих предполагаемых талантов. Когда случалось мне встречаться с подобным человеком, я считал своим долгом оставить его идти своею дорогой, потому что я убежден, что из подобных „гениальностей“ никогда ничего не выходит, если они посвящают себя служению Богу. У нас ничего нет, чем мы могли бы похвалиться, а если бы и было, то кафедра есть наименее подходящее для этого место: на ней мы ежедневно принуждены вспоминать и чувствовать наше ничтожество.

Людам, уже после обращения выказавшим свое духовное бессилие, способным легко воспринимать чужое учение, входящим в сношение с другими людьми и поддающимся даже тяжким грехам, – таким людям никогда я не был в силах облегчить доступ к кафедре, что бы ни говорили они мне. Пусть они, если действительно искренно их раскаяние, найдут себе места в задних рядах. Впереди им быть нельзя, они слишком неустойчивы для этого.

Точно таким же образом направляю я на другой путь и тех, кто не переносит никаких усилий, а относится к так называемых „носителям лайковых перчаток“. Нам нужны борцы, а не щеголи, усердные работники, а не важные празднолюбцы. Людям, ничего не совершившим до своего вступления в семинарию, указываем мы сначала заслужить свои шпоры и тогда уже просить посвящения в рыцари. Кто питает горячую любовь к святому делу спасения душ, тот не будет ждать

окончания своего образования, но начинает служить Господу без замедления.

Обращаются ко мне некоторые люди, отличающиеся большим усердием и горячим стремлением к делу, но видимо страдающие недостатком разума. Это – молодые люди, способные бесконечно говорить о ничем, переворачивающие и изворачивающие на все лады Библию и ничего не могущие извлечь из нее. Они серьезно относятся к своему делу, очень серьезно. Это какие-то рабочие гиганты, но из всей их работы не выходит ничего, ни даже крошечной мышки. Много и таких ревнителей, которые не в состоянии логически связать и произнести несколько следующих одна за другой мыслей, способности которых весьма ограничены, но высокомерие которых до нельзя раздуто. Эти люди могут стучать и кричать, шуметь и неистовствовать, но весь крик и шум их не более, как звук извлекаемый из пустой барабанной кожи. Мне кажется, что для этих людей все равно – с образованием они или без образования, – и потому я всегда и отклонял их притязания на церковную кафедру.

Другой очень многочисленный класс людей стремится к кафедре, сам не зная для чего. Они не могут учить и не хотят учиться, но стремятся все-таки быть проповедниками. Как человек, заснувший на Парнасе и возмнивший себя с того времени великим поэтом, обладают они достаточной дозой бесовскости, навязывая собранию свою проповедь, и ничего кроме нее решительно знать не хотят... Подобные люди кипят обычно, подобно бушующим морским волнам, и мы рады бываем, когда удастся наконец нам распространиться с ними...

Телесные недостатки также должны приняты во внимание. Я не сужу людей по их внешнему виду, но вообще нельзя пренебрегать и физическими свойствами людей. Узкая грудь, например, не указывает на человека, способного быть оратором. Вам может показаться странным мое мнение, но я уверен, что премудрый Творец вселенной не предназначил в проповедники человека с плохой грудью и узкими плечами... Если бы Он хотел сделать его оратором, Он дал бы ему и широкую грудь и здоровые легкие. Проповедник, который задыхается от длинной речи, должен бы подумать, нет ли какого другого, более подходящего для него занятия. Подобный человек вряд ли может быть „призван“ проповедовать „смело и без пощады“. Конечно, бывают исключения, но разве можно из-за них пренебрегать общим правилом? Люди с неправильным устройством рта или неба или с невнятным произношением также не могут быть призваны к благовестию Евангелия.

Не очень давно изъявлял желание быть принятым к нам

молодой человек, страдающий каким-то странным верчением челюстей, очень неприятным на вид. Его рекомендовали, как чрезвычайно набожного молодого человека, уже обратившего ко Господу несколько душ, и высказывали надежду, что я приму его, но тем менее я не мог решиться на это. Я едва мог удержаться от смеха, глядя на него, пока он говорил свою проповедь, и думаю, не смогли бы этого не сделать также и 9 из 10 его слушателей... Еще двум другим молодым людям я должен был отказать: одному - потому, что он очень невнятно говорил вследствие непомерной толщины языка, наполнявшего весь его рот, другому же потому, что он заикался. Я вынужден был отказать им потому, что не дал им Господь физических органов, способных для этого дела...

Еще пришлось мне иметь дело с одним человеком, - с одним, говорю я? - нет, не с одним, а с десятью, с двадцатью, может быть даже с целой сотней подобных людей, которые являлись ко мне с заявлением, что без всякого сомнения они призваны к святому делу проповеди потому лишь, что они оказались негодны ни к какому другому делу... Вот подлинное повествование одного из них, как образчик того, что приходится иногда выслушивать нам:

- Я устроился было в бюро одного адвоката, но не смог вынести сидячего образа жизни и вообще мне не по душе оказалось изучение законовещения, и судьба сама преградила мне путь, - я потерял мое место.

- Что же сделали вы тогда?

- По совету моих друзей я открыл торговлю москательным товаром.

- И имели в ней успех?

- Нет, милостивый государь, не думаю, чтобы я годился для торговли; и тут Господь преградил мне дорогу, я обанкротился и очутился в очень тяжелом положении. После этого я пробовал пристроиться к агентству по страхованию жизни, открывал было школу, поторговал при этом немножко чаем... но везде мой путь усыпан шипами и что-то говорит мне, что я назначен быть проповедником...

И обычной мой ответ подобным людям был такой:

- Я вижу, в чем дело. Вам нигде не удалось пристроиться и потому вы думаете, что Господь избрал вас для служения Ему; но я боюсь, что вы забыли, что в проповедники годятся лишь *лучшие* люди, а не такие, которые ни к чему не годятся!

Человек, с успехом подвигающийся на кафедре, наверное не пропал бы и во всяком другом деле; он отличился бы и во всяком другом звании. Думается, все возможно человеку, который в течение долгих лет успешно управляет христиан-

скою общиной и обращает ко Господу сотни душ. Такой человек должен иметь недюжинные способности и не может быть глупцом или простаком. И Господь наш Иисус Христос достоин того, чтобы лучшие, а не слабоумные и негодные ни к чему люди брались за проповедование Его крестных страданий! Личность еще одного молодого человека, почтившего меня однажды своим посещением, неизгладимо запечатлелась в моей памяти. Уже самое лицо его носило отпечаток самомнения и лукавства. Однажды в воскресенье утром он вызвал меня из ризницы, заявив, что ему необходимо видеть меня тотчас же. Его наглость открыла ему ко мне двери. Войдя ко мне, он сказал:

- Г. проповедник, я желаю поступить в вашу Коллегию и хотел бы быть принятым немедленно.

- Милостивый государь, - возразил я, - я боюсь, что сейчас у нас нет места для вас, но мы примем к сведению ваше желание.

- Но мое дело совсем особого рода; думаю, у вас еще никогда не бывало подобного.

- Ну, мы посмотрим; секретарь вручит вам форменное прошение о принятии и вы можете явиться ко мне во вторник.

Во вторник он действительно явился с этим прошением, на вопросы которого были поставлены очень странные ответы. Так, например, относительно чтения он уверял, будто прочитал всю древнюю и новую литературу, выписал страшно длинный перечень прочитанных им книг и сделал в конце такое замечание: „Это лишь небольшие опыты: я читал несравненно более по всем отраслям. Что касается проповедания, говорил он, то он-де может представить наилучшие аттестаты об этом, но не думает, чтобы они были нужны, так как мое личное знакомство с ним тотчас же должно убедить меня в его достоинствах. Он очень удивился, когда я сказал ему:

- Милостивый государь, я должен сказать вам, что не могу вас принять.

- Это почему же?

- Я подробно объясню вам все. Вы так необычно умны, что я оскорблю вас, принимая в нашу Коллегию, где работают люди с обыкновенными дарованиями; наш президент, наши профессора, студенты - все это люди с ограниченными способностями и таким образом вы, вступая в нашу среду, слишком унижите себя!

Он с неудовольствием посмотрел на меня и с достоинством сказал:

- Вы хотите сказать этим, что я не могу поступить в вашу

Коллегию потому, что я необычайно гениален и достиг такого колоссального развития, какое редко встречается?

- Да, - отвечал я, возможно спокойнее, принимая во внимание подавляющее впечатление, произведенное на меня его необычайной гениальностью, - именно поэтому!

- Но вы должны разрешить мне показать вам мои достоинства как проповедника; выберите любой текст или назовите любой предмет, и я здесь, в этой комнате, без всякого приготовления произнесу такую проповедь, что вы изумитесь!

- Нет, очень благодарю вас, но я не хочу утруждать себя, слушая вас!

- Утруждать? Но, уверяю вас, это будет не труд, а высочайшее наслаждение, какое вы только можете иметь!

Я ответил, что все это очень возможно, но что я считаю себя недостойным такой великой чести и простился с ним навсегда. Тогда мне этот господин был вовсе незнаком, но впоследствии он фигурировал как весьма „ловкий“ субъект во многих полицейских отчетах...

Бывают еще иногда такие заявления, которые, быть может, удивят вас, заявления, исходящие от людей, весьма опытных и сведущих, повидимому, и вполне удовлетворительно отвечающих на все предлагаемые им вопросы, исключая тех, которые касаются христианского учения. В таких случаях постоянно получается один ответ: „г-н... готов принять все, чему учат в Коллегии, чему бы ни учили там“... В подобных случаях мы также не колеблемся ни минуты и прямо отказываем подобным просителям. Я упоминаю здесь об этом потому, что это уясняет нам, что люди, не имеющие „благоразумия“ и определенной веры, не могут быть призваны на проповедническую кафедру. Когда молодые люди признаются, что не имеют еще определенных богословских взглядов, их следует отправлять обратно в воскресную школу до тех пор, пока они не приобретут их. Возможно, что кто-нибудь проберется в Коллегию под предлогом, что его сердце открыто истине, под какую бы формой ему ни явилась она, и окажется действительно „податлив“ в этом отношении, - но чтобы о том, что существует „избрание благодати, о том, что Господь до конца возлюбил народ Свой“, они еще не пришли ни к какому заключению в сердце своем - это кажется мне недопустимым. Пастырь „не должен быть из новообращенных“, говорит апостол; но ведь человек, еще не пришедший к подобному заключению, в высшей степени „неофит“ и его прямо должно было бы переместить в катехизический класс, пока не научится он понимать Евангельские истины.

Но что самое важное, так это то, что мы должны закрепить

наше призвание практическими доказательствами нашей деятельности, и поэтому плохо было бы для нас, если бы мы начали наше поприще без предварительного надлежащего испытания себя. Нам пришлось бы тогда может быть, с позором отказаться от него. Лучший пробный камень для нас - это наш собственный опыт, и если Господь из году в год поддерживает нас и дарует нам Свое благословение, то другого испытания нашего призвания нам и не требуется. Наши нравственные и духовные способности испытуются нашей работой на кафедре, а это самое надежное из всех испытаний.

Я слышал однажды в разговоре с кем-то об одной методе, которую применил N. N. при испытании одного молодого человека, желавшего сделаться миссионером. Молодой человек желал отправиться в Индию в качестве миссионера Лондонского Миссионерского Общества. N. N. назначили испытать его пригодность к этому делу. Он написал письмо молодому человеку, чтобы тот явился к нему в шесть часов утра на следующий день. Молодой человек жил довольно далеко, но тем не менее аккуратно в шесть часов утра был на месте. Но N. N. вошел в комнату, где он ждал его, лишь через несколько часов. Молодой человек удивлялся, но ждал терпеливо. Наконец N. N. явился и заговорил с ним приблизительно так:

- Итак, молодой человек, вы хотите сделаться миссионером?

- Да, милостивый государь.

- А любите ли вы Христа?

- Я надеюсь на это!

- Получили ли вы какое образование?

- Да, но не обширное.

- Ну так я хочу вас проэкзаменовать; можете ли вы прочитать по складам слово *кошка*?

В смущении взглянул на него молодой человек. Видимо он сомневался отвечать ли ему на такой странный вопрос. Видимо он колебался между одолевавшей его досадою и сознанием необходимости покориться, но скоро, овладев собою, он твердо прочел по складам:

- К-о-ш-к-а.

- Очень хорошо! - сказал N. N., - а теперь прочтите мне по складам же: *собака*!

Молодой человек окончательно запнулся. Но тот холодно продолжал:

- Успокойтесь, не бойтесь! вы так хорошо прочитали первое слово, что я надеюсь, вы и второе в состоянии прочесть также хорошо. Хотя это и большой подвиг, но все-таки не такой уже трудный, чтобы вы могли не краснея исполнить его.

- С-о-б-а-к-а.

- Совершенно правильно. Я вижу, читать вы умеете; теперь мы испытаем, можете ли вы считать. Сколько будет дважды два?"

Удивительно, как не получил N. N. ответ на этот вопрос на своей собственной спине. Но терпеливый юноша ответил правильно и был отпущен. Затем в заседании комитета N. N. делал об этом следующий доклад:

- Я могу искренно рекомендовать молодого человека; я просмотрел его аттестации и подверг его редкому личному испытанию, какое могут выдержать лишь немногие. Я испытал его самоотвержение, он явился ко мне рано утром. Я испытывал его терпение, затем его смирение. Он может прочитать по складам слова „кошка“ и „собака“ и может сказать, что дважды два будет четыре! Он может быть превосходным миссионером!

Что этот почтенный господин проделал с молодым человеком, то мы соответствующим образом должны проделывать на самих себе, если только действительно мы хотим быть настоящими проповедниками. Мы должны испытать себя, в состоянии ли мы вынести тяжелый труд, утомление, насмешки, упорство, клевету и злословие? можем ли мы быть очистительной жертвой за всех людей и принимать унижение отовсюду ради Христа? Если мы можем вынести все это, значит мы обладаем хотя некоторыми качествами, указывающими на те редкие свойства, которыми непременно должен отличаться истинный слугитель Господа Иисуса Христа. Я серьезно сомневаюсь, многие ли из нас, выйдя в открытое море, найдут свои суда в полном порядке. О, братья мои! действуйте осмотрительнее, пока находитесь еще в этой надежной бухте, и усердно добивайтесь, чтобы оказаться достойными вашего высокого звания. Много искушений придется претерпеть вам, и горе вам, если вы не выступите навстречу им, вооруженные с головы до ног! Вам придется иметь дело с противниками, сильнейшими вас, и потому прилагайте все свое старание, подготавливаясь к этим трудам. Дивол сторожит вас, и у него много помощников. Испытывайте сами себя, и да предуготовит вас Господь ко всем скорбям, которые наверно ждут вас впереди! Да не будут эти скорби ваши столь тяжелы, как некогда были скорби апостола Павла и его споспешников, но все же вы должны быть готовыми к ним. Позвольте мне прочесть вам достопамятные слова его и умолять вас: молитесь, слушая их, чтобы укрепил вас Дух Святой в перенесении всего, что предстоит вам.

„Мы никому ни в чем не полагаем претыкания, чтобы не

было порицаемо служение; но во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем“ (2 Кор. 6, 3-10).

Тайная молитва проповедника

Проповедник должен отличаться от всех других людей святым даром молитвы. Он молится и как обыкновенный христианин, иначе он станет лицемером. Он молится и более, чем обыкновенный христианин, иначе он окажется негодным для прохождения служения, которое принял на себя. „Было бы ужасным противоречием, говорит *Бернард*, – если бы кто оказался высокими по своему званию и в то же время низким по состоянию души своей, – первым по общественному положению и последним по своей жизни“. Серьезная ответственность носителя пастырского служения окружает как бы ореолом святости все его действия, и если верен он своему Господу, то его молитвенное настроение должно непременно отразиться и на всех этих действиях. Как гражданин, он молится за свое отечество. Если он живет с кем-либо под одною крышею, он поминает на молитве всех живущих вместе с ним в одном доме. Он молится как супруг и как отец. Он всеми силами стремится к тому, чтобы его домашняя молитва могла служить примером для всей его паствы. И если тускло горит огонь веры в других домах, то в доме избранного служителя Божия он должен гореть пламенно неугасимо. Но есть, кроме того, особого рода молитва, которую особенно обязан пастырь-учитель блюсти по отношению к своему званию, – и вот о ней-то и намерены мы говорить в этой лекции. *Этой* молитвою он должен особенно, как пастырь, возвышаться над всеми и приближаться к престолу Всевышнего.

Мне кажется, пастырь должен *молиться непрестанно*. И во время исполнения им своих обязанностей, и в свободное время – всегда должен он устремлять свои взоры к небу и воздыхать молитвенно. Не то чтобы он постоянно стоял на молитве, но чтобы она постоянно была в душе его. Если он искренно предан своему долгу он ничего не будет делать – ни есть, ни пить, ни отдыхать, ни ложиться вечером, ни вставать утром, без того чтобы из глубины сердца своего не обращаться к Господу с страстным желанием, с детски чистым упованием на Него. Так или иначе, но молитва должна быть непрестанно в душе его. Да и кому же, как не христианскому пастырю, следует более всех исполнять заповедь: „Молитесь непрестанно!“ У него столько особых искушений, столько борьбы, столько трудностей и скорбей всякого рода. Он должен быть как бы посредником между

людьми и Богом; ему нужно более благодати и милости Божией, чем остальным людям. И если поймет это пастырь, он непрестанно будет устремляться с молитвою к Всесильному – даровать и ему силу для прохождения своего высокого служения и умолять Его: „Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя“. N. N. писал однажды близкому другу: „Хотя часто случается, что я теряю присутствие духа, но мне всегда представляется в таком случае, что я – как беспомощная птичка, вынутая из гнезда... И я не в состоянии успокоиться до тех пор, пока не обращусь по прежнему к Господу, подобно магниту, постоянно стремящемуся к полюсу. По милости Божией могу я сказать вместе с моим приходом: „Всем сердцем стремлюсь я к Тебе в ночи и всею душою утреннюю я с Тобою, Господи; мое сердце непрестанно с Богом, вся цель и блаженство моей жизни – стремиться к Нему“. К этому же должна быть направлена и ваша жизнь, служители Божии. Если вы, проповедники, пренебрегаете молитвою, вас следует очень пожалеть. Если же призваны вы будете когда-нибудь пасти большое или малое стадо Христово и ослабеете тогда в вашей молитве, тогда следует пожалеть не только вас, но и вверенных вам христиан. И кроме того, вы будете очень виновны в будущем: придет день, который покроет вас стыдом и позором.

Вряд ли нужно говорить вам о великом значении частой молитвы в жизни пастыря, но я не могу, тем не менее, воздержаться от этого. Благодать Божия неоцененно дорога для вас, если вы посланники Господа; и чем ближе вы будете к Нему, тем успешнее выполните свое служение. Из всех средств, дарованных вам для этого Богом, я не знаю более могущественного, как молитва. Все ваше образование здесь в семинарии ничто в сравнении с тем духовным развитием, которое можете вы получить в молитвенном общении с Господом. Все наши библиотеки и аудитории пусты в сравнении с маленькою клетью нашего сердца. Мы возрастаем, мы делаемся могущественными, мы все преодолеваем нашею сердечною молитвою.

Ваши молитвы будут вам лучшими помощниками уже и *в то время, когда вы еще будете только думать о вашей проповеди*. В то время, когда другие люди будут еще отыскивать свою дичь, подобно Исаву, вы с помощью молитвы найдете пред собою уже прекрасно приготовленное кушанье и в состоянии будете правдиво повторить слова Иакова: „Господь Бог послал мне“. Вы хорошо будете писать, если писания ваши будут исходить из сердца, молитвенно обращенного к Господу; вы хорошо будете говорить, если на колених, в

горячей молитве, испросите у Него „материал“ для ваших проповедей. Молитва, в качестве духовного упражнения, научит вас многому и поможет вам избрать должное. Она очистит ваше внутреннее око и сделает вас способными познавать истину во свете благодати Божией. Вы не скоро разберетесь и в сокровищнице текстов, пока не отопрете ее ключем молитвы. Как дивно открылся Даниилу смысл Писания, когда стоял он на молитве пред Богом! Сколь многому научился Петр на „верху дома“! Наша сердечная клеть есть лучшее место для нашего самообразования. Комментаторы – хорошие учителя, но Сам Источник Писания, конечно, несравненно лучше; в молитве же мы прямо обращаемся к Нему и умоляем Его помочь нам. Великое дело – молитвою вникать в дух текста и внедриться в него, как червь внедряется внутри орехового ядра. Молитва снабжает нас рычагом, посредством которого мы можем воспринимать великие истины. Удивляются, каким образом были укреплены камни, но еще изумительнее, каким образом могли некоторые люди достичь столь чудесного разума великих таин христианского вероучения! И разве не молитва произвела это чудо? Горячая надежда на Бога обращает и тьму в свет. Постоянная, настойчивая молитва приподнимает пред нами таинственную завесу и дает нам благодать заглянуть в глубину таин Творца. Заметили однажды, что один богослов, во время диспута, все писал что-то на лежащем перед ним листе бумаги. Когда любопытные заглянули в эти заметки его, они увидели там лишь постоянно повторявшиеся слова: „Просвети, Господи“, „Просвети, Господи!..“ И разве, действительно, не подходят эти слова для человека, стремящегося уразуметь Писание, когда он составляет свою проповедь?

Из этого источника, словно под ударами Моисеева жезла, не раз истекнут перед вашими глазами протоки глубоких мыслей. Новые жилы драгоценного металла откроются вашему удивленному взору, во время вашей работы, молотом молитвы в каменоломне Господа. Много раз будет вам казаться, что вы будто замкнуты со всех сторон, что для вас нет более выхода, и вдруг внезапно откроется перед вами новый, совершенно неожиданный вами путь. Он, имеющий ключ Давидов, Сам откроет его тогда. Если вы ездили когда-нибудь вниз по Рейну, вы заметили, вероятно, сходство верховьев этой величественной реки с рядом следующих одно за другим озер. Спереди и сзади ваше судно представляется замкнутым среди массивных скалистых стен или террас, покрытых виноградниками. Но вот заворачивает оно за угол, и внезапно во всей своей красоте вновь стремится перед вами

светлый могучий поток. То же испытывается и при тщательном изучении Писания. Часто представляется оно почти замкнутым; кажется, невозможно и разобраться в нем, — но молитва гонит наше судно далее, оно выходит в новые воды, и светлый, широкий поток Истины выступает перед ним и принимает его. Не достаточное ли это основание для нашей твердости в молитве и надежды на нее? Твердо направляй бурав свой в каменистую массу, с молитвою как можно далее углубляйся в нее, и потоки живой воды истекут из глубины Писания. Кто же захочет еще далее томиться жаждою, когда столь легко добыть „воду живую“?

Лучшие и достойнейшие люди всегда считали молитву самую существеннейшею частью своего приготовления к кафедре. Про N. N. рассказывают следующее. Заботясь о том, чтобы передавать по воскресеньям своим слушателям то, что лишь с трудом выработано им самим, никогда не выступал он с проповедью без предварительного серьезного размышления и молитвы. Об этом правиле своем рассказывал нам он сам, когда коснулся однажды разговор наш этого предмета. Когда спросили, как он думает о приготовлении пред выступлением на кафедре, он напоминал нам об Исх. 27, 20, где говорится: „елей чистый, выбитый из маслин для освещения“ святыни. Но его усердие в молитве было еще сильнее. Он не мог достаточно „намолиться перед своим выступлением на кафедру. Он весь был преисполнен любви к Господу. И его проповедь была верной передачей прочувствованных и действительно пережитых им самим впечатлений“. Всякое дело начиналось у него с обязательного приготовления прежде всего самого себя, своей души к этому делу. Стены его комнаты часто бывали свидетелями его молитв и слез, а также и стонаний его“. (Жизнеописание и сочинения проповедника N. N. Одна из полезнейших и лучших книг, когда-либо появлявшихся в печати. Каждый проповедник должен бы часто перечитывать ее.)

Молитва будет поддерживать вас и при произнесении вашей проповеди. Ничто не может так хорошо настроить вас на поучение людей, как беседа с Богом. Никто не в состоянии так поучать людей познанию Истины, как тот, кто вымолил ее себе у Бога.

Об Аллейне рассказывают: „Он изливал все свое сердце в проповеди и молитве. Его мольба и увещания были столь искренни, так жизненны и полны такого святого христианского рвения, что всецело покоряли его слушателей; он буквально таял в любви к ним, так что смягчались и растворялись даже самые черствые сердца“. И никогда не обладал бы

он этой мощной силой растворять сердца, если бы не была его собственная душа растворена горячим, молитвенным общением с воскресшим Господом. Истинно захватывающее, поражающее душу слово, в котором нет ничего притворного, но много искреннего чувства, может быть лишь следствием молитвы. Никакое красноречие не может сравниться с красноречием сердца и ни в какой школе не научиться ему, как только у подножия Креста Христова. Лучше было бы, если бы вы совсем не учились людскому красноречию, но были бы преисполнены силою снисшедшей на вас с неба любви, чем если бы оказались вы обладающими всем красноречием Квинтилиана, Цицерона и Аристотеля, но не было бы на вас печати апостольства.

Молитва, может быть, не сделает вас красноречивыми по людскому понятию, но она даст вам красноречие истины, потому что вы будете говорить от сердца. А это разве не наилучшее красноречие? Она низведет небесный огонь на ваше жертвоприношение и докажет этим всем, что ваша жертва приятна Господу.

Как часто, как бы в ответ на нашу молитву, изливаются на нас целые потоки мыслей во время приготовления к проповеди. Точно так же изливаются они на нас и в течение самой проповеди уже. Многие проповедники, возлагающие свое упование на Господа, заявят вам, с решительностью, что наилучшие, наиболее полезные мысли не те, которые уже подготовлены вами заранее, но те, которые являются внезапно, принесенные к вам словно на крыльях ангелов, являются словно неожиданные сокровища, посланные вам небом, словно слетевшие оттуда семена райских цветов. Много раз случалось это и со мною, и мне приносила помощь в минуты недоумения тайная сердечная молитва.

Но как будем мы молиться во время самой битвы, если не думали о ней ранее! Воспоминание о „домашних“ молитвенных подвигах служит утешением, успокоением для проповедника в минуты недоумений на кафедре; потому что Бог не оставляет нас, если мы сами не забываем Его. И вы, братья мои, испытаете, что молитва дарует вам силу, именно в то время и в тот час, когда она вам понадобится.

Она сойдет на вас подобно тому, как сошли огненные языки на апостолов. Если вы ослабели в это время, упали духом, вы внезапно почувствуете себя, словно вознесенными на крыльях серафимов. Огненные кони понесут колесницу, которую вы едва могли тащить с того времени, и, подобно Илии, вы понесетесь к небу, окрыляемые вашим пламенным вдохновением.

И после проповеди необходима молитва. Иначе как же выра-

зять свои чувства, в чем будет искать успокоения всякий добросовестный, благочестивый проповедник? Чем иначе мы, стоящие на самой высоте этого вдохновения, можем облегчить душу свою, как не горячею молитвою? Чем можем мы утешиться в наших неудачах, как не нашими воздыханиями перед Господом? Как часто мучаемся мы на наших ложах в бессонные ночи, в сознании своего недостойнства! Как часто является в нас тогда желание поспешить вновь на кафедру и пламенными словами выразить снова то, что было сказано сухо и холодно! Где нашли бы мы успокоение нашему мятущемуся духу, как не в сознании грехов своих, как не в горячей мольбе, дабы не воспрепятствовали успеху святого дела наша слабость и наше скудоумие? Ведь нам невозможно во время публичного собрания выразить всю нашу привязанность к нашей пастве. Подобно Иосифу, проповедник должен иногда искать места, где бы мог он излить в молитвенных воздыханиях душу свою. Как бы откровенно ни старались мы высказать чувства свои, все же кафедра стесняет нас, и только в нашей сердечной молитве можем мы вполне свободно излить всю душу свою. Если не в силах мы победить людские немощи пред Богом, то постараемся, по крайней мере, хотя умолить Его за людей. Если не можем мы ни спасти их, ни даже убедить в необходимости этого спасения, то мы можем, по крайней мере, оплакать их безумие и умолять Господа помочь им. Как Иеремия, можем мы сказать этим людям: „Если же вы не послушаете сего, то душа моя в сокровенных местах будет оплакивать гордость вашу, будет плакать горько и глаза мои будут изливаться в слезах“ (Иерем. 13, 17). К подобной горячей мольбе не может остаться равнодушным сердце Господне; и своевременно дарует Он успех усердному пастырю - ходатаю за грехи людей. Существует близкая связь между такими молитвенными подвигами и успехом дела, как между „сеянием слезами“ и „жатвою радостию“. „Отчего так скоро всходят семена твои?“ - спрашивал один садовник другого. „Оттого, что я их размягчаю“, - был ответ. И мы должны размягчать наши наставления своими слезами, потому что никто столь не близок к нам, как Господь, и с радостным изумлением увидим мы, как быстро будут они тогда приносить нам плоды.

Братья мои! позвольте мне умолять вас: будьте и вы „молитвенниками!“ Тогда - если и не будет у вас особенных способностей - вы будете иметь успех и без них, если будете много и усердно молиться. Конечно, если вы и не будете испрашивать Божия благословения на ваши посевы, то Он, по великой благодати Своей, может и по собственной воле ниспослать его, но

ожидать этого благословения в подобном случае вы не имеете никакого права, да и не может принести оно вам утешения. Вчера читал я сочинение патера *Фабера*, бывшего пастором в Бромптоне, - сочинение, представляющее удивительную смесь лжи и истины. Он рассказывает там следующую легенду: „Одному проповеднику, обратившему к Господу множество людей, было откровение с неба, гласившее, что ни одно из этих обращений не было вызвано его способностями или его красноречием, но что их следует приписать силе молитве одного мирянина, сидевшего во время проповедей на лесенке, ведущей на кафедру, и непрестанно молившегося за их успех“. То же может стать в день Судный и со всеми нами. После долгих и утомительных трудов наших в звании пастыря мы можем тогда познать, что вся честь наших пастырских приобретений принадлежит другому зодчему, молитвы которого - золото и драгоценные камни в глазах Господа, ваша же проповедь без молитвы - лишь сено и пустая солома...

Если мы справились с нашею проповедью, то, как истинные служители Божии, мы не должны поэтому и тогда прекращать нашу молитву, потому что весь приход наш взывает к нам, как македонянин к апостолу: „Приди и помоги нам!“ Если вы можете успешно молиться, то вам придется много молиться за всех, кто будет просить вашего ходатайства. Это тоже и мой жребий, и я всегда радуюсь, что имею возможность *передать* моему Господу *все эти прошения*. Но если даже и никто не просит ваших молитв, вам все-таки всегда есть о чем помолиться. Вглядитесь хорошенько в ваших прихожан! Между ними всегда есть больные и телесно, и духовно. Одни еще не обратились ко Господу, другие ищут и не находят Его. Многие унывают, а не мало и таких, которые и по обращении в христианство или снова впадают в прежнее состояние, или скорбят. Вы видите слезы вдов и сирот, слезы, которые также должно собрать вам и принести ко Господу. Если вы истинные служители Бога, то вы обязаны явиться пред лицом Его в полном духовном облачении своем и молить Его за всех людей, порученных вам. Я знаю пастырей, которые составляли списки лиц, за которых они считали себя обязанными особенно усердно молиться; и я не сомневаюсь, что эти списки напоминали им о многом, что позабыли бы они без этого.

Но не один только приход ваш будет изъяслять на вас свое притязание. Ваш народ и даже весь мир также имеют право на вас. Человек, сильный в молитве, есть пламенная стена для своего отечества, его - ангел-хранитель и его - щит. Мы все знаем, что враги протестантов боялись более молитв реформатора *Кнокса*, нежели войск. Знаменитый Уэлч был очень силен

в молитвенных ходатайствах за свое отечество; он говорил, что „удивляется, что христиане целую ночь лежат на своих постелях и не встают для молитвы“. Его жена однажды слышала, как горячо молился он: „Господи, даруй мне мою Шотландию!“ О, если бы и мы могли также подвизаться и молить Бога: „Господи, даруй нам души наших слушателей!“

Проповедник, не молящийся усердно за свое дело, конечно, не более, как пустой, кичливый и спесивый человек. Он ведет себя так, словно вполне доверяет самому себе и не имеет поэтому нужды обращаться к Богу. Какая это ужасная, ни на чем не основанная гордость – воображать, что наши поучения, без содействия Святого Духа, могут иметь силу заставлять людей раскаиваться во грехах своих и обращаться к Богу! Если мы действительно смиренны, то мы не прежде решимся на борьбу со врагом, как получим полномочие и благословение на это от Господа воинств, как услышим Его слова: „Иди в этой силе твоей“. Проповедник, нерадивый в своей молитве, должен быть таким и в остальном своем служении. Он не понимает своего звания. Он не может определить ценность души человеческой и вполне постигнуть смысл слова „вечность“. Он – чиновник, увлекшийся делом проповеди, так как ему нужен лишь тот кусок хлеба, который получает пастор. Или же он – ужасный лицемер, любящий похвалу людскую и не желающий даже похвалы Божией. Он просто – поверхностный болтун, более всего имеющий успех там, где не требуется и где восхищаются лишь внешним, суетным блеском. Он не может принадлежать к числу тех, кто глубоко пашет и собирает обильную жатву. Он просто праздный человек, но не работник. Он носит лишь имя проповедника, он живет лишь видимо, но он мертв на деле. Он хромает в своей жизни, как тот расслабленный в притче, у которого одна нога была короче другой, – потому что его молитва короче его проповедей.

Я боюсь, что относительно этого нам всем следует хорошенько испытать себя. Если кто-либо из студентов решится утверждать, что он молится, сколько должно, я позволю себе сильно сомневаться в его словах. Если бы присутствовало здесь духовное лицо, священник или диакон, и стал бы утверждать то же о себе, мне сильно желалось бы тогда ближе познакомиться с этим лицом и с его внутреннею жизнью. Я могу лишь одно сказать, что сам я далеко отстал от такой особы, я лично не могу заявить подобных притязаний. Мне страстно хотелось бы иметь эту возможность. Мне совестно признаваться в этом, но я обязан это сделать. Немногие из нас могли бы сравнить себя с Уэлчем, о котором уже

говорил я выше. „Он вставал, – говорит его жена, – постоянно около четырех часов и всегда очень досадовал, если видел кого из соседних ремесленников уже за работой, прежде чем он сам становился на свою молитву. Он говорил мне: „Как стыдно мне этого шума; разве я не более их должен почитать моего Господа!“ От четырех часов до восьми он проводил время в молитве, духовном созерцании и пении псалмов, что доставляло ему великое наслаждение. Он упражнялся в этом каждый день и один, и вместе с своим семейством. Иногда он на целые дни оставлял все свои приходские дела и удалялся куда-нибудь в уединение, где и предавался тайным молитвенным подвигам“.

А можем ли мы, не краснея, читать заметки Эдвардса о N. N.? – „Его жизнь, – говорит Эдвардс, – указывает нам истинный путь к успешной пастырской деятельности. Он искал этот путь, как воин, ищущий во что бы ни стало победы во время осады или сражения, как человек, стремящийся получить приз на бегах. Как работал он, проникнутый любовью ко Христу и к своей пастве, говоря эту любовь не только в своих поучениях, публичных и частных, но и в своей дневной и ночной молитве, в тайных подвигах пред Господом, в великих воздыханиях, – до тех пор пока услышит его Христос! Как жаждал он „благословения“ своих трудов, как „соблюдал“ вверенные ему души, за которые он должен будет „отвечать“ пред Богом! И как сладка была, наконец, для него награда, после всех этих долгих ожиданий и бесчисленных тяжелых, приводящих в уныние неудач! Как истый сын Иакова, выдержал он борьбу со всеми страхами ночи и достиг желанного утра“ (Жизнь N. N., миссионера между американскими индейцами. Джонатана Эдвардса, Ч. А. президента Коллегии в Нью-Джерси. – Лондон 1818).

И не пристыдит ли нас также дневник N. N., где читаем следующее: „24-го сентября. Мне удалось привести в исполнение свое намерение, принятое мною вчера вечером, – посвятить сегодняшний день посту и молитве. В моей первой молитве, об освобождении меня от суетных мыслей, в которой положился я на силу и обетования Господни, моя душа с помощью Божией на долгое время отрешилась от мира. Я прочел затем историю Авраама, чтобы видеть, как милостиво открывался Господь смертным людям в древние времена. Потом, о, как пламенела душа моя в молитве о моем собственном освящении! (очищении). Эти часы были лучшими для меня во весь этот день“. (Жизнь Генри Мартина, каплана Ост-Индской Компании. Преп. Джона Сарджента, Ч. А. Ректора в Лавинстоне. 1885.)

Как много теряем мы благодаря нашему нерадению к молитве, можем видеть лишь только отчасти, приблизительно. Никто из нас не знает, как бедны мы в сравнении с тем, чем могли бы быть, если бы привыкли жить в более тесном общении с Богом. Бесплезны тут наши всевозможные напрасные жалобы и предположения, гораздо полезнее было бы для нас твердо решиться на свое личное обращение в будущем. Мы *обязаны* это сделать. Вся тайна успеха нашей пастырской деятельности несомненно лежит в той молитвенной силе, с которой мы ищем благодати Божией.

Драгоценное благословение, о котором молит Господа пастырь в своей тайной молитве, есть нечто неописуемое и несравнимое ни с чем. Его легче восчувствовать, нежели выразить словами. Это – роса Господня, это – ощущение близости Господа. Вы поймете, что думаю я, если я назову это „помазанием от святого“. Но что же это такое? Что значит проповедовать с помазанием? Сам проповедник прекрасно чувствует присутствие в себе этого помазания, да и слушатель скоро замечает отсутствие его у проповедника. Всякий знает, что такое раннее, свежее утро, когда на всякой травке, на всякой былинке сверкают и искрятся жемчужные капли росы, освещаемые ярким утренним солнцем, но кто может описать, кто может „вызвать“ его собственною волею? В этом и тайна духовного помазания; мы чувствуем его, но описать другим не можем.

Если проповедник напускною теплотою чувства старается возбудить то же настроение в своих слушателях, то он просто обманывает их. „Выказывать притворное умиление, – говорит Ричард Сесиль, – недостойно и легко может быть открыто, но действительно чувствовать и переживать его – лучший и легчайший путь к сердцам слушателей“. Помазание есть нечто такое, что нельзя воспроизвести самому, а „фальсификация“ его более, нежели плоха, она просто вполне бесценна. А между тем, действительное помазание безусловно необходимо и драгоценно для проповедника, если он только хочет „назидать“ своих слушателей и привести их ко Христу. Эта тайна открывается нам среди наших тайных подвигов. В это время нисходит на нас роса Господня, и мы ощущаем небесное благоухание, оживотворяющее наше сердце.

Время, употребляемое нами на эту тихую, тайную, сердечную молитву, действует на нас в высшей степени животворно. Давид „предстал пред лицом Господа“. Есть что-то величественное в этих святых „стояниях“. В это время человеческий дух делается необычайно восприимчив, как цветок, открывающий солнцу свои лепестки. Уединение, которого неко-

торые люди совсем не могут выносить, потому что оно показывает им их внутреннее убожество, такое уеденение — лучше царских палат для благоразумных и мудрых.

Как ни драгоценен дар слова, но в некоторых отношениях упражнение в безмолвии много выше его. Не примите только меня за квакера! Нет, я лишь вполне присоединяюсь в этом случае к Георгу Фоксу. Я убежден, что все мы придаем слишком большое значение речи, которая есть лишь только как бы наружная оболочка нашего мышления. Спокойное рассуждение, безмолвная молитва, не нашедшие себе громкого выражения восторга — вот где находятся драгоценнейшие алмазы мира. Братья! не лишайте ваши сердца этих сокровищ, глубоко лежащих на дне морском. Не лишайте себя той жизни, которая кипит там в глубине, в непрестанном плеске среди хрупких раковин и пенистых прибрежных волн.

Я серьезно посоветовал бы вам, когда примете вы звание проповедника, соблюдать особые часы молитв. Если не освежает, не подкрепляет вашу душу ваша обычная молитва, если вы слишком утомлены, то уединитесь на неделю или даже на месяц. У нас есть дни отдохновения, почему же не назначаем мы также и дней для наших самоуглублений? Мы знаем, что некоторые из богатых студентов находят время для поездки в Иерусалим; а не можем мы разве приберечь его для тягостной, но гораздо более полезной поездки в небесную отчизну? N. N., бывший прежде проповедником в Брестоне, написавший знаменитое сочинение: „Воззрение к Иисусу“, ежегодно уединялся на целый месяц в небольшой местной хижинке близ Гарстанга. Нельзя и удивляться, что он был таким мощным богословом, если он имел подобные постоянные молитвенные общения с Богом. Я слышал, что у католиков есть обычай устраивать особые уединенные обители, куда удаляются на определенное время духовные лица для пребывания там в полном безмолвии, посте и молитве. Мы могли бы научиться от наших противников. Как возвышенно было бы, если бы несколько истинно, духовно расположенных „братьев“ уединялись по временам для своих молитвенных подвигов! Наедине, между собою, они гораздо свободнее могли бы предаваться этим подвигам. И для прихожан времена нашего „смирения и молитвы“ могут принести большую пользу, если только мы будем вполне строго соблюдать их. Время поста и молитвы в нашей часовне были для нас всегда самыми отрадными; в это время словно отверсты были для нас небеса...

Если бы даже пришлось уделить время для этих „особых“

молитв в ущерб нашей общественной деятельности, все же это принесло бы громадную пользу нашим приходам.

Наше безмолвие может быть иногда полезнее наших поучений, если только мы уединяемся для беседы с Богом. *Иероним* совершил великий подвиг, оставив все занятия свои для приведения в исполнение дела, к которому чувствовал себя призванным свыше. У него был обширный приход. Но он сказал своей пастве: „Нам настает крайняя необходимость перевести Новый Завет, и потому вы должны найти себе другого пастыря. Следует подготовить перевод, я решился удалиться для этого в пустыню и не вернусь, пока не окончу это дело“. И он действительно удалился в пустыню, взяв с собою все свои рукописи. Здесь он молился, трудился и исполнил свое обещание, сделал латинский перевод Нового Завета, так называемую Вульгату. Подобно тому, как ученость и тихие молитвенные подвиги бл. Иеронима дали жизнь великому, бессмертному произведению, так быстро будет возрастать и наше духовное разумение, если мы будем время от времени заявлять нашим прихожанам: „Дорогие друзья, мы должны ненадолго удалиться, чтобы укрепить наш дух в уединении“. И хотя не напишем мы после этого латинской Вульгаты, но все же будем тогда в силах совершать дела, достойные бессмертия.

Наша публичная молитва

Епископальная церковь хвалилась иногда, что ее члены посещают храмы для молитвы и для поклонения Богу, тогда как диссиденты собираются лишь для одной только проповеди. Мы ответим на это, что это верно лишь относительно некоторых, но этого нельзя сказать о всех нас. И мы собираемся для поклонения Господу и положительно утверждаем, что во время богослужений не-первенствующей церкви, т. е. нашей, также возносится столь же истинная и угодная Богу молитва, как и во время торжественнейших пышных литургий Англиканской церкви.

Но если смысл этих замечаний тот, что слушание проповеди не есть богослужение, то это великое недоразумение, потому что слушать надлежащим образом Евангелие есть одна из благороднейших форм почитания Всевышнего. Это такое упражнение, которое развивает все духовные способности человека. Благоговейное слушание Слова Божия учит нас смирению, укрепляет в вере, освещает наше сердце радостью, воспламеняет любовь, оживляет наше усердие и возносит нас к небу. Многие проповеди для нас то же, что лестница Иакова, по которой видим мы восходящих и нисходящих ангелов, а на вершине ее — Самого Господа. Часто, когда обращается к нам Господь устами служителей Своих, кажется нам, будто должны мы воскликнуть: „Это не что иное, как дом Божий, это врата небесные!“ Мы славим имя Господне и восхваляем Его от всего нашего сердца, когда Он поучает нас Своим Св. Духом, дарованным Им людям. И потому не может быть и такой разницы между проповедью и молитвою, как некоторые утверждают. Одна часть богослужения незаметно переходит в другую. Проповедь часто увлекает нас к молитве и священным песнопениям. Хорошая проповедь есть угодное Богу поклонение, как откровение благодатных свойств Его. Одушевленное глубокое раскрытие Его Евангелия более чем что-либо прославляет Его. Благоговейное внимание к евангельским истинам, раскрываемым проповедником, лучшая форма почитания Всевышнего Творца и, может быть, даже наиболее духовная, к какой только способен человек. Но тем не менее, нам следовало бы — как говорит древний римский поэт — поучиться многому и от наших врагов, и очень возможно, потому что наши противники, члены Епископальной церкви, справедливо указывают на некоторые слабые стороны наших публичных богослужений. Должно признаться,

что не всегда выливаются наши молитвенные упражнения в лучшую форму или не всегда исполняются у нас как следует. Существуют такие молитвенные дома, где эти упражнения далеко не столь благоговейны и пламенны, как бы мы того желали; в других же местах, напротив, усердие соединено с таким невежеством, искренность искажается столь бурными проявлениями, что никакой разумный христианин не может спокойно присутствовать при богослужении. Молиться в силе Духа Святого дано не всем нам, и не все также молятся одинаково как духом, так и сердцем. Еще многое следует улучшить здесь, в некоторых же местах это даже и крайне необходимо. И потому позвольте, дорогие братья мои, серьезно предостеречь вас, не вредите вашим богослужениям вашею свободною молитвою, а усердно старайтесь, чтобы все вообще священное служение ваше стояло на должной высоте.

Будьте уверены, что свободная, непринужденная молитва должна быть наиболее согласна с Священным Писанием. Если вы относитесь с недоверием к своим действиям, вы никогда ничего не сделаете порядочно. Будьте же твердо уверены, что вы почитаете Господа именно так, как это завещано Словом Божиим и как это угодно Господу. Выражения „читать молитвы“, к которому мы так привыкли теперь (в Англии), не существует в Священном Писании, как ни богато оно драгоценными религиозными выражениями; и надо думать, его нет там потому, что не существовало тогда и подобного понятия. Где встречается у апостолов хотя бы малейший намек на литургию? Молитва в собраниях первых христиан не имела никакой определенной формы. *Тертуллиан* пишет: „Мы молимся без внешнего побуждения, потому что мы молимся от сердца“. *Иустин-мученик* говорит о первенствующем пресвитере, что он „молится по мере сил своих“. Не трудно указать, где и когда вошли в употребление первые литургические молитвы; они возникали и развивались в церкви постепенно. Мне очень хотелось бы побольше поговорить об этом предмете, но здесь не место для этого. Я перехожу потому далее.

Наше дело доказать превосходство свободной молитвы тем, что она совершается нами одухотвореннее и оживленнее, нежели всякая другая. Очень грустно бывает, если слушатели могут сказать: „Наш проповедник говорит гораздо лучше, нежели молится!“ Это не по примеру Господа; Он говорил, как никогда еще не говорил человек. Что же касается Его молитвы, то она производила такое впечатление на Его учеников, что они просили Его: „Господи, научи нас молиться!“ Когда мы молимся публично, все наши способности должны развернуться во всю свою мощь, человек должен явиться во

всей силе своей. Вялое же, безжизненное бормотанье молитвы, цель которого лишь заполнить известное время в богослужении, не есть молитва. Такая молитва скорее – попытка для людей и мерзость перед Богом. В настоящее время лучший защитник всех молитвословов есть слабость, недостаточность наших непосредственных сердечных излияний. Вся тайна заключается здесь в том, что наши сердца недостаточно молитвенно настроены, как бы это должно было быть. Мы должны поддерживать непрестанное общение с Богом, иначе наша молитва будет вяла и безжизненна. Если бы снега не таяли на вершинах глетчеров и не стекали бы в ущелья, не было бы и ручейков для орошений долин. Наша тайная молитва есть подготовка к публичной, и мы не можем долго пренебрегать ею, иначе это отразится, станет заметным и в этой последней.

Наша молитва никогда не должна пресмыкаться по земле, но всегда должна парить в высоту. Когда обращаемся мы к источнику благодати, наши слова должны быть торжественны и смиренны, а не легкомысленны и громки или бесчувственны и нерачительны. Когда приближаемся мы к Господу, мы должны преклониться пред Ним благоговейно и с священным трепетом. Мы можем говорить с Ним с дерзновением, но должны остерегаться излишней смелости. Когда мы просим о чем-либо, мы должны помнить, что предстоим престолу Предвечного. И подобно тому, как придворный держит себя в королевском дворце, чем с своими товарищами, точно также и мы иначе должны держать себя на молитве. Мы заметили, что в голландских храмах присутствующие надевают шляпы, когда говорит проповедник, а как только начинает он молитву, они снимают их. Обычай этот существовал и в старых пуританских обществах в Англии и долгое время держался и у баптистов. Они надевали свои шапки в те минуты богослужения, когда, по их мнению, не было прямого обращения к Богу и снимали их, когда начиналась молитва или пение. Я считаю этот обычай неприличным.

Пусть один Господь будет целью вашей молитвы. Остерегайтесь во время молитвы бросать взгляды по сторонам, на присутствующих. Остерегайтесь пустого молитвенного красноречия ради угождения слушателям. Их молитвы не должно делать „косвенной“ проповеди. Делать молитву поводом высказать свои способности – это почти богохульство. Красноречивые молитвы большею частью – грешные молитвы. Непристойно грешнику хвалиться „нарядностию“ своих слов перед лицом Господа воинств небесных и в то же время искать успеха среди таких же смертных, как и он сам. Лице-

меры, осмеливающиеся на это, получают должное воздаяние, но нас это должно утратить. Тяжкое осуждение выпало однажды на долю одного проповедника, когда заметили ему, ради прославления его, что его молитва была красноречивее всего, что когда-либо слышали в одном Бостонском собрании. Мы должны стараться пробудить глубокие молитвенные настроения у тех, кто слушает наши молитвы. Но каждое наше слово, каждая наша мысль должны быть направлены к Богу и могут касаться прихожан лишь настолько, насколько это необходимо для *принесения* их прошений к Господу. Думайте о ваших прихожанах в вашей молитве, но не облакайте ваши слова в красивые образы ради угождения им. Обратите ваши взоры к небу, пристально обратите их к небу!

Следует избегать в молитве также и грубых выражений. Я должен признаться, что слышал их, но считаю бесполезным приводить их здесь. Теперь это делается реже. Прежде же особенно грешили этим методисты. Необразованные люди невольно употребляют некрасивые выражения, особенно, когда они возбуждены; но нам не должно взыскивать с них. Я слышал однажды, как молился один бедняк: „Господи, призри на наших детей; Ты знаешь ведь, Господи, враг расставляет им сети, преследует их, как кошка мышей!“ Это выражение показалось многим смешным, но я, принимая во внимание степень образования этого человека, нашел его очень естественным и подходящим. И почти всегда кроткое наставление, пара добрых советов могут предотвратить повторение подобных выражений. Но мы, стоящие на кафедре, должны строго остерегаться, чтобы самим не впасть в такую погрешность. Биограф достопамятного американского проповедника N. N. приводит в качестве примера его „остроумия“ следующее. После проповеди какого-то молодого проповедника, в которой этот последний горячо нападал на вероучение N. N. — он стал просить в заключительной молитве, чтобы Господь благословил молодого проповедника и оказал бы ему великую милость „смягчить его сердце, а также и ум“. Кроме бестактности такого публичного осуждения своего собрата по званию, каждый разумный человек должен понять, что дом Божий не место для грубых шуток. Очень возможно, что молодой оратор провинился в нарушении любви к другому, но его старший сотоварищ согрешил в десять раз сильнее, выказав подобное неуважение к юному проповеднику. Царю царей подобает выслушивать от нас лишь избранные выражения.

Другая погрешность, которой следует остерегаться в молитве, это — неприятные профанирующие религиозное чувство выражения горячей любви к Господу. Когда слова „милостивый

Господи“, „дражайший Господи“, „сладчайший Иисусе“ постоянно повторяются без малейшего повода и без всякой надобности – это производит неприятное впечатление. Я должен сознаться, что не испытываю подобного впечатления, если слышу воззвание: „возлюбленный Иисусе!“ из уст какого-нибудь пожилого, почтенного служителя Божия. Но когда слышу я такое сердечное, дружеское обращение поминутно сыплющееся из уст людей, вовсе не имеющих никакого „христианского“ отличия, то я всегда горячо желаю, чтобы кто-нибудь научил их истинному понятию об отношении людей к Богу. Слово „возлюбленный“ в нашем обыденном употреблении сделалось уже столь обычным и малозначущим, в некоторых случаях даже как бы потерявшим свой истинный смысл, что переполнение им молитвы вовсе не может служить к назиданию. Но самый сильный протест следует выразить против постоянного повторения слова „Господи“, особенно часто встречающегося у новичков в деле проповеди. Поистине больно слышать, как без умолку повторяют они: „О, Господи! о, Господи!“ Ведь заповедь: „Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно“, есть священная заповедь, и если можно невольно, по незнанию, преступить закон, то преступление этой заповеди есть грех, и грех тяжелый. Имя Божие не должно служить нам для замещения им пустых мест в проповеди вследствие недостатка слов... Старайтесь постоянно лишь с величайшим благоговением употреблять имя Иеговы. Евреи в своих священных книгах оставляли незанятыми места, где должно было стоять имя „Иегова“, или же заменяли его вокализацией имени Божия „Адонаи“, потому что имя Иеговы они считали слишком священным и великим для обыденного употребления. Нам можно и не быть столь суеверными, но было бы хорошо, если бы мы в данном случае имели столь же глубокое благоговение, как и Евреи. Точно также постоянное употребление: „О!“ и других подобных возгласов также следовало бы значительно сократить. А этим также часто грешат молодые проповедники.

Следует затем избегать в молитве обращаться к Богу в форме требования. Прекрасно и назидательно, если духовно борется человек с Господом и говорит Ему: „Я не отступлю от Тебя, пока не благословишь Ты меня!“ Но это должно быть высказано с сердечностью, а не угрожающим тоном, словно мы можем что-либо указывать Господу и силою заставить Его благословить нас. Следует примопнить, что хотя и можем мы бороться с Господом, но мы не должны забывать, что мы все же лишь грешные люди. Даже Иаков хромал на бедро свое после ночной борьбы своей с Богом. И Сам Господь учит нас

говорить не просто: „Отец наш“, но: „Отец наш, *Который на небесах*“. В наших обращениях к Богу должна быть искренность, сердечность, – но полная благоговения; дерзновение, – но такое, которое исходит из благодати Божией и есть действие в нас Св. Духа; не смелая дерзость бунтовщика перед оскорбленным им Владыкою, а – покорное дерзновение ребенка, который боится, потому что любит, и любит, потому что боится. Никогда не принимайте хвастливого тона в молитве к Богу. К Нему нельзя обращаться, как к равному себе противнику, а следует лишь умолять Его, как своего Господа и Бога. Мы должны быть смиренны и униженны перед Ним в глубине сердец наших, и такова же должна быть и наша молитва.

Если вы говорите, что молитесь, то молитесь действительно, а не рассуждайте, не ораторствуйте о молитве. Деловые люди говорят: „Есть место для всего, и все должно иметь свое место“. И потому – проповедуйте в проповеди и молитесь во время молитвы. Вставленные в молитву рассуждения о нашей беспомощности и слабости – не молитва. Зачем не становитесь вы прямо на молитву, а словно прячетесь за нее? Зачем рассуждаете вы о том, что хотите вы сделать, а не начинаете прямо действовать с помощью Божией? Начинайте же немедленно просить этой помощи и обратите лицо ваше к Господу! Умоляйте Его о всех великих и непрестанных нуждах ваших прихожан; не забудьте и того, для чего собирались вы теперь. Вспомните о больных, о нищах, об умирающих, об язычниках, об евреях и обо всех забытых, обездоленных! Вспомните молодых и стариков, обратившихся уже и беспечных, верных и отпавших! Не обращайтесь ни вправо, ни влево, а направляйте ваш путь прямо перед собою по борозде истинной молитвы. Пусть будут вполне истинны и искренны ваши сознания в греховности и выражения вашей благодарности. Просите с таким дерзованием, из которого видно было бы, что вы безусловно верите Господу и не сомневаетесь в исполнении Им молений ваших. Я говорю это потому, что молитва многих производит такое впечатление на постороннего зрителя, будто они, хотя и признают ее за крайне важное, необходимое занятие, но имеют лишь очень скудное, ничтожное представление об ее пользе и значении. Вы же молитесь так, чтобы видно было, что вы уже испытали своего Господа, *убедились* в действительности Его помощи, и потому теперь снова приходите к Нему с полным упованием. И молитесь, чтобы *молиться*, а не ораторствовать, не вставляйте проповедь в нашу молитву, – а тем менее еще – не употребляйте ее на то, чтобы порицать других и „облегчать свое сердце“, как это делают ныне.

Великий соблазн может происходить еще от того способа, как произносятся или читаются при богослужениях положенные молитвословия. Часто церковные молитвы исполняются поспешно и в высшей степени неблагоговейно, словно какие-нибудь уличные песни. Священные слова произносятся без всякого внимания к их внутреннему значению, на манер болтовни попугая. Не изредка, но часто даже присутствуешь при таких богослужениях епископальной церкви, где взоры не только прихожан и хора, но и самого пастора блуждают по всему храму, а в чтении молитвы ясно слышится, что сердца молящихся далеко от читаемого (ради беспристрастия должно признаться, что в последнее время подобные небрежные отношения к молитве делаются там реже). Мне случалось присутствовать при погребальных обрядах англиканской церкви, которые были столь бесцеремонно „прогалоппированы“, что я должен был призвать на помощь все мое уважение к священному месту, чтобы воздержаться от выражения моего негодования. Я был вне себя, видя, как поспешно „оттрепали“ всю литургию в присутствии убитых горем родственников, словно предстояло пастору еще много подобной работы и он торопился во что бы ни стало скорее окончить ее. Что говорил он, какое благословение преподал своим неистовым криком, осталось для меня совершенно непонятным. Страшно, в самом деле, подумать, как эта сама по себе весьма замечательная литургия об усопших была почти совершенно уничтожена небрежным пастором и обращена во что-то ужасное, благодаря спешности и небрежности ее совершения. Я рассказал вам здесь об этом потому, что, если епископальная церковь строго критикует наши молитвенные собрания, то и мы можем ответить ей не менее серьезным обвинением. Лучше, конечно, стараться исправлять наши собственные ошибки, нежели порицать других.

Если мы хотим, чтобы наша публичная молитва была тем, чем она должна быть, она должна прежде всего исходить прямо из нашего сердца. Молящийся должен серьезно, глубоко вникнуть в предмет своего прошения. Это должна быть истинная молитва. И если это так, то она, подобно любви, покроем множество недостатков молящегося. Можно простить человеку его излишнее дерзновение и даже некрасивые выражения, если видишь, что он из самой глубины своего сердца говорит, беседует с своим Творцом и что все его ошибки происходят лишь от недостатка его образования, а не от духовных или нравственных пороков. Обращающийся молитвенно к Богу должен отдать этой молитве все свое сердце, потому что вялая молитва есть наихудшее приготовление к

проповеди. Вялая молитва... что может вызвать большее отвращение в слушателях! Пусть вся ваша душа изольется в этом священном делании! Отдавайте ему все силы ваши. Молитесь так, чтобы увлечь за собою к престолу Господа всех слушателей ваших! Молитесь так, чтобы силою почивающего на вас Св. Духа выразить вам желания и мысли всех присутствующих в собрании и чтобы в вашем *едином* голосе соединились все сотни этих горящих священным пламенем сердец ваших пасомых!..

Затем, наша молитва еще должна быть *благоразумной*. Я не говорю о том, что в молитве должно упоминать о малейших случаях в жизни прихожан. Не нужно обращать публичную молитву в газету для сообщения всех недельных новостей или делать ее перечислением всех рождений, смертей и бракосочетаний прихожан, — но главные, важные события в жизни прихода должны быть молитвенно воспомнаны заботливым сердцем пастыря. Он должен возносить к престолу Всевышнего все радости, а также и все скорби своих собратий и испрашивать для своей паствы благословение Божие во всех ее испытаниях, делах, обязанностях и предприятиях. Он должен испрашивать у Бога также и отпущение всех бесчисленных грехов своих прихожан.

Далее, *не делайте вашей молитвы слишком длиною*. Кажется, *Джон Макдональд* говорил всегда: „Если вы проникнуты молитвенным духом, то не злоупотребляйте временем, не молитесь слишком долго, чтобы другие люди, не находящиеся в столь возвышенном настроении, не отстали бы от вас; а если вы не проникнуты молитвенным духом, то не молитесь слишком долго, чтобы не утомились ваши слушатели“. *Ливингстон* говорит о *Роберте Брюсе* из Эдинбурга, знаменитом современнике *Эндрю Мельвилля*: „Никто в его время не говорил с такою силою и с такою благодатию Св. Духа, как он. Никто более его не мог похвалиться столькими обращениями, как он. Многие из его слушателей утверждали, что со времен апостольских никто не говорил с такою силою, как он... В присутствии других он молился очень кратко. Но каждая фраза его была острой стрелой, направленной прямо в небо. Я слышал, как он говорил, что он утомляется долгою молитвой других проповедников. Но когда он оставался один, много времени употреблял он на свои молитвенные подвиги“. При особых случаях, когда особенно глубоко наше молитвенное настроение, можно употреблять до 20 минут на утреннюю молитву, но и это не часто. Вы не можете *слишком* долго молиться тайною сердечною молитвой... Здесь мы не ограничиваем вас ни 10-ю минутами, ни 10-ю часами, ни даже 10-ю

неделями, если вы того желаете. Но мы говорим о *публичной* молитве, исполняемой перед проповедью или после нее, а для этой молитвы длительность ее в 10 минут предпочтительнее 15 минут. Из тысячи людей один разве пожалуется на *краткость* вашей молитвы, а целые толпы их будут говорить, напротив, что продолжительность ее утомляет их. „Он привел меня в хорошее настроение своею молитвою, — сказал однажды *Георг Уайтфильд* об одном известном проповеднике, — и если бы он остановился тогда, все было бы прекрасно, но он продолжал и испортил мне мое хорошее настроение своею молитвою“. Господь еще выказывает Свое безмерное долготерпение, щадя подобных проповедников. Они приносят столь громадный вред своей пастве, а Он все терпит их по милосердию Своему и позволяет еще им продолжать служение Ему. Я жалею тех несчастных, которые обязаны целых 25 минут выслушивать публичную молитву пред или после проповеди, и потом еще просить у Бога прощения за краткость ее!..

Итак, сокращайте ваши молитвы пред проповедью по многим причинам. Во-первых, потому что вы утомите и себя и ваших прихожан; во-вторых, потому что слишком длинная проповедь отнимает у слушателей все удовольствие слышать ее. Сухой, тяжелый, многоречивый поток молитвенных слов притупляет внимание слушателей, притупляет, как бы закладывает слух их. А между тем, никоим образом не следует закладывать землю или камнями ухо слушателя эти врата, ведущие нас прямо к сердцу. Эти врата должны быть вполне свободны, чтобы ввести в них святое Евангелие. Длинные молитвы состоят большею частью из повторений или из бесполезных разъяснений, которые вовсе не нужны Богу, или же нисходят на степень обыкновенной проповеди. Во-первых, вовсе не нужно повторять на молитве весь катехизис. Не нужно также излагать в ней свои собственные и чужие испытания. *Нет* надобности также приводить целый ряд выписок, начиная от *Давида* и продолжая *Даниилом* и *Иовом*, *Петром* и *Павлом* и т. д., — с неизменным оборотом: „Так говорил издревле раб Твой“. Необходимо приближаться к Богу в молитве, но никто не потребует от вас так затягивать ее, чтобы все слушатели начали с нетерпением ожидать вашего „аминь“.

Я не могу воздержаться здесь, чтобы не дать маленький совет: не делайте так, будто вы хотите закончить, и вдруг начинаете снова и молитесь еще целых пять минут. Если слушатели ваши видят, что вы уже заканчиваете молитву, они не в состоянии внезапно снова напрячь должное внимание. А я знал таких проповедников, которые подавали слушателям

вид, что они уже заканчивают свою молитву, и потом снова два или три раза начинали ее. Это в высшей степени неразумно и неприятно действует на присутствующих.

Еще другое правило: *избегайте слишком „образных“ выражений*. Братья мои, вам совсем не требуются эти некрасивые обороты; оставьте их, их время уже прошло. Я не знаю, как достаточно строго вооружиться против этих надутых выражений в области молитвы. Некоторые из них – простые выдумки, другие – места, заимствованные из апокрифов; есть, наконец, и такие, которые взяты из Священного Писания, но совершенно искажены в народном употреблении. Еще в 1861 году писал я в одном из наших журналов следующие строки относительно подобных некрасивых выражений: „Подобные стереотипные выражения в молитвах большое зло. Кто может защищать, например, столь любимую фразу: *„Мы не хотим врываться к Тебе, подобно тому, как безрассудно (!) стремится в сражение конь“*. Как будто кони могут действовать с рассуждением и как будто не лучше было бы толковать о силе и мощи коня, нежели о неповоротливости и глупости осла!

Еще пример: *„Твой жалкий, недостойный прах есмь“*, – это титул, который даруют себе наиболее высокомерные люди в собраниях верующих, зачастую даже самые богатые и наиболее „светски“ настроенные. Мы слышали об одном благочестивом человеке, который, прося благословения своим детям и внукам, так затмился блеском этого выражения, что воскликнул: „О, Господи! благослови Твой прах и Твоего праха прах, и прах праха от праха Твоего!“ Когда Авраам сказал: „вот, я решился говорить Владыке: я, прах и пепел“, – это выражение его было очень прилично и трогательно; но если исказить его, злоупотреблять им, то оно совершенно меняет свой характер.

Я заметил, что некоторые молятся с открытыми глазами. Этот обычай неестествен, неприличен и действует неприятно. По временам вполне прилично и трогательно открыть глаза и возвести их к небу, но смотреть по сторонам в то время, как обращаешься с молитвою к невидимому Богу, это просто неприлично. Еще в первые века христианства сильно восставали против этого неприличного обыкновения отцы Церкви. Не следует также и жестикулировать во время молитвы. Можно еще позволить себе иногда поднимать руки, как во время проповеди; иногда это может быть очень кстати.

Соблюдайте различие в порядке ваших молитвословий. Вашего внимания требуют многие: весь приход со всеми своими слабостями, падениями, скорбями и утешениями; весь окружающий мир, соседние общины, еще необращенные слушатели, дети, словом – вся страна. Вам не следует мо-

литься каждый раз обо всем этом, иначе слишком длинна и неинтересна будет ваша молитва. Но что выше всего стоит в вашем сердце, о том должны вы и молиться прежде всего. С помощью руководящего нами Духа Святого можем мы распределить предметы наших молитв, вследствие чего все богослужение, вместе с пением и проповедью, обращается в одно гармоническое целое. Подобное единство богослужения, не рабски, а разумно поддерживаемое, очень привлекательно и возвышает впечатление целого. Но некоторые проповедники не в силах даже поддержать этого единства, а „странствуют от Англии до Японии и вплетают в него всевозможные, встречаемые ими предметы. Вы же, достигшие единства в вашей проповеди, вы должны идти еще далее, развить известную степень единства и во всем богослужении, так чтобы один и тот же предмет занимал первое место и в пении, и в молитвословиях, и в чтении. *Нельзя* рекомендовать обычай некоторых проповедников толковать еще раз в последней молитве о предмете своей проповеди. Может быть, это и поучительно для слушателей, но молитве подобные цели чужды. Это хвастливо, неприлично, по-школьнически. Не подражайте этому обычаю.

Еще, как ядовитой змеи, бойтесь стремления *выказывать в вашей публичной молитве притворное вдохновение или восторженность*. Не старайтесь *казаться* вдохновенными. Молитесь так, как то повелевает вам ваше сердце под влиянием Духа Божия, и если почувствуете свою сухость и утомление, обратитесь прямо к Господу. Ничего не будет дурного, если вы прямо сознаетесь Ему и будете просить Его о помощи и руководстве. Это будет истинно-угодная Ему молитва, но притворная теплота есть позорная ложь. Не подражайте тому, кто действительно вдохновлен. Быть может, знаете вы какого-нибудь благочестивого проповедника, глубоко вздыхающего в подобное время, или же такого, голос которого делается тогда крикливым. Так не визжите же вы и не стоныте, чтобы показаться столь же углубленными в молитву, как они. Будьте всегда как можно проще и естественнее и просите Бога руководить вами во всем.

Наконец, скажу вам еще: *приготовляйтесь к вашей молитве*. Вы с удивлением смотрите на меня и спрашиваете, что я разумеваю в данном случае. И я отвечу вам следующее. Однажды возник вопрос в одном собрании проповедников, следует ли проповеднику *приготовляться к молитве*? Некоторые ответили отрицательно и вполне доказали это. Другие же столь же решительно ответили: да! и противоречить им также оказалось нелегко. Я думаю, что обе партии были правы. Первые

понимали под словом „приготовление“ к молитве предварительный подбор выражений и последовательность изложения известных мыслей; все это, говорили они, не подходит к богослужению, так как, совершая его, мы предаем себя руководству Духа Божия, Который и внушает нам, о чем и как говорить. Мы вполне согласны с этими замечаниями, потому что если написать вперед свою молитву и выучить наизусть все свои прошения, то лучше уже прямо читать молитвы по книге. Вторая же партия понимала под словом „приготовление“ нечто совсем иное, а именно – подготовку не разума, а *сердца*, состоящее в серьезном предварительном обсуждении важного значения молитвы в размышлениях о том, что требуется для назидания душ, в созерцании обетований, на которые мы можем сослаться; чрез *подобное* приготовление мы предстанем Господу с молитвою, написанною на скрижалях нашего сердца. Во всяком случае это лучше, нежели стремглав броситься к Нему, ничего не обдумав, „наудачу“, без определенной цели или желания. „Я никогда не устаю молиться, – сказал кто-то однажды, – если постоянно думаю об определенной цели моей молитвы“.

Братья, такова ли и ваша молитва? Стремитесь ли вы достичь подобающего настроения, когда собираетесь руководить молитвою ваших прихожан? С должным ли усердием представляете вы Господу ваши прошения? Я чувствую, дорогие братья, что нам следует подготавливаться к публичной молитве нашею тайною, сердечною молитвою. Близким общением с Богом должны мы стараться поддержать в себе молитвенный дух, и тогда наши молитвы будут именно такими, какими они должны быть. Что еще можно позволить себе сверх этого, это – изучение наизусть псалмов и других мест Священного Писания, знание которых может принести нам пользу в нашей молитве. *О Златоусте* рассказывают, что он так хорошо знал Библию, что мог прочесть любое место наизусть; и не мудрено поэтому, что он получил наименование „Златоустого“. И в нашем общении с Богом самый приличный для нас язык – это употреблять слова Святого Духа. Мы советуем поэтому лучше запечатлеть в памяти вдохновенные молитвенные излияния Священного Писания. Постоянное чтение его будет обогащать нам ум. Семена молитвы, посеянные таким образом в нашем сердце, несомненно постоянно будут приносить нам золотую жатву. И как Давид воспользовался впоследствии мечем Голиафа, так и мы постоянно будем пользоваться священными словами, спешествующими исполнению наших прошений.

Да будут ваши молитвы горячи, живительны, пламенны и

достойны быть услышанными. Молю Господа, чтобы вы могли наилучшим образом научиться служить Ему в ваших публичных молениях. Да будут ваши молитвы просты и искренни. И если случится когда, что не будут вполне удовлетворены прихожане вашею проповедью, да восчувствуют они в то же время, что ваша молитва за все вознаградила их.

Многое еще можно и должно было бы сказать об этом предмете, но ни время, ни силы наши не позволяют нам сделать этого и потому мы заканчиваем нашу лекцию.

Содержание проповеди

Все проповеди должны иметь определенное содержание, которое должно быть живым, жизненным, сильным, веским и назидательным. Мы всходим на кафедру не для того лишь, чтобы показать свое красноречие, а для того, чтобы преподать слушателям в высшей степени серьезные, глубокие истины, истины жизни, и не можем потому отделяться лишь одними красивыми, но ничего не выражающими фразами. Область, откуда почерпаем мы наши мысли, почти безгранична, и вследствие этого мы не имеем извинения, если будет суха и безжизненна наша проповедь. Если мы говорим к народу в *качестве посланников Божиих*, мы не смеем жаловаться на недостаток материала, потому что то, что мы должны передать ему, само по себе уже переполнено этим материалом. Мы должны изложить все Евангелие с нашей кафедры; мы должны проповедать с высоты ее современным христианам всю *веру*, некогда врученную людям самим Господом и апостолами. Истина, заключающаяся в учении Христа Иисуса, должна быть преподана народу таким образом, чтобы он не только услышал святое благовестие, но и *понял* его. Мы служим не у алтаря „неведомого Бога“; мы проповедуем как почитатели Того, о Котором написано: „Потому уповают на Тебя ведущие имя Твое“. Очень полезно уметь „расположить“ проповедь, но как быть, если не имеется материала для этого „расположения?“ Кто умеет лишь „располагать“, тот подобен человеку, превосходно владеющему резать мясо, но стоящему пред пустым блюдом. Лишь простые комедианты могут воображать, что они совершили все должное, если начали свою проповедь приличным, интересным введением, произнесли ее бегло и красиво и заключили громко и пышно. Истинный же служитель Христа знает, что первое, главнейшее достоинство проповеди заключается не в ее внешнем изложении, но в тех истинах, выражением которых служит она. Ничто не может в этом случае заменить бедность содержания и назидательности. Все красноречие мира не более, как пустая солома в сравнении с полевым пшеничным колосом. Евангелие – это благовестие нашего настоящего и будущего блаженства, есть красноречие жизни, а не пустых слов. Как ни красива цветочная корзина, но что в ней, если она пуста? И красноречивейшая проповедь, лишенная благодатного внутреннего содержания, есть лишь жалкое пустословие. Она, подобно облаку, проносится над головами слушателей, не роняя ни

капли животворного дождя на иссохшую землю. И души, созревшие уже в сознании своих духовных нужд, испытывают, слушая ее, лишь тяжелое разочарование или даже получают от нее еще больший вред. Слог проповеди может быть так восхитителен, как произведения той писательницы, о которой сказали: „Она пишет хрустальным пером, окунутым в раннюю, свежую росу, пишет на серебряной бумаге и вместо песку употребляет пыль с крыльев бабочек“. Но если дело касается спасения людей, души которых в опасности, то все это изящество „менее, чем ничто“.

Лошадей не ценят по богатству их упряжи, но по их собственной красоте сложения и по их породе; так и проповеди, выслушиваемые разумными слушателями, ценятся по мере заключающихся в них евангельских истин и по мере и силы евангельского духа. Братья, взвешивайте лучше ваши проповеди! Уступите в мелочах, но старайтесь более о целом. Не заботьтесь о большем количестве произносимых вами слов, но стремитесь возвысить ценность их внутреннего содержания. Безумно показывать расточительность в словах и вместе – скупость в изложении истины. Действительно можно согласиться, что потерял разум тот человек, которому приятно будет, если скажут про него то, что сказано про Грациано в „Венецианском купце“ Шекспира: „Грациано произносит массу ничтожностей, более чем кто-либо из всех жителей Венеции; основание его речей – это 2 зернышка пшеницы, спрятанные в 2 четвериках соломы; целый день проищешь, пока найдешь их там; а когда найдешь наконец, то они не стоили и поисков“.

Прекрасно, если стараются действовать на чувства слушателей, но и тут требуется помощь истинного назидания; без нее это – лишь легкий удар в ружейную полку, когда порох уничтожается, но пуля не вылетает. Будьте уверены, сильнейший зажигающий фитиль огонь разрешится лишь одним дымом, если не будет он поддержан горючим веществом „назидания“. Божественное правило – „вложить“ закон в „мысли“ и „написать“ его потом „в сердцах“: сначала просвещается разум, а затем уже побеждаются страсти. Прочтите Евр. 8, 10 и поступайте по примеру Господа. Можно привести здесь замечание об этом месте Писания: „Проповедники должны подражать в этом Самому Господу и, насколько это возможно для них, назидать народ в таинствах благочестия, поучать его, как должно веровать и жить, а затем уже – стараться во flame-нить его – усердно выполнять то, чему он научился. Иначе безуспешен будет ваш труд. Пренебрежение этим и есть главная причина большинства ошибок современного челове-

чества". Я мог бы присовокупить к сказанному, что последние слова еще более относятся к нашему времени, когда среди христиан различные учителя производят страшные опустошения. Здоровое учение есть лучшая защита против всех лжеучений, давящих нас и справа и слева.

Здоровое изложение истин Священного Писания есть то, чего желают наши слушатели и что они должны получить от нас. Они вправе ждать от нас правильного толкования Священного Писания, и если вы подобны „ангелу наставнику, одному из тысяч“, о котором говорит Иов (гл. 33, 23), если вы истинные посланники Божии, то вы вполне удовлетворите ваших слушателей. Если же случится, что не будет достаточно назидательности в вашем толковании истин, то это будет очень плохо, так плохо, как если бы в хлебе не было вовсе муки... Многие проповеди, если рассмотреть их не со стороны объема, а со стороны основательности их внутреннего содержания, представляют собою лишь жалкие образцы лжеблагочестивого красноречия. Мне кажется, очень правдиво следующее замечание. Когда кто-либо слушает лекцию об астрономии или о геологии, то очень скоро получает правильное понятие о системе, мировоззрении читающего наставника. Если же послушать обыкновенного типа проповедников, то не только в течение 12 месяцев, но даже и в течение 12 лет не получишь определенного представления об их богословской системе. Если это верно, то, конечно, это большое зло, о котором нельзя достаточно пожалеть. Неясные выражения многих о величайших божественных истинах, туманные представления других об основных учениях Слова Божия, к сожалению, доставили критике обширное поле для критиканства. Братья, если вы не истинные богословы, то вы – ничто в вашем звании проповедника! Вы можете быть прекрасными ораторами и произносить превосходные речи, но без истинного познания Евангелия и без способности проповедовать его другим, вы будете лишь „медь звенящая или кимвал звучащий“. Пустословие часто служит фиговым листком, прикрывающим богословское невежество проповедника. Вместо здорового и истинного назидания предлагаются напыщенные выражения, вместо сильных, дельных мыслей – крошечные риторические фразы. Не должно бы этому быть, дорогие братья. Излишек бессодержательной декламации и недостаток духовной пищи превращает проповедническую кафедру в сосуд напыщенного пустословия и вызывает со стороны слушателей презрение вместо уважения. Если мы, проповедники, не можем наставлять своих прихожан, не можем дать им истинной духовной пищи, то лучше нам попробовать свои силы на другом

поприще... Иначе мы уподобимся императору Нерону, занимавшемуся музыкой в то время, когда горел Рим, и посылавшему в Александрию суда за песком для своей театральной сцены, тогда как весь народ его умирал от голоду.

Мы настаиваем поэтому на том, чтобы всякая проповедь имела обильное назидательное содержание; а затем требуем мы, чтобы *это содержание соответствовало тексту*. По правилам риторики содержание проповеди должно вытекать из текста, и чем яснее это выполнено, тем лучше; во всяком случае, оно должно, по крайней мере, стоять к нему в близком отношении. Можно оставить большое поле для духовного истолкования; но только эта свобода не должна вырождаться в распущенность и никогда не следует забывать связи между проповедью и текстом. Недавно пришлось мне услышать странный текст, который может быть и подходящим, и неподходящим, смотря по тому, как взглянуть на него. Один помещик роздал всем бедным старухам в своей деревне ярко-красные шали. Нарядившись в них, старушки явились на другой день в церковь и разместились как раз перед самою кафедрой, с высоты которой и раздался текст проповеди одного из проповедников: „И Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них“. Рассказывают еще, что позднее, когда тот же благотворитель прихожан подарил каждому семьянину в деревне по мере картофелю, то пастор сказал проповедь на текст: „И говорили они между собою: это манна!“ Не знаю уже, подходит ли этот текст в данном случае; но думается, все это не было весьма умно...

Многие проповедники прощаются обыкновенно с текстом тотчас же по произнесении его. Оказав избранному месту честь прочесть его, они не знают, что им делать с ним далее. Они, так сказать, надевают на этом самом интересном месте шляпу и идут далее искать новых, свежих полей и лугов... Но для чего же им тогда и текст? Зачем же они так принуждают, так стесняют им себя? Для чего употребляют они текст вместо подставки, чтобы влезть на своего неоседланного Пегаса? Поистине, слово Божие не на то дано нам, чтобы служить сапожными ушками, посредством которых подобные пустословы могли бы надевать свои семимильные сапоги и путешествовать в них от полюса до полюса!

Лучшее средство для сохранения разнообразия в проповеди заключается в том, чтобы проповедник обращал особое внимание на внутренний сокровенный смысл каждого избранного места. Двух совершенно одинаковых по смыслу текстов быть не может; что-либо непременно дает каждому месту, повиди мому тождественному с другим, особую окраску, особый отте-

нок. Не сбивайтесь с пути, открытого вам в молитве, и вы никогда не будете повторяться или иметь недостаток в материале. Проповедь особенно сильно действует на совесть слушателей, когда она представляет собою слово, исходящее как бы из уст Самого Бога, когда она представляет собою не лекцию о Священном Писании, но как бы само Писание. Мы так многим обязаны богодухновенности Св. Писания, что, если беремся проповедовать на какой-либо текст, не должны отставлять его в сторону, чтобы освободить место для наших собственных измышлений.

Если же вы, братья, привыкли точно придерживаться смысла Священного Писания, то я посоветовал бы вам придерживаться и самых слов, употребленных в *Писании Самим Духом Святым*; потому что, хотя во многих случаях не только позволительны, но и вполне уместны проповеди на общие назидательные темы, однако такие проповеди, которые представляют собою изложение богодухновенных слов Священного Писания, наиболее полезны и наиболее любимы нашими прихожанами. Они особенно любят, когда излагаются и истолковываются им и самые священные слова. Люди не всегда способны понять смысл Писания — кроме некоторых, общеизвестных его мест — и рассмотреть истину, лишенную, некоторым образом, как бы своих телесных покровов. Когда же слова Св. Писания часто повторяются и изъясняются так, как например, изъяснял их м-р. И. в Боте (знаменитый проповедник в Англии, умерший в половине этого (XIX-го) столетия и оставивший много печатных проповедей), то слушатели получают гораздо более назидания и слышанное лучше укореняется в памяти слушателей. Итак, вы имеете обильный материал для ваших проповедей, ежеминутно, ежесекундно произрастающий для вас из самого богодухновенного, вечно живого и нового Слова Божия, подобно тому, как вырастают прямо из земли фиалки и примулы или как вытекает медь из сотов.

Старайтесь, чтобы все, что вы проповедуете, было действительно назидательно и имело значение в жизни человека. Не возводите вашу постройку из дерева, сена или соломы, но из золота, серебра и драгоценных камней. Едва ли следует предостерегать вас от еще более грубого унижения кафедры, — иначе можно было бы привести здесь пример знаменитого оратора Н. Н. Этот болтливый искатель приключений имел обыкновение избирать предметом своих шутовских ломаний на кафедре в течение недели события данного дня, а по воскресеньям подобным же образом излагал различные богословские темы пред своими слушателями. „Славу“ его со-

ставляли его пошлые остроты, а также тон его голоса и жестикуляция. Один сатирик говорит о нем: „Неудержимо стремится с его уст поток бессмыслицы“. Но лучше было бы, господа, нам совсем не родиться, если бы кто мог справедливо сказать нечто подобное и про нас; хотя бы из опасения потери нами вечного блаженства, обязаны мы говорить на кафедре лишь о высоких истинах вечности, но ни о чем земном. Есть много и других еще более увлекательных способов построения этих построек из сена и соломы, но не подобает нам обольщаться ими. Это замечание особенно важно для тех господ, которые смешивают в своих проповедях громкие фразы и латинские цитаты с истинною глубиною мысли. Некоторые преподаватели гомилетики советуют – если не словами, то своим примером – именно употребление подобных фраз и громко звучащих слов. Эти преподаватели очень опасны для молодых проповедников. Вообразите себе проповедь, начинающуюся следующим мощным и изумительным уверением, которое должно вызвать в вас чувство возвышенного и прекрасного: *„Человек – существо нравственное!“* Этот гениальный проповедник также хорошо мог бы воскликнуть: *„Кошка имеет четыре лапы!“* Первое замечание было бы столь же изумительно, как и другое. Я припоминаю проповедь одного писателя, считавшего себя глубоким мыслителем, доведшего слушателей чуть не до оупения своими шестифутовыми словами. Но если бы проварить их хорошенько, они могли бы быть сведены к следующему краткому экстракту: *„У человека есть душа, эта душа будет продолжать жить в будущем мире, и потому ему должно озаботиться, чтобы она получила там вечное блаженство“.* Никто не может ничего возразить против этой истины, но ведь она не представляет собою такого нового открытия, которое должно быть непременно возведено барабанным боем и целой фалангой пышных фраз для того, чтобы обратить на себя внимание общества. Искусство высказывать самые обыкновенные истины громкими, пышными и хвастливыми фразами еще не окончило у вас своего существования, хотя полная, окончательная гибель его была бы (чтобы выразиться подобною же „звонкою“ фразой) *„настоящею катастрофой“*, которой горячо должно желать наше религиозное сознание. Подобные проповеди обыкновенно считаются образцами совершенства, но в действительности ведь они не более, как воздушные пузыри, не имеющие почти никакого веса, но которые можно раздуть до такой степени, что они сделаются похожими на те разноцветные шары, что продаются на улицах для забавы наших детей. Это сравнение подходит сюда, к сожалению, еще и

потому, что к подобным проповедям, как и к тем детским цветным шарам, примешиваются часто ядовитые вещества для окраски их, — вещества, вредно действующие на некоторые слабые умы. Позорно входить на кафедру для того, чтобы излить на прихожан целые потоки пустых слов, пенящиеся до бесконечности водопады громких фраз, среди которых растворены всего лишь несколько всем известных и понятных истин, словно гомеопатические капли в целом океане пустословия. Поистине лучше преподавать людям необработанные истины, куски сырого мяса, разрубленные на чурбане мясника, нежели с изысканною учтивостью подать им на дорогом фарфоровом блюде восхитительный кусок „ничего“, украшенный зеленью поэзии и облитый соусом „ломанья“.

Великое счастье будет для вас, если будете вы так руководимы Святым Духом, что в силах будете всегда *ясно излагать все Евангельские истины*. Ни одна истина не должна быть скрыта. Учение о „мысленном умолчании“, столь гнусное для нас в устах иезуитов, нисколько не делается лучше, если оно принимается нами. Совершенная неправда, что некоторые истины только для „посвященных“, в Библии нет ничего, что бы боялось освещения. Умалчивание ради осторожности есть трусливая измена в девяти случаях из десяти. Лучшая политика заключается в том, чтобы вовсе не вести политики, но передать людям каждый атом истины, преподанной нам Богом. Законы гармонии требуют, чтобы голос одной истины не заглушал бы все остальные; они требуют также, чтобы тихие, нежные звуки не пропадали бы среди шума и грома других. Каждый звук, предписанный Верховным Руководителем, должен быть исполнен правильно и каждая нота должна звучать с соответствующей силой. Каждая нота должна выделяться с подобающею ясностью. И вашей темой, вашей задачей должны быть вся открытая вам Богом истина во всей ее гармонической пропорциональности.

Наконец, если намерены вы, братья, излагать в ваших проповедях великие, вечные истины, то не *должны вы, так сказать, цепляться за них со всех сторон*. Поучения, не имеющие решительного значения для спасения души и не существенные в деле практического исполнения истин христианства, не должны излагаться при каждом богослужении. Все должно быть соразмерно, потому что в Священном Писании все важно и необходимо. Вы обязаны проповедовать всю великую Истину, а не только частицы ее. Не будьте потому односторонни. Нос, например, одна из главных частей человеческого лица; но если кто будет постоянно рисовать один только нос, тот никогда не получит изображения всего лица. Так и одно-

стороннее поучение, как ни дельно оно, если злоупотреблять им, никогда не приведет ваше служение к одному гармоническому целому. Не обращайтесь к второстепенным пунктам в главные. Не изображайте заднего фона Евангельских событий такими же яркими красками, как вы изображаете все великое, стоящее на переднем плане. Так, например, разве могут быть назидательны для слушающей вашу проповедь бедной вдовы с семьей ребятами, живущей лишь трудом рук своих, ваши рассуждения о великих задачах сублапзарианизма и супралапзарианизма или различные хилиастические системы?.. Не интереснее ли было бы для этой бедной вдовы выслушать проповедь о милосердии Господа, об Его попечительности и заботливости о Своем творении, нежели слушать речь о тех глубоких тайнах? Если будете вы говорить ей о неизменной благодати Господа к людям Своим, вы утешите ее в ее жизненной борьбе, но вашими рассуждениями о тех серьезных вопросах вы лишь смутите ее, или — наведете на нее сон... А ведь таких слушателей у вас сотни, и все они *поручены* вам. Главной темой нашей должна быть радостная весть, ниспосланная нам с неба: весть о нашем спасении чрез все искупляющую крестную смерть Христа, весть о той великой благодати, обещанной всякому, даже наивеличайшему грешнику, если только он горячо верует в Иисуса Христа.

В великом деле проповеди Евангелия мы обязаны напрячь все силы нашего разума, нашей памяти, все наше воображение и красноречие, а не обращать наше внимание лишь на второстепенные предметы. Проповедью Евангелия, этой благой вести, мы должны заняться гораздо серьезнее, чем всяким другим попавшимся нам на дороге предметом. Будьте уверены, что, если бы мы обладали умом *Локка* или *Ньютона* или красноречием *Цицерона* для возвещения лишь слов: „Веруй и живи этою верой“, эти качества вовсе не оказались бы лишними для нас. Прежде всего поэтому, братья, проповедуйте простое Евангельское учение! Непрестанно возвещайте вашей пастве единую спасающую ее истину распятого Христа. Я знаю одного проповедника, которому я недостойн развязать ремень его обуви, но проповеди которого суть лишь священные картинки — миниатюры... Я едва было не сказал даже: священные игрушки. Он превосходно описывает десять рогов „зверя“ и четыре лица Херувимов, прекрасно говорит о духовном значении верхнего покрова скинии, о типологическом значении составных столбов ее ковчега, завета и окон Соломонова храма; но о людских грехах, об искушениях, о нуждах современных людей — обо всем этом он почти и не касается в своих проповедях. Подобные проповеди напоминают мне льва,

занимающегося ловлею мышей, или военный корабль, гонящийся за упавшею в море пустою бочкою. Предметы, едва равняющиеся по значению приводимым апостолом Павлом „иудейским басням“, возводятся в нечто чрезвычайное этими микроскопическими богословами, для которых пикантность подобных расследований несравненно привлекательнее спасения душ их паствы. Может быть, вы когда-либо читали во всемирной истории о том, что царь персидский был известен как ловкий охотник за кротами, или что другой, лидийский царь, прекрасно изготовлял швейные иглы; но ведь эти занятия их еще не доказывают нам, что они были великими славными государями. *И в нашем делании* такие недостойные занятия, вполне не соответствующие нашему званию „посланников Божиих“, не должны иметь места.

Некоторых людей, как некогда афинян, постоянно преследует желание слышать новое, говорить о новом. Они хвастаются своим озарением, считают себя получившими особое вдохновение свыше, дающее им право осуждать всех, не принадлежащих к их братству. Но тем не менее полученное ими „откровение“ свыше часто сводится лишь к одной только внешней стороне богослужения или к толкованию темных пророческих мест Писания. О подобных проповедниках можно сказать словами поэта про океан, который „вздымает бурю, чтобы показать на своих волнах легкое перышко, или потопить в них муху“. Но еще хуже те, которые сеют среди верующих сомнения относительно подлинности некоторых мест или верности естественно исторических данных Священного Писания. С болью в сердце вспоминаю я при этом слышанную мною в одно воскресенье речь – называвшуюся „проповедью“, – предметом которой было ловкое рассуждение о том, действительно ли сходил ангел возмущать воду в Силоамскую купель „Вифезда“, или это был лишь пережегающийся источник, о котором суеверие евреев создало целую легенду. Больные, умирающие почти люди собрались, чтобы услышать утешительное слово о пути к вечному блаженству, и были награждены подобными пустяками! Они пришли за хлебом и получили камень; овцы устремились к своему пастырю, но не получили от него никакой пищи. Нужно сказать, редко приходится мне слышать настоящую, дельную, хорошую проповедь; когда же это случается, почти всегда бываю я очень несчастлив. Одна из последних проповедей, слышанных мною, имела предметом защиту Иисуса Навина относительно истребления хананеев, а в другой всячески старались доказать, что не хорошо человеку быть одному... Я не мог узнать, много ли душ обратилось ко Хрис-

ту, слушая эти проповеди; но я имею основание думать, что чувство небесной радости не согрело в это время сердца слушателей.

Следующее замечание мое, думается, будет излишним для большинства случаев, почему я и стесняюсь немного заявлять его: не *обременяйте вашу проповедь излишним материалом*. Все истины не могут быть втиснуты в одну проповедь. Проповеди не должны быть учебниками богословия. Легко может случиться, что если говорить много и долго, то можно пресытить слушателей вместо того, чтобы возбудить в них еще большее желание, еще большую жажду духовной пищи. Один старый проповедник во время прогулки, обратив внимание своего юного товарища на поле ржи, сказал: „В вашей последней проповеди было слишком много материала, и он был недостаточно ясно и прилично расположен; ее можно уподобить этому полю, на котором много питательного вещества, но оно еще не годно в пищу. Между тем ваша проповедь должна уподобляться хлебу, в котором питательное вещество уже переработано и готово для употребления. Я думаю, что головы наших слушателей не могут теперь воспринимать в себя столько богословия, сколько воспринимали его головы наших предков, потому что они могли слушать по 3–4 часа без перерыва, принимать в себя до 16 унций богословия, неприготовленного и не разбавленного ничем. Наше более слабое поколение едва переносит и одну унцию его, да и то в виде концентрированного экстракта или выработанного из него масла, а не чистую субстанцию богословия. Наша современная задача заключается в том, чтобы высказать в немногих словах многое, но не излишнее и без особо длинных разъяснений. Одна мысль, запечатленная в уме, гораздо лучше *пятидесяти*, но лишь пролетевших мимо ушей. Один хорошо и крепко вколоченный гвоздь держит лучше, нежели целая дюжина только лишь воткнутых в стену гвоздиков, которые легко можно вытащить все зараз.

Наш материал должен также быть хорошо расположен, согласно уже издавна испытанным законом духовного зодчества. Ваша мысль должна взбираться, восходить кверху; с каждым этажом должны возвышаться и ваши поучения, каждая дверь должна вести от одного ясного доказательства к другому – и вся постройка должна, наконец, привести слушателя в прекрасную палату, из окон которой он увидит сияющую небесным светом истину. И к проповеди также относится известный девиз: все хорошо на своем месте. Соблюдайте порядок в ваших проповедях. Не разбрасывайтесь мыслями, но располагайте их возможно стройнее.

Порядок — этот высший небесный закон — не должен быть в пренебрежении у посланников неба.

Проповедуемое вами учение должно быть изложено вполне ясно и понятно и не должно давать повода к недоразумениям. И для этого, прежде всего, пусть оно будет ясно для вас самих. Некоторые проповедники словно окружены каким-то паром и проповедуют в облаках его, проповедуют как бы окруженные туманом и проповедуют туман. Ваши прихожане должны быть приведены вами к твердому материку истины, а не блуждать в светящемся тумане ваших разглагольствований. Философские размышления приводят некоторых в полуопьяненное состояние, в котором они или ничего не видят, или же все представляется им в ненадлежащем виде. Сочинители сенсационных романов кружат головы многим честным людям, усердно старающимся понять их фантазии, воображая таким образом подняться на вершину современных знаний. Не для того ли посещаем мы театр, чтобы быть в состоянии правильно судить о новых пьесах? Не для того ли присутствуем мы при скачках, чтобы иметь правильное понятие об этих народных удовольствиях и связанных с ними состязаниях? Я, с своей стороны, думаю, что можно сравнить читателей невероятных сочинений с проповедниками, о которых мы ведем речь. Если бы люди не обращали никакого внимания на эти мертворожденные произведения прессы, они давно исчезли бы из продажи. Истинный проповедник не должен подчиняться никакому внешнему влиянию, и только при этом условии будет он вполне понятным своими прихожанами. Кто хочет произвести впечатление, тот должен прежде всего быть понят. Если твердо намерены мы предложить нашим прихожанам святую истину, чистое учение, вполне согласное с Св. Писанием, и если передадим мы им это в таких выражениях, которые не произведут ни малейшего затемнения в их мыслях, то тогда лишь будем мы настоящими пастырями стада Христова и тогда лишь мы убедимся в духовном преуспевании наших слушателей.

Старайтесь, чтобы содержание ваших проповедей было, сколь возможно, ново и жизненно. Не останавливайтесь на каких-нибудь пяти-шести предметах, чтобы с утомительной монотонностью постоянно возвращаться все к ним. Лучше было бы для нас в таком случае приобрести себе богословскую „шарманку“ с несколькими подходящими друг к другу пьесками, и вы произвели бы впечатление в каком-нибудь маленьком, отдаленном уголке, конечно, если только вы украсите вашу проповедь взятой с соседнего укусного завода хорошей порцией горьких, язвительных насмешек над людьми,

желающими говорить верующим лишь об их только христианских обязанностях. В подобных местах не заботятся ни о разуме, ни о способностях проповедника; там требуется лишь присутствие старой шарманки и возможно большего количества желчи. Мы, дорогие братья, радуемся, что перед нами несравненно большая область истины, раскрытой в Евангелии. Все, о чем поучают эти добрые люди относительно благодати и верховного могущества Божия, все это столь же твердо и решительно признаем и мы; но мы не осмеливаемся закрывать наши глаза на другие стороны божественного учения Св. Писания и чувствуем себя по совести обязанными честно выполнить свой долг, проповедуя все, что определил Господь для спасения людей. Вооруженные в избитии темами, старательно разработанными на основании нашего собственного опыта жизни, мы не утомим с помощью Божией наших слушателей, но всецело завладеем их сердцами.

Старайтесь, чтобы содержание ваших проповедей постоянно возрастало. Нужно заботиться о том, чтобы содержание проповедей ваших делалось глубже по мере возрастания вашего собственного духовного опыта. Я не хочу сказать этим: проповедуйте новые учения. Я считаю, напротив, счастливым того проповедника, который с самого начала своего пастырского служения так подготовил себя, что в течение всей своей последующей хотя бы пятидесятилетней деятельности не оказался бы вынужденным противоречить ни одной, произнесенной им когда-либо проповеди. Я хочу сказать этим вот что: старайтесь, чтобы ваши проповеди достигали все большей глубины и сердечности, и этого непременно вы достигнете, если будет возрастать ваш духовный опыт, если будет увеличиваться ваше духовное совершенство. Тимофей не мог так проповедовать, как сам апостол Павел. Наши начальные труды не могут быть так же успешны и плодотворны, как труды последующих, более зрелых лет. Мы не можем ставить их для себя примером, если только мы вполне искренни. Лучше всего было бы, если бы мы забыли их, или же помнили о них лишь для того только, чтобы пожалеть об их посредственности. В самом деле, плохо было бы, если бы мы несколько не преуспевали, проходя в течение многих лет школу Христову. Наш успех может быть очень медленен и незначителен, но он должен быть непременно. Иначе мы должны опасаться, что вся наша внутренняя жизнь или остановится, или придет в крайне нездоровое состояние. Да будете же все вы достойными провозвестниками Нового Завета. Пусть не останется не выраженной вами ни одна иота этого величайшего

свидетеля истины. Да не пропадет она, прежде всего, в вас самих!

Слово „проповедь“ означает удар: наше стремление при этом делании должно быть направлено к тому, чтобы *разработать данный предмет веско и с силою*. Говорить простые нравоучительные проповеди все равно, что сражаться деревянным мечом; настоящее оружие наше – великие истины Откровения. Держитесь таких истин, которые сильно, непреодолимо действуют на сердце и на совесть слушателей. Стойте непоколебимо, как борцы за Евангелие, берущее приступом души человеческие. Божественные истины вполне согласуются с истинными потребностями людей; благодать Господня помогает человеку не только воспринять их, но и ввести их в каждый уголок своей души. Существует ключ, которым, с помощью Божией, можно завести механизм человеческой природы. Возьмите этот ключ в руки и употребляйте его постоянно. Еще раз убедительно советую вам держаться „старомодного“ Евангелия, потому что, по истине, оно обладает Божественной силой даровать нам блаженство, спасение здесь и там.

Итог всего, что хотелось мне сказать вам, в данном случае следующий: братья проповедуйте *Христа* непрестанно, во всякое время. В Нем заключается все наше Евангелие. Его Лицо, Его служение, Его дело должны быть нашею обширною, все заключающею в себе постоянно повторяющеюся темою. Что особенно требуется для современного мира, это – весть об его Спасителе и о том пути, каким можно обрести Его. Если бы мы могли проповедовать учение пуритан с горячим усердием методистов, нам предстояла бы великая будущность. Пламя *Уэсли* и горючий материал *Уайтфильда* произвели бы такой пожар, который спалил бы все леса заблуждений и прогрел бы нашу холодную землю до самого центра ее. Нам должно учить не философии и метафизике, а простому Евангелию. Грехопадение человека, необходимость его духовного возрождения, прощение грехов, как следствие искупления их Христом, и вечное блаженство, вот – наше оружие. У нас будет достаточно дела, если мы захотим изучить и проповедовать эти великие истины. Да будет проклята та ученость, которая направлена на то, чтобы отвлечь нас от нашей великой задачи, или то невежество, которое старается помешать нам постичь ее. Еще заботливее желал бы я, чтобы никакие суждения о встречающихся в Писании пророчествах, о правильном устройстве Церкви, о политике, ни даже о самых догматических вопросах не помешали бы кому бы то ни было из нас прославлять Крест

Христов. Спасение во Христе – вот тема, возвешение которой желал бы я слышать от всех вас. Я сгораю от нетерпения слышать истинных провозвестников дивного Евангелия Божественного Праведника. О, если бы распятый Христос стал предметом проповеди всех служителей Божиих на всем земном шаре!.. Простите меня; исследования того, какое место в Апокалипсисе относится к Наполеону, догадки о личности антихриста – все это не должно быть предметом проповеди в большинстве случаев. Мне кажется – пока еще существует смерть, наполняющая своими жертвами ад, – безумно рассуждают об Армагеддоне и Севастополе, о Садовой или Седане, и стараться вычитать между строк Священной Книги пророчества о судьбах Германии. Блаженны читающие и слушающие пророческие слова Откровения. Но, кажется, далеко не столь блажен удел тех, кто считает себя способным истолковывать их, потому что истекшее уже время доказало, как из поколения в поколение ошибались до сих пор все эти истолкователи и что, следовательно, и настоящее поколение этих пророков сойдет в ту же бесславную могилу. Я бы скорей согласился таскать *горящие головни* из огня, нежели думать об истолковании всех этих тайн. Спасти хотя одну душу от гибели есть лучшее благоприобретение, нежели получить титул доктора совершенства на поприще богословских прений. Кто верно и добросовестно раскроет величие и славу Божию в лице Иисуса Христа, тому это зачтется за большую заслугу в день судный, нежели если кто разгадает загадку сфинкса и разрежет гордиев узел тайн Апокалипсиса. Блаженно служение такого проповедника, который *весь преисполнен Христом*.

О выборе текста

Братья мои, все глубоко убеждены в том, что нам необходимо сделать возможно действеннее каждую часть нашего богослужения. Мы хорошо знаем, что часто спасение души человеческой зависит от какой-либо одной пропетой свящ. песни. Если это так, то конечно, мы не отнесемся легко и к такому далеко немаловажному делу, как выбор псалмов и песнопений для наших проповедей. Один иностранец, совсем не отличавшийся высотой духовной жизни, посетив однажды наше богослужение в Экстер Холле, обратился ко Христу, после того как только прослушал гимн Уэсли: „О Иисусе, Ты, Который столь любишь мою душу“ и т. д. Прослушав этот гимн, он сказал себе: „Неужели же Иисус любит меня? если же это так, разве могу я жить во вражде с Ним?“ – Если представим мы далее, что Господь может благословить особым успехом какое-нибудь слово нашей молитвы для обращения заблудшей души христианской, что одна молитва наша может послужить не только к назиданию народа Божия, но и низвести на него неисчислимыя благословения Божии, то, конечно, мы постараемся отнестись к нашей молитве наивозможно усерднее и употребить на нее все наши лучшие силы и дарования. Но так как лучшим утешением и назиданием может служить чтение Священного Писания, то мы, без сомнения, будем всегда серьезно обдумывать то, как лучше воспользоваться им, будем усердно молить Господа, чтобы Он Сам руководил нами в выборе именно того места Его Святого Слова, которое должно принести наибольшую пользу нашим слушателям в данном случае.

Что же касается самой проповеди, то здесь следует нам особенно заботиться о выборе подходящего для данной минуты текста. Надеюсь, никто из нас не смотрит на это дело так легкомысленно, чтобы сказать, что для проповеди хорош всякий повод в каждом отдельном случае. Мы не можем согласиться с Сиднеем Смитом, давшим одному проповеднику следующий совет: „Если не можешь найти подходящего текста, то говори на слова: „Парфяне и Мидяне и Еламиты, и жители Месопотамии“. Как будто бы, действительно, можно проповедовать на всякий текст. Я надеюсь, что все мы очень серьезно обдумываем в течение недели то, о чем должны мы говорить нашим прихожанам во время утренних и вечерних богослужений. И понятно – почему: хотя полезно и превосходно все

Священное Писание, но не все места его одинаково подходят для освещения известных событий нашей жизни.

Все хорошо в свое время, и чем текст своевременнее, тем лучше. Разумный домохозяин заботится своевременно предлагать пищу своим домочадцам. Он не безразлично делит порции, но приспособляется к потребностям своих гостей. Только человек, совершенно механически относящийся к своему делу, раб рутины, безжизненный автомат формализма, будет довольствоваться первым, появившимся ему в руки предметом. Кто выбирает свои тексты, как дети, рвущие на лугу маргаритки и одуванчики, как ни попало, всюду, где только растут они, тот – не истинный пастырь своих прихожан, но наемник. Кто призван к этому великому и святому служению Самим Богом, должен показать себя достойным его. Среди драгоценных камней, лежащих пред нами, мы обязаны выбрать именно тот, который наиболее дает блеска в данную минуту. Мы не смеем обременять праздничную царскую трапезу массой всевозможных блюд, на которые каждый может наброситься по своему усмотрению. Подобно опытным прислужникам, мы должны приостановиться и спросить Высокого Хозяина нашего духовного торжества: „Господи, что повелишь Ты подать сегодня на Твоей трапезе?“

Некоторые тексты кажутся нам в высшей степени неприличными. Мы хотели бы знать, что хотел сказать ректор г-н Дизраели, начав недавно свою проповедь в одной деревушке словами: „Я увижу Господа в моей плоти?“ В высшей степени неприличен также следующий текст, выбранный для надгробной проповеди по одному убитом духовном лице: „Так упокоевает Господь возлюбленных своих“. И не безрассуден ли был тот, кто выбрал текст для проповеди, сказанной судьям, при открытии заседании суда: „Не судите, да не судимы будете“.

„Не увлекайтесь звучностью и внешним соответствием библейских изречений различным обстоятельствам жизни. Афанасий Клокерель признается, что в третье посещение свое Амстердама сказал там проповедь на слова: „В третий уже раз иду к вам“ (2 Кор. 13, 1). Без всякого сомнения, он мог бы присовокупить к этому, что „ему было очень трудно развить в своей проповеди мысли, приличествовавшие данному случаю“. Нечто подобное было также с проповедью, сказанною над гробом принцессы Шарлотты. Проповедник говорил ее на текст: „Она была больна и скончалась“. Но еще хуже – позволять себе глупо шутить над текстом, как то случилось с проповедником, выбравшим следующий текст на смерть Абрагама Линкольна: „И скончался Авраам“.

Сколь основательно должны мы выбирать тексты для проповеди, столь же старательно должны избегать *однообразия*. Я слышал об одном богослове, который держал наготове 52 воскресных и несколько праздничных проповедей и произносил их по порядку из года в год. В подобном случае прихожанам не приходится уже просить своего пастыря о повторении в следующий праздник пришедшейся им по сердцу проповеди. Конечно, в этом случае несколько нельзя удивляться тому, если бы среди слушателей такого оратора появились подражатели юноши Евтиха и в разных других местах, кроме „верхнего этажа“... Еще не очень давно духовное лицо говорило моему другу, сельскому обывателю: „Знаете ли, любезный г. Д., недавно пересматривал я свои проповеди; пастырский дом наш так сыр, особенно же мой рабочий кабинет, что мои проповеди совсем заплесневели“. Мой друг, который хотя и был церковным старшиной, но посещал тем не менее диссидентские богослужения, не был столь невежлив, чтобы ответить ему на это следующее: *конечно, это вам лишь только так кажется*; в действительности же все обстояло иначе. Вероятно, прихожане ваши так часто слышали эти проповеди, что они, действительно, в некотором роде проплесневели... Есть и такие проповедники, которые, собрав небольшое количество проповедей, с поражающей всех точностью повторяют их постоянно. Странствующие проповедники подвергаются этому искушению еще более, нежели проповедники, годами живущие оседло на одном и том же месте. Но когда овладевает ими привычка отделяться лишь „старьем“, то разумеется, наступает вместе с этим и конец их плодотворной деятельности. Смертельный холод, наполняющий их сердца, скоро замечается уже и самими прихожанами, а они, словно попугаи, все бренчат свои изношенные „обработки“... Лучшее средство для развития в себе лени и нерадивости есть, разумеется, метода подобного заготовления на целые годы проповедей. Но так как мы, дорогие братья, надеемся долго, если не всю нашу жизнь, пробить на одном месте, то и требуется нам совсем иная метода, чем употребляемая лентяями или странствующими проповедниками.

Я думаю, некоторым должно быть тяжело, другим же, наоборот, очень легко так обрабатывать свои проповеди, как это делают те, которых забросила судьба в англиканскую церковь, где проповедник берет обычно тему для своей проповеди из дневного Евангелия или послания апостолов и считает себя обязанным, – не законом, но так сказать, старым обычаем, преданием в широком смысле этого слова, – разработать в пропо-

веди тот или другой стих. Там, когда наступает пост или праздники Рождества, Богоявления, Троицы, проповеднику уже не нужно мучить себя мыслию: „Что буду я говорить народу?“ Это, конечно, имеет свои хорошие стороны. Но мне точно известно, что посетители не очень сочувствуют подобным проповедникам. По крайней мере, многие писатели этой церкви жалуются на скучность проповедей своих пастырей и сожалеют о грустном положении светских „мучеников“, обязанных слушать их. Рабская привычка соображаться во всем с течением солнца и с фазами луны, вместо того чтобы ожидать вдохновения от Духа Святого – вот, по моему мнению, достаточная основная причина того, что во многих церквях – как признают это и их собственные писатели – проповеди часто представляют собою не что иное, как только образцы „того внешне-приличного духовного убожества“, которое лишь предохраняет их от смешных, грубых заблуждений, но в то же время и лишает дивных по красоте проявлений живой мысли, живого религиозного чувства.

Итак, мы все должны считать очень важным делом не только проповедовать истину, но и соображаться во всяком случае с обстоятельствами известного времени. Мы обязываемся говорить о таких предметах, которые соответствуют действительным нуждам наших слушателей и лучше всего способствуют усвоению ими жизни во Христе.

Трудно ли подыскивать подходящие тексты? Я вспоминаю, как я, еще в мои молодые годы, однажды нашел маленькое замечание в каком-то томе лекций по гомилетике – замечание, сильно встревожившее меня тогда. Вот оно: „Если кто затрудняется в выборе текста, тот лучше сделает, если вернется к своему прилавку, или к своей сохе, потому что, очевидно, он не имеет требующихся для проповеднического служения способностей“. А так как именно это и было моим „крестом“, именно это и тяготило меня, то сам собою возник предо мною вопрос: не должен ли я лучше заняться каким-нибудь светским делом и отказаться от проповедничества? Упомянутое резкое замечание очень тревожило мою совесть, так что я даже стал допрашивать моего деда, 50 лет бывшего проповедником, испытывал ли он когда-либо затруднения при выборе текста? Он откровенно признался мне, что это всегда особенно затрудняло его и что в сравнении с этим самая проповедь уже не казалась ему трудною. Я помню еще следующие слова почтенного старца: „Затруднения в данном случае происходят не оттого, что мало подходящих текстов, но оттого, что их слишком много, и потому я всегда колебался в выборе между ними“. Братья, мы можем сравнить се-

бя с любителем редких растений, который видит себя окруженным дивными красотами сада, а имеет право сорвать лишь только всего *один* цветок... Представьте себе, как долго будет думать он, что выбрать ему, розу или лилию и как велико будет его затруднение избрать одну из тысяч цветущих красавиц! Меня лично, должен признаться я, выбор текста всегда приводит в смущение. *Embarras de richesse*, как говорят французы, – затруднение от изобилия богатства, весьма отличающееся от затруднения бедности, это – именно забота, как найти наиважнейшую из стольких истин, которые все требуют нашего особого внимания, выбрать наиглавнейшую из стольких обязанностей, которые все должны быть осуществлены нами, как разобраться во всех духовных нуждах прихожан, которые все требуют одинакового удовлетворения. Я сознаюсь, что сижу часто целыми часами, молясь и обдумывая лирику темы, обдумываю главные пункты, составляю план проповеди и затем погружаю все в забвение, снова плыву по обширному морю, все дальше и дальше, пока не покажутся, наконец, предо мною красные огоньки желанной гавани. Мне кажется, что я составляю столько проектов проповедей каждый воскресный вечер, что если бы я осмелился использовать их, то их хватило бы на целый месяц. Но я никак не решаюсь на это, как не решается честный моряк сложить на берегу тяжелый груз запрещенных товаров. Одна тема за другую пролетает предо мною, подобно картинам пред чечевицеобразным стеклом фотографа. Но если недостаточно восприимчиво наше душевное настроение, то все эти картины вполне бесполезны для нас.

Но что же такое настоящий текст? Как узнать его? Его легко узнать. Если ляжет какой стих нам на душу так, что не можем мы отделаться от него, то и нужно нам решительно остановиться на нем. Мы гоняемся, так сказать, как рыба, за многими приманками, но когда действительно зацепимся, то вся погоня наша должна оканчиваться. Когда текст овладеет нами всецело, мы можем быть уверены, что и мы владеем им и можем вполне спокойно предаться ему. Можно привести еще другой пример. Мы берем в руки множество текстов и пробуем разбить их; изо всей силы ударяем мы по ним молотом, но все наши старания напрасны. Наконец, находим мы такой, который разбивается при первом же ударе: он ярко блестит, разлетаясь на мелкие кусочки, и внутри его мы видим драгоценный камень, сверкающий дивными огнями. Он возрастает пред нашими глазами, как в басне, семя, выраставшее в дерево на глазах зрителей. Он очаровывает, он восхищает нас,

он заставляет пасть пред ним на колена, он налагает на нас бремя Господне. Отсюда вы легко и можете понять, что это именно и есть те слова, возвестить которые повелевает вам в данную минуту Господь. И будьте уверены, вы будете так поражены этим местом Писания, что не успокоетесь до тех пор, пока не разработаете его так, как вдохновит вас Господь. Ждите этого свыше избранного слова, хотя бы пришлось его вам ждать до последнего часа богослужения. Холодные расчетливые умы, не испытавшие подобного мощного, все захватывающего, душевного движения, поймут его, но для некоторых из нас это – сердечный закон, преступить который мы не сможем. Мы останемся в Иерусалиме, пока не сойдет на нас сила свыше.

Верую „и в Духа Святого“. Это один из членов нашего Символа Веры, но в действительности он редко выполняется на деле теми, кто исповедует его. Многие проповедники убеждены, что они сами только избирают текст, что они сами разбирают его значение, что они сами составляют свою проповедь. Но мы этого не думаем. Конечно, наш разум, наша воля, наше сердечное желание должны участвовать в составлении проповеди. Мы не говорим ведь, что Святой Дух будет заставлять нас проповедовать против нашего желания. Он не станет обращаться с нами, как с заведенным часовым механизмом. Нет, Он смотрит на нас, как на разумных существ, управляемых духовными, соответствующими нашей природе законами. Но благочестивые сердца, тем не менее, постоянно стремятся к тому, чтобы при выборе текста руководил ими не их только собственный, способный заблуждаться разум, а и благодать Духа Божия. Они смиренно предают себя Его воле всецело и молят Его озарить их сердце небесным светом. Журналл говорит: „Проповедник ничего не может сделать доброго одними только своими собственными силами. О, как долго приходится ему иногда сидеть, перелистывать книги и „ломать свои мозги“, пока не придет к нему на помощь Господь. И тогда только как бы само собою все дается ему в руки. Если Бог не вдохновит нас свыше, то это будет все равно, как если бы мы писали пером без чернил. Проповедник, более чем кто-либо, должен жить в полной зависимости от Господа“.

Таким образом, если бы кто спросил меня: „Как узнать мне лучший текст?“ – я ответил бы ему: „*Громче зывай о том ко Господу!*“ Гаррингтон Эванс в своем „Руководстве для составления проповедей“ ставит первым правилом: „Умоляй Бога при выборе текста. Исследуй хорошенько, почему выбрал ты именно это место. Реши этот вопрос беспристрастно. И может

при этом случиться, что твое сердце окажется *против* избранного текста“. Если же и не откроет молитва путь к желанному духовному сокровищу, все же она принесет вам пользу, хотя бы уже тем, что вы помолились. Молитва есть лучшее наше наставление и лучшее наше руководство. Молись в духе Писания. Таковую молитву можно уподобить выжиманию виноградного сока из винограда, молотье зерна на гумне, выплавке золота из руды. Молитва выплавит из твоей груди дивную проповедь. Молитва принесет двоякое благословение: проповеднику, который возносит ее, и приходу, которому он служит. Если ты обрешь свой текст по твоей молитве, он должен быть поэтому вдвое дороже для тебя. Он будет тогда обладать особою силой Божественной благодати, вполне неизвестной такому проповеднику, для которого все темы безразличны.

После молитвы мы *обязаны приложить всевозможные старания к тому, чтобы сосредоточить наши мысли и дать им должное направление.* Обратите надлежащее внимание на положение ваших слушателей. Представьте себе душевное состояние всех их вообще и каждого в отдельности, пропишите подобающее лекарство господствующей болезни или приготовьте соответствующее духовное прочтение наиболее нуждающимся в нем. Но только позвольте мне предостеречь вас: не заботьтесь о капризах ваших слушателей или о каких-либо особых желаниях богатых и знатных классов. Не обращайтесь особого внимания на джентльмена или даму, сидящих на мягких креслах в вашем храме, – если только вы столь несчастливы, что имеете подобные отличные места там, где все посетители должны быть равны между собою. На богатого прихожанина следует обратить одинаково серьезное внимание, как и на всех остальных: вы не должны упускать из виду и его духовные слабости. Обращайте подобное же внимание и на бедноту, занимающую задние места в вашем храме, и говорите так, чтобы и эти бедняки могли понять вас и чтобы они были утешены вами в их великих скорбях. Не сходите с вашего прямого пути для удовлетворения таких членов прихода, которым нравится одна какая-нибудь истина и которые в то же время глухи ко всем остальным. Нам может быть приятно угодить подобным людям, особенно если они вообще отличаются благочестием. И можно, конечно, обратить некоторое внимание и на их желания, но верность обетам нашего служения требует от нас, чтобы мы не „плясали под дудочку“ наших слушателей, а были бы для них точными толкователями велений Божиих. Еще раз напоминаю вам: размыслите хорошенько, в чем действительно нуждаются

ваши прихожане, и выбирайте ваши темы сообразно с этими нуждами их. Знаменитый шотландский проповедник Макдональд приводит в своем „Рабочем дневнике прихода в Ст. Кильда“ следующий подходящий сюда случай. Он говорит там: „Пятница, 27-го мая. При сегодняшнем богослужении читал и изъяснял я из 12-й главы Послания к Римлянам, что доставило мне случай изложить мой взгляд на связь между верою и жизнью. Я нашел нужным говорить об этом потому, что за несколько дней перед тем поставил им такие требования; что боялся, как бы многие не обратились к антиномизму, — крайность, не менее опасная, нежели и арминианизм“.

Рассмотрите, какие пороки более господствуют между вашими прихожанами: суетность, скупость, малое усердие к молитве, гнев, гордость, недостаток любви друг к другу, злословие и тому подобные недостатки. С сердечной любовью относитесь к внутренней борьбе ваших прихожан с грехами и постарайтесь залечить их душевные раны. Нет никакой надобности входить в мелкие подробности этих скорбей ваших слушателей, как это делал один почтенный проповедник, бывший некогда славным епископом в здешнем округе, а теперь уже почивший. Он постоянно давал своей пастве такие советы относительно рождений, кончин и браков среди нее, что для большей части его постоянных слушателей сделалось одним из послеобеденных воскресных развлечений — делиться между собою догадками, о ком из прихожан говорил он сегодня в своей проповеди. Все терпели эти странности почтенного пастыря, многие даже восторгались ими, но если будем поступать так же и мы, над нами будут лишь только смеяться. Что может с достоинством позволить себе почтенный старец, того молодому человеку должно старательно избегать. Уважаемый служитель Божий, о котором упомянул я, унаследовал свою привычку еще от своего отца. Он принадлежал к такому семейству, в котором дети, если случалось что-нибудь особенное в течение дня, говорили друг другу: „Подождем вечерней молитвы, тогда мы все узнаем“. Но я отвлекаюсь. Этот случай показывает нам, как самая хорошая привычка может выродиться в недостаток, но правило, о котором говорил я, вследствие этого не теряет своей силы. Ведь бывает иногда, что какие-либо особые страдания и скорби посещают многих членов вашего прихода, и вы поступите несправедливо, если не обратите на них вашего внимания. Потом, должны мы вообще наблюдать за духовным состоянием наших прихожан; если заметим, что они начинают впадать в равнодушие, если явится у нас опасение, что они могут поддаться какому-нибудь лжеучению, вообще если случится что-либо особое в

настроении нашего прихода, — мы тотчас же должны поспешить с своею проповедью, чтобы научить их, как выйти из беды или как предотвратить ее. В этом отчасти и заключаются те видимые осязаемые плоды дара Духа Святого, которые получает свыше усердный, внимательный к своему делу пастырь.

Заботливый пастырь часто оглядывает свое стадо и часто действует не без успеха, соображаясь с состоянием, в котором находит его. Конечно, он сумеет распределить в должной мере и пищу, и лекарства, предназначенные для прихода, смотря по своей опытности. И во всем этом мы можем тогда лишь только поступать вполне правильно, если будем стараться возможно приблизиться к Самому „Великому Пастыреначальнику“.

Но наше откровенное прямодушие в проповеди не должно, однако, обращаться в брань. Кто-то назвал проповедническую кафедру „дворцом малодушных“. И действительно, это — довольно подходящее название кафедры, особенно когда на нее всходят лица, не обладающие умом и вследствие этого жестоко оскорбляющие своих слушателей. Да и как иначе охарактеризовать того пастыря, который предаёт всеобщему посмеянию слабости и недостатки своих прихожан? Есть особый род умышленного, ненавистливого, ничем не оправдываемого выделения своего „я“. Вот чего проповеднику следует тщательно избегать. Оно — земного происхождения, и его нельзя достаточно осудить. Но есть также и другое, разумное, духовное, небесного происхождения, выделение себя из массы других, к которому следует стремиться всем нам неотступно. Слово Божие острее „обоюдоострого“ меча. Можно поэтому ему предоставить ранить и умерщвлять грешников, наши же собственные слова не должны этого делать. Истина Божия поражает в самое сердце; предоставьте же ей исследовать человеческие сердца. Не воображайте, что вы можете помочь ей вашими оскорбительными словами, какие будете расточать с церковной кафедры. Плохой живописец — тот, кто должен подписывать под нарисованным им портретом имя того, кого он изображает, в то время как сам оригинал находится тут же. Заставьте ваших слушателей понять, что вы говорите об них, не называя их по именам или не указывая на них прямо. Могут случиться и такие обстоятельства, в которых вы можете отчасти последовать примеру N. N., который говорил: „Тот, кто взял взятку, может быть думает, что никто никогда этого не узнает. Но он не знает того, что и я знаю, и не один я; может быть, многие, кроме меня, знают это. О вы, подкупающие и подкупаемые! Ни один благочестивый

человек не станет брать подобных взяток; и я не думаю также, что тот, кто берет их, может быть хорошим судьей!" Здесь есть и разумная осторожность, и смелое обличение; и если вы не пойдете далее в подобном же случае, то никто не в состоянии будет осудить вас в личном оскорблении кого-либо.

Далее, когда проповедник приискивает себе текст, он должен *припомнить, о чем он уже говорил прежде*. Было бы весьма неразумно говорить все об одном и том же предмете и пренебрегать остальными. Лишь глубокие мыслители в состоянии говорить об одном и том же предмете в целом ряде проповедей и, подобно картинам в калейдоскопе, извлекать из своей золотой души все новые, полные художественной красоты мысли. В большинстве же случаев мы, не обладающие такими выдающимися способностями, поступим лучше всего, если будем стараться разнообразить наши проповеди. Я считаю полезным часто просматривать список моих проповедей и припоминаю при этом, не ускользнуло ли от моего внимания что-нибудь важное, не оставлена ли мною без рассмотрения какая-нибудь из христианских добродетелей. Очень хорошо также будет, если мы будем соображать, на что особенно обращали мы внимание в последнее время — на поучения ли, на самую ли жизнь или же на наши опыты. Мы не желаем ни сделаться антиномистами, ни унизиться, с другой стороны, до звания учителей холодной морали. Все наше желание должно заключаться в стремлении честно, т. е. в полном совершенстве, исполнить свои обязанности. Нам хотелось бы, чтобы каждая часть Св. Писания нашла полный отклик в нашем сердце и нашем разуме. Нам хотелось бы включить в круг нашей деятельности все, всю Богодуховно-венную истину: историю, символы, псалмы, притчи, опыт, пророчества, угрозы или наказания и т. д. Бегите всякой одно-сторонности, всякого преувеличения или умаления провозвещаемых вами истин. Старайтесь нарисовать также верное, соразмерное относительно линии и красок изображение истины, которое не унизило бы ее. Не делайте неправильных, кривых линий вместо симметрии, карикатуру вместо верного портрета.

Но представим себе теперь, вот вы помолились в глубине вашей сердечной клетки, долго боролись и умоляли о помощи свыше, вы обдумали все о вашем приходе и его нуждах, но, тем не менее, вы все еще не можете найти подходящего текста. Не печальтесь об этом и не отчаивайтесь. Если бы вы выступали на поле брани лишь с собственными силами, конечно, было бы вам плохо идти в сражение без горсти пороха. Но так как ваш верховный Вождь Сам заботится о вас, то

нет сомнения, что Он пошлет вам и все нужное своевременно. Если вы *упоаете на Бога, Он не допустит вас до поражения*. Продолжайте бороться и бодрствовать, потому что усердному работнику будет послана помощь свыше несомненно. Если вы были нерадивы всю неделю и не подготавливались с должным усердием, то не можете вы ждать помощи и свыше; но если были прилежны и только ожидаете теперь узнать волю вашего Господа, ваше ожидание не будет напрасно. Случайные и даже мелкие события наведут вас на глубокие мысли.

Я несколько раз испытывал в этом отношении нечто, что покажется вам очень странным, но ведь я такой уж странный человек. Когда я был еще в Кэмбридже, я ходил каждый вечер в одну соседнюю деревню для проповеди. Однажды весь день я читал и обдумывал свою проповедь, но никак не мог найти подходящего текста. Что ни делал я, я не получал ответа из своего внутреннего светильника и ни малейший луч света не блистал для меня сквозь „урим и туммим“. Я молился, я размышлял, я перебирал один стих за другим, но ничего не появлялось в моем уме, и я, как сказал бы Н. Н., „то взлетал, то низвергался в своих мыслях“. В таком душевном состоянии я подошел к окну и выглянул из него. И вот вижу я на другой стороне узенького переулка, где я жил, на крыше противоположного дома, бедную маленькую канарейку, окруженную немилосердно клевавшими ее воробьями. Мгновенно появился в моих мыслях стих: „Удел Мой стал у Меня, как разноцветная птица, на которую со всех сторон напали другие хищные птицы“ (Иерем. 12, 9). Теперь отправился я спокойно в свой дальний и одинокий путь, во время которого тщательно обдумал найденный стих, и проповедовал затем так свободно, с таким внутренним наслаждением об избранном народе Божиим и его врагах. Я верю, что этот текст был мне послан свыше, хотя не ворон принес мне его, а простые воробьи.

В другое время, когда работал я в Уатербиче, случалось мне проповедовать в воскресенье утром. После этого я всегда отправлялся обедать к одному из прихожан. К несчастью, там было в обычае проповедовать в воскресенье три раза, и послеобеденная проповедь приходилась так скоро после трапезы, что было очень трудно подготовиться к ней. О, эти злополучные послеобеденные богослужения в наших английских деревнях! Большею частью это лишь жалкая трата сил. Ростбиф и пуддинг тяжело ложатся на души слушателей, и мысль проповедника в это время также тяжело работает. У всех в этот час внимание обращено больше на желудок. Но я старался так ограничить свое питание, что вполне мог сохранить свое настроение, но, тем не менее, к своему ужасу я чувство-

вал, что совершенно забыл, что хотел говорить. Как ни старался я припомнить, все было тщетно. Времени было мало, часы уже пробили, и я признался моему хозяину, что совершенно не могу сообразить, о чем собирался проповедовать. „Пусть так, – ответил он, – всё-таки вы скажете нам что-нибудь назидательное“.

В эту самую минуту вылетела из камина горящая головня и упала у моих ног, обдав меня целым облаком дыма. „Вот, – сказал мой хозяин, – и текст для вас, дорогой брат. Разве это не „головня, извлеченная из огня?“ Не извлеченная, подумал я, но сама вылетевшая из него. И вот у меня был текст, оставалось только разработать его. И думается, моя проповедь на него была не хуже других проповедей моих, к которым я долго подготавливался. Она была даже лучше их, потому что после нее явились ко мне два лица и объявили, что сегодняшняя послеобеденная проповедь пробудила их чувство и обратила их ко Христу. Но во всяком случае я считаю неудобным, что я забыл текст, на который хотел проповедовать.

В Нью-Парк-Стрите случалось со мною нечто еще более странное. Некоторые свидетели этого случая даже присутствуют в настоящее время здесь. Я счастливо провел всю первую часть вечернего воскресного богослужения и указал народу песнопение перед проповедью. Я открыл Библию, чтобы найти текст, к которому усердно подготавливался, и вдруг бросается мне в глаза – словно лев из чащи кустарника – другой стих на другой странице Библии и вполне овладевает мною. Прихожане мои поют, а я вздыхаю. Страшно колеблюсь между двумя текстами. Все мое настроение колеблется словно на весах. Конечно, мне хотелось говорить на прежний, уже подготовленный мною текст, но второй стих не давал мне покоя. Словно за платье теребил он меня и кричал мне в уши: „Нет, нет, ты должен говорить обо мне. Бог хочет, чтобы ты следовал за мною“. Я стал раздумывать, что мне следовало делать в данном случае. Я не хотел ни быть фанатиком, ни неверным. Наконец, решил я: лучше всего хотел бы я произнести уже приготовленную мною проповедь, потому что очень рискованно для меня пускаться в новый путь. Но так как этот новый текст не отстает от меня и, может быть, послан мне Богом, то я попробую взять его – пусть будет, что будет“. Обычно я скоро называю свои темы после вступления, но тут я не сделал этого по причине, которую вы, конечно, понимаете. Я довольно быстро окончил первую часть, причем говорил все прямо экспромтом. Во время второй части я почувствовал в себе какую-то необычайно мощную силу, но

что будет с третьею частью, об этом я еще не имел ни малейшего понятия, потому что текст был уже весь исчерпан. Я и по сие время не могу сказать, что стал бы я говорить, если бы пришлось мне продолжать мою проповедь. Но совершенно неожиданное обстоятельство помогло мне. Внезапно мы очутились в полнейшей темноте: газ потух, а весь храм был наполнен сверху донизу народом. Что же было мне делать? Люди были немного испуганы, но я тотчас же успокоил их, сказав, что если газ и потух, то его скоро опять зажгут. Что же касается меня, то я могу так же хорошо проповедовать в темноте, как и при свете, если только они будут сидеть спокойно и слушать меня. Если бы моя дальнейшая проповедь была подготовлена заранее, мне почти невозможно было бы продолжать ее. Но в том положении, в котором находился я теперь, я нисколько не затруднялся. Мое душевное настроение сейчас же привело мне на память известное место Св. Писания, где говорится о хождении человека во свете и во тьме. Подходящие сравнения в изобилии появились у меня, я стал говорить, и, когда вновь зажжены были лампы, я увидел перед собою столь молчаливо и напряженно слушавшее меня собрание, какого не видал еще ни один человек в жизни своей. И что замечательнее всего, в одно из последующих собраний два лица сообщили мне, что они обратились в тот вечер ко Христу. И каждый чуткий проповедник, зорко следящий за своим духовным миром, может – я вполне уверен в том – привести много подобных примеров из своей собственной жизни и деятельности. Потому и говорю я вам: следите за признаками божественного вдохновения; поручите себя вполне водительству и помощи Господа. Чудеса творит живая горячая вера. Если вы с полным благословением старались найти должный текст для своей проповеди и если вы не в силах вполне овладеть им, всходите на кафедру в твердой уверенности, что вы непременно найдете слова для выражения ваших мыслей. Своевременно они явятся перед вами для выполнения вашего святого долга.

В жизнеописании знаменитого проповедника методистов мы читаем следующее. Когда мистер N. N., произнесши какую-то проповедь в Корнуэлльсе, зашел в дом своего друга, кто-то из бывших там и слышавших его проповедь сказал ему, что он особенно хорошо говорил на этот раз. N. N. ответил ему: „Если это правда, то это очень удивительно, потому что я совсем не подготовился к этой проповеди. Я взошел на кафедру, намереваясь говорить совсем на другой текст, но когда взглянул я на лежавшую предо мною Библию, текст, который вы слышали, так сильно привлек мое внимание, что оттеснил

все мои прежние мысли. И хотя я совсем не обдумывал его, но тотчас же решился говорить об этом предмете в моей проповеди". N. N., конечно, хорошо сделал, оказав послушание внутреннему голосу.

Случается иногда и совершенно оставить заранее приготовленную проповедь и говорить без приготовления, полагаясь лишь на помощь Божию. Можете ведь и вы очутиться в положении N. N., когда пришлось ему однажды выступить с проповедью в зале Нью-Йоркского Национального собрания. Об этом он рассказывает в письме своем так: „Зал был переполнен, частью молодежью и мальчиками вполне одичалого вида. Я вышел с приготовленною уже проповедью; но едва взошел на сцену, как был встречен громким хохотом и, видя перед собою такую дикую, разгоряченную толпу, должен был оставить всякую мысль о своей заранее приготовленной проповеди. В эту минуту я воспользовался сравнением с притчею о блудном сыне и постарался ею заинтересовать оригинальное собрание, что мне и удалось. Большинство бывших здесь остались в зале и слушали меня довольно внимательно“. Но не умен оказался бы тот человек, который, несмотря ни на что, вздумал бы все-таки выступить с приготовленною уже, но вполне неподходящею в данном случае проповедью! Прошу вас, братья, веруйте в помощь свыше и докажите на деле веру вашу в эту помощь. Есть еще другое средство, которое может оказать большую помощь бедному проповеднику, выброшенному на мель за отсутствием требуемых в данную минуту мыслей, — это *опять обращение к Слову Божию*. Прочтите какую-нибудь главу из Св. Писания и разберите ее по стихам; или же выберите один какой-либо стих и хорошенько углубитесь в него. Может случиться, что вы не найдете себе текста в этом стихе или в этой главе, но он сам придет вам на ум во время серьезного, строгого изъяснения священных истин. По закону ассоциации одна мысль повлечет за собою другую, пока не явится, наконец, перед вами та, которая и наведет вас на желаемый текст.

Читайте также хорошие, сильно действующие на настроение книги. Дайте им пробудить себя. Когда хотят достать воды из давно неупотреблявшегося колодца, то льют сначала в него воду и затем уже начинают качать. Возьмите какого-нибудь старого писателя, основательно изучите его сочинения или даже хотя только почитайте их и вы почувствуете, что у вас словно выросли крылья. Так возрастет и оживится ваша духовная работоспособность.

Позвольте мне еще посоветовать вам постоянно занимать свою мысль подбором текстов и проектами проповедей. Наше

душевное настроение должно быть направлено на это непрестанно. Горе проповеднику, теряющему в данном случае хотя один час! Прочтите Джона Фостера „Рассуждение об умении возможно лучше использовать время“ и поставьте себе за правило не терять никогда ни одной минуты. Кто привык с утра понедельника до вечера субботы лишь только мечтать и ожидать, не принесет ли ему какой-нибудь посланник с неба требующийся текст для следующей воскресной проповеди, тот искушает Бога и недостоин открывать свои уста для проповеди. У проповедника не должно быть праздного времени. Он никогда не свободен от своего дела, но постоянно должен стоять настороже. Серьезно уверяю вас, ничто не в состоянии будет оправдать вас, если вы не будете беречь ваше время. Не теряйте его легкомысленно, или вы поплатитесь за это. Скоро поблекнет цвет вашего проповедничества, если не будете вы, как тот блаженный муж первого Давидова псалма, день и ночь размышлять о законе Господнем. Очень важным кажется, чтобы вы теряли времени в рассеянии духа или в клевете и суетных разговорах. Остерегайтесь бегать из одного собрания в другое, где можно услышать пустую болтовню и где вы лишь приложите и свою долю всеобщего вздувания и мыльных пузырей. Кто старается отличиться на чайных и вечерних собраниях, на воскресных школьных празднествах, тот не отличится ни в чем другом. Приготовление к проповеди есть ваше главное дело, и если вы будете пренебрегать им, это не сделает чести ни вам лично, ни вашему званию. Пчелы с утра до ночи собирают мед, и мы должны непрестанно собирать материал для пропитания наших прихожан. Я не высокого мнения о служении того проповедника, которому чуждо старательное приготовление к проповеди. Когда путешествовал я по северной Италии, случилось однажды, что заснул наш извозчик внутри кареты. Когда я разбудил его утром, он вскочил, как ни в чем не бывало, щелкнул три раза своим бичем и объявил, что он совершенно готов. Таков скорый „туалет“. Кто из вас может говорить проповеди без всякого приготовления, не сердитесь на меня, если я не явлюсь слушать вас. Духовная деятельность, соответствующая вашему служению, должна быть непрестанна. Проповедник должен беспрерывно косить свое сено, особенно, когда светит солнышко. Случается ли вам чувствовать себя иногда особенно расположенным к составлению наброска проповеди? N. N. говорит, что когда он замечает в себе подобное настроение, то он делает заметки в своей карманной книжке и собирает таким образом материал для проповедей, которым и пользуется тогда, когда настроение это покидает

его. Томас Спенсер, к сожалению столь рано умерший, писал: „Я держу при себе маленькую книжку, в которую вписываю все тексты Священного Писания, производящие на меня сильное и благодатное впечатление. Если бы я даже во сне увидел подобное изречение, я бы записал его. Таким образом, когда собираюсь я составить проповедь, я только открываю мою книжку и никогда не бываю в затруднении относительно текста“. Ищите ваши тексты даже во время ваших прогулок по городу и в деревне. Употребите в дело ваше зрение и ваш слух, и вы увидите и услышите многое, что раньше ускользало от вашего внимания. Весь мир полон тем для проповеди — старайтесь только уловить их. Скульптор во всяком куске мрамора видит кроющееся в нем дивное изваяние. Ему кажется, что стоит лишь удалить все лишнее, окружающее его, и оно предстанет пред ним во всей красоте своей. Так и вы верьте, что вселенная может предоставить вам обширный материал для ваших проповедей. Будьте лишь мудры и ищите небесного в земном его отображении. Прислушивайтесь на земле к голосу неба и переводите его на язык людей! Служитель Бога! всегда оставайся проповедником, собирающим материал для твоей кафедры во всех уголках природы и искусства, во всем видимом мире и во всякое время.

Меня спрашивают, хорошо ли объявлять заранее списки предполагающихся проповедей. Я отвечаю на это: каждому хорошо свое. Я не судья над другими; но собственно сам я не осмеливаюсь делать этого и, конечно, потерпел бы великое поражение, если бы решился на это. Многие проповедники прежнего времени против меня, — во главе их стоят такие, как Мэтью Генри, Джон Ньютон и множество еще других, но я выражаю здесь лишь мое собственное мнение и никого не стесняю следовать или не следовать своим собственным законам. Многие знаменитые богословы произносили целые ряды очень ценных проповедей на заранее определенные темы, но мы не знамениты и обязаны поэтому дать совет людям, подобным нам, быть в данном случае лишь только очень осторожными. Я не решаюсь объявить даже, о чем буду говорить завтра, тем более, о том, что буду проповедовать чрез шесть недель или шесть месяцев. Делаю я это отчасти и потому, что не считаю себя настолько одаренным, чтобы заинтересовать слушателей вперед и на столь продолжительное время. Это могут лишь люди громадного таланта и глубокой учености. Люди, не имеющие ничего этого, могут утверждать, что и они также в силах так проповедовать. Но я этого не могу; я приписываю большую часть моих успехов скорее разнообразию, нежели основательности моих проповедей. Очень

может быть, что гораздо лучше сделала бы большая часть проповедников, – если только они желают успеха себе, – если бы сожгли все свои *предварительные* списки своих проповедей. У меня еще до сих пор сохранилось очень живое воспоминание об ряде проповедей на Послание к Евреям, оставивших глубочайшее и неприятнейшее впечатление в моей душе. Как часто желал я, чтобы не дошло до нас это послание, доставившее столько мучений бедному мальчугану... После произнесения седьмой или восьмой проповеди на это послание лишь очень благочестивые люди оказались в состоянии слушать далее. Они, конечно, говорили, что никогда еще не слышали такого превосходного изложения; но что касается остальных, все находили, что с каждой проповедью их все более и более одолевала скука. Но все ли подобные проповеди таковы? Может быть и нет, только я опасаясь, что исключений в этом случае очень мало, и даже о знаменитом толкователе библейских чудес, N. N., рассказывают, что он начал свои знаменитые лекции о книге Иова при 800 слушателях, окончил же их лишь при 8-ми! Один толкователь пророческих книг так говорил о „небольшом роге“ видения Даниила, что остался однажды всего с 7-ю слушателями...

И для обыкновенных слушателей подобные проповеди всегда кажутся мне вполне бесполезною тратою времени. Пользу они приносят лишь кажущуюся, а большею частью даже она вредны. Рассмотреть целое длинное послание требует гениальных способностей проповедника и бесконечного терпения слушателей. Но я имею еще более глубокую причину утверждать то, о чем говорю. Я думаю, что проповедник, действительно серьезно обдумывающий свою проповедь и горячо относящийся к ней, должен чувствовать себя в данном случае связанным своею программой. Объявит, например, проповедник на воскресенье тему, полную радостного торжественного чувства, а очень возможно, что он сам окажется в этот день в исключительно грустном настроении. И несмотря на это, он должен налить молодого вина в старый мех, идти в рубище и с головой, посыпанной пеплом, на брачное торжество. А что хуже всего, подобное состояние может продолжаться долго, иногда целый месяц. Разве так должно быть? Крайне важно, чтобы оратор был гармонически настроен, сроднен с своей темой нераздельно. Но как же устроить это, если избранный предмет не соответствует окружающим условиям данного времени? Человек – не паровая машина, бегущая по стальным рельсам; неразумно всегда заставлять его идти только по установленному пути. Многое здесь зависит от того, насколько согласуется настроение про-

поведника с избранной им темой. Я лично, повторяю, побоялся бы назначить заранее свою тему, чтобы не оказаться в совершенно другом настроении в должное время. Вам же, моим младшим братьям, я говорю прямо и не стесняюсь: предоставьте честолюбивые опыты заранее приготовленных проповедей более пожилым и опытным людям! Мы обладаем лишь небольшим количеством духовных сокровищ; поместим же их возможно вернее. Мы не знаем, что может случиться даже сегодня еще. Поэтому будем внимательнее относиться к поучению каждого дня.

Может быть, вы спросите еще, должны ли вы проповедовать на тексты, на *избранные для вас другими, или на тексты, на которые вас просят говорить*. Мой ответ на это будет такой. Примите за правило никогда этого не делать; если же требуются исключения, пусть они будут очень редки и малочисленны. Подумайте о том, что вы ведь не лавочку держите, куда приходят покупатели и где вы исполняете их поручения. Если друг ваш рекомендует вам какой-либо текст, обдумайте его, рассудите, подходит ли он, рассмотрите, сильно ли действует он на ваше собственное настроение. Внимательно выслушайте предложение, как то требует ваш долг как образованных людей и христиан. Если Господь, Которому вы служите, не просветит Своим светом вашу душу в эту минуту, не проповедуйте на указанный текст, кто бы ни просил вас об этом.

Я вполне уверен, что если мы вознесем мысленно к Богу и будем горячо молить Его руководить нами в деле проповеднического служения, Он направит нас на истинный путь. Но если поддадимся мы гордой мысли устроить этот путь по собственному разумению, мы скоро увидим, что даже в таком простом деле, как выбор текста, мы ничего одни не можем сделать без Христа. Ожидайте призвания свыше, внимайте тому, что будет Господь вещать вам, принимайте Слово Божие как бы прямо из уст Божиих и тогда уже выступайте, как Его посланники, только что предстоявшие престолу Всевышнего. Ожидайте — это мой совет вам, — ожидайте призыва Господня.

О духовном толковании Св. Писания

Во многих учебниках гомилетики признается в высшей степени неуместным даже простое духовное изъяснение какого-либо текста Св. Писания, избранного проповедником для своей проповеди. („Аллегорическое истолкование Св. Писания унижает текст и затемняет разумение как самого проповедника, так и слушателей“ Адам Клэрк. Правило Чесли: „Берегись аллегорий и превратного духовного истолкования“.) „Следует, – говорится там, – выбирать тексты, имеющие лишь ясный, очевидный прямой смысл; не следует уклоняться от буквального смысла избранного места Св. Писания; не следует приспособлять или исправлять его для своих целей; подобные действия лишь фокусы превратно образованных людей или ухищрения духовных акробатов, представляющие жалкое доказательство их безвкусыя и наглости“. Воздадим честь тому, кому она подобает! Но я позволю себе почтительно уклониться от мнения этих господ ученых, потому что я не считаю его ни справедливым, ни верным. Великое и действительное назидание проповедник может извлечь и из необычных, на первый взгляд странно звучащих, но интересных текстов. И я уверен, если бы был назначен над нами суд из опытных, успешно работающих на своем поприще проповедников, – не теоретиков, но действительных борцов за свое дело, – то большинство их высказалось бы за нас. Очень возможно, что наши великие ученые наставники слишком высоки и божественны, чтобы снизойти до маловажных, незначительных произведений человеческого разума. Но мы, не предъявляющие притязаний на высшее образование и глубокую ученность или на высшее красноречие, мы придерживаемся именно этой, столь поносимой этими господами методы. Мы считаем ее за одно из наилучших средств избежать старых, изъезженных путей скучнейшего однообразия, мы считаем, что эта метода доставляет нам, так сказать, соль для приправы многих неприятных на вкус истин. Многие превосходные ловцы душ человеческих находили полезным возбуждать подобным образом внимание своих слушателей, избирая новые, неизвестные дотоле пути. Опыт показал нам, что они не ошиблись, а достигли, наоборот, успеха. Итак, не опасайтесь, братья мои, избирать необычные, даже странные на вид тексты. Продолжайте разыскивать их в Библии и истолковывайте не только их буквальное значение, как то обязаны вы исполнять по долгу вашему, но отыскивайте

также и их скрытый, внутренний, таинственный смысл. Следуйте моему совету, насколько вы согласны с ним... Покажите тем высокоумным критикам, что далеко не все люди считают то золотое изображение, которое воздвигли они. Но я советую вам прибегать к мистическому истолкованию Св. Писания лишь в известных размерах. Я прошу вас: не злоупотребляйте им, следуя моему совету, не погружайтесь постоянно и необдуманно в „фантазии“, как бы назвал это Георг Фокс. Не топите себя, если вам посоветовали выкупаться, не вешайтесь на дубе, потому что из него выделяется полезное в медицине вещество — *танин*. Все дозволенное, если злоупотреблять им, обращается в грех, точно так же, как огонь, полезный на очаге, обращается в опасного властелина, когда он свирепствует в горящем доме. Чрезмерное употребление сладкого вызывает тошноту и отвращение, и нигде это не выступает явственнее, как в рассматриваемом нами случае.

Первое правило, которому необходимо следовать в данном случае, следующее: *своим произвольным толкованием не нужно навязывать тексту желаемый для вас смысл*. Не нужно никогда идти против здравого смысла. Как ужасно избивается и искалчивается, словно орудиями пытки, Слово Божие некоторыми проповедниками, которые хотят насильственно заставить его выразить то, чего оно не выражает! Тот „вертопрах“, о котором повествует Роуланд Гилль в своих „Деревенских разговорах“, есть только один из представителей многочисленного поколения. Этот „почтенный“ господин произносит проповедь на текст из сна Фараонова хлебодара: „На голове у меня три корзины решетчатых“, и — говорит в этой проповеди своей о Пресвятой Троице! Один из почтеннейших и основательнейших проповедников, верный раб Божий, рассказывал мне, что он долгое время не видал в своей церкви одного прихожанина — рабочего и его жену. Проходило воскресенье за воскресеньем, а рабочий не явился. Наконец, как-то в понедельник, встречает он его на улице и говорит: „Любезный И., я давно уже не видал вас!“ — „Нет, г. Х., — был ответ, — ваши проповеди теперь не так нравятся нам, как прежде, они мало назидательны“. — „Мне очень жаль это слышать, дорогой И“. — „Да, моя жена и я, мы любим послушать хорошую, благодатную проповедь и потому ходили в последнее время слушать г-на Б“. — „Вот как! и вы считаете его за отличного проповедника? — „Конечно, и мы получаем от него столько утешения! Он дает нам обильную, здоровую пищу. От вашей же проповеди мы голодали, хотя как человека я вас всегда буду уважать, г. Х“. — „Спасибо, любезный друг; конечно, вы должны идти туда, где получаете больше питания. Но я на-

деюсь только, что оно вполне доброкачественно... О чем говорил он вам прошлое воскресенье?" – „О, мы пережили чудные часы! – я не знаю, собственно, сумею ли я передать вам это. Довольно сказать, что проповедь была дивно-хороша!“ – „Но об чем же говорилось в ней, И.? – „Г-н Б. толковал нам текст: „Если ты чувствуешь сильный голод в присутствии властелина твоего, то приставь нож к твоему горлу“. (Английский перевод притчей Соломоновых 23, 1-2: „Когда сядешь вкушать пищу с властелином, то тщательно наблюдай, что перед тобою; и поставь преграду в гортани твоей, если ты алчешь“.) – „Но что же такое мог он сказать на этот текст?“ – „Я могу рассказать вам это, г-н Х., но мне хотелось бы сначала слышать от вас, что сказали бы вы на него?“ – „Я этого не знаю, И.; не думаю даже, чтобы я выбрал подобный текст. Если же я *должен* был бы говорить на него, я, вероятно, сказал бы, что кто слишком предан излишнему употреблению пищи и питья, тот должен остерегаться этого в присутствии важной особы, иначе это не поведет к добру. Объядение приносит человеку вред в течение и здешней жизни еще“. – „Да, да! – возразил рабочий, – это ваша манера истолковывать мертвую букву. Это самое и говорил я жене моей; только с тех пор, как стали мы слушать г-на Б., и открылся нам истинный смысл библейских изречений“. – „Очень возможно; но что сказал г. Б. на этот текст?“ – „Он говорил: человек, имеющий сильный голод – это новообращенный, сильно алчущий проповеди и постоянно требующий пищи; но он не всегда заботится о том, чтобы получить доброкачественную пищу“. – „Ну, а что же далее, любезный И.?“ – „Он заметил, что если подобная, еще юная душа находится перед своим властелином, т. е. перед законным проповедником или человеком, поучающим вере по своему долгу лишь, то она находится в худом положении“ – „Но что он говорил о ноже, любезный И.?“ – „Г-н Б. объяснил это так: очень опасно слушать *законных* проповедников; человек может совсем погибнуть, слушая их, лучше было бы ему тотчас же разрезать себе горло ножом!“ – И так, – видимо, предметом проповеди служила опасность слушания новообращенными *других* проповедников, не искажающих своими измышлениями благодатного учения: и польза от нее была та, что слушателю рекомендовалось лучше разрезать себе горло, нежели слушать своего прежнего проповедника! Нечего сказать, хорошо сумел приноровиться к обстоятельствам проповедник!..

О другом, подобном же случае, относящемся к тексту *Притчей* 21, 17: „Кто любит веселье, обеднеет, а кто любит вино и тук, не разбогатеет“, слышали мы следующее. Вообще,

притчи – это излюбленный материал для подобных истолкователей. Почтенный проповедник, о котором говорим мы, изъяснил приведенный текст следующим образом. „Кто любит веселье“ – это христианин, жаждущий благодати, „обеднеет“, т. е. оскудеет духом; „а кто любит вино и тук“ – это тот, кто пользуется дарами благодати, вином и туком св. Евангелия, „не разбогатеет“, т. е. не будет богат в собственных глазах. Следовательно, здесь описаны превосходство „нищих духом“ и ожидающий их евангельские утешения. Неоспоримая это истина, но мой неопытный в духовной жизни глаз никоим образом не в силах разобрать ее в приведенном тексте...

Все вы, конечно, слышали знаменитое истолкование Уильямом Гунтингдоном текста Ис. 11, 8: „И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи“. Проповедник говорил: „Младенец“ – это новообращенный. Аспид – это *арминиане* (или лютеране, отрицающие учение о благодати). „Нора аспида“ – это уста арминиан. Затем следует перечисление всего, в чем „простодушные“ христиане превосходят арминиан... Приверженцы противоположной богословской школы были всегда столь разумны, что не отплачивали своим соперникам тою же монетой. Иначе дождались бы, что сравнили бы их с „змеями“ и хвалились бы, что они безбоязненно вызвали их из их „гнезд“ на битву... Подобные ругательные речи позорят лишь тех, кто их произносит. Ведь есть и другие способы излагать и истолковывать спорные богословские вопросы...

Глупость, соединенная с нелепою гордостью и высокомерием, может сделать человека лишь смешным. Один пастор рассказал мне недавно, что он назидал однажды своих прихожан проповедью на текст о 29 ножах Ездры (1 Езд. 1, 9): Хочется думать, что он очень осторожно обращался с этими острыми орудиями, но все же не мог я не выразить надежду, что все-таки не нашел он – подобно другому мудрому проповеднику – в этом странном числе ножей указание – на 24 старца Откровения Иоаннова...

Одно место в „Притчах“ читается так: „От трех трясется земля, четырех она не может носить: раба, когда он делается царем, глупого, когда он досыта ест хлеб; позорную женщину, когда она выходит замуж, и служанку, когда она занимает место госпожи своей“ (Пр. Сол. 30, 21–23). Один проповедник толкует это место как изображение действия благодати на душу человеческую, что, по его мнению, и тревожит арминиан и совершенно даже уничтожает их. „Раб, когда он делается царем“, по мнению оратора, – это мы, бедные,

жалкие рабы, когда мы будем царствовать со Христом. „Глупый, когда он досыта ест хлеб“ (Не применяется ли это слово к слушателям, досыта наполняющим свои умы подобными глупостями?), это опять мы же, несчастные, неразумные люди, питаемые дивною евангельскою пшеницей. „Позорная женщина, выходящая замуж“ – это бедный грешник, соединяющийся со Христом. „Служанка, занимающая место госпожи своей“, – это снова мы, бывшие под началом закона, но теперь получившие права Сарры и занявшие место нашей собственной госпожи.

Вот некоторые образцы „достопримечательностей“ из области „так называемой духовной, мистической проповеди“. Они так же многочисленны и ценны, как те исторические драгоценности, которые чуть ли не ежедневно находят на полях Ватерлоо и столь высеко чтят их наивные обладатели. Думаю, вам наскучили уже все эти примеры; поэтому мы не будем более терять нашего драгоценного времени. Вряд ли мне потребуются убеждать вас не прибегать к подобным нелепым приемам истолкования Св. Писания. Они позорят Библию, они оскорбляют здравый смысл слушателей, они достойным сожаления образом унижают звание пастыря. Дикий ливанский волчец не может заменить величественных кедров Ливана. Избегайте всякого детского заигрыванья с текстами и бесцеремонного искажения их. Ведь это может сделать вас мудрыми лишь между глупцами, но среди мудрых вы будете непременно глупцами.

Никогда не позволяйте себе духовного истолкования некоторых текстов, очень тонких по глубине мысли. Об этом следует упомянуть непременно, так как среди выше названных „веропрахов“ это очень распространено. Есть жуки, постоянно копошащиеся в навозных кучах. Удивительно, жуки имеют подобных себе по занятиям и между людьми. Заниматься *этим* в проповеди может лишь жесточайший враг Христова Евангелия. И действительно, какие ужасные вещи говорятся подобными ораторами по поводу некоторых мест книг Иеремии и Иезекииля! Где Святой Дух говорил прикровенно, таинственно, там люди сорвали покрывала и заговорили так, как могут выражаться лишь нечестивые языки. Когда слышу я подобные объяснения и толкования Св. Писания, мне хочется всегда просить Господа свергнуть с кафедры оратора, позорящего ее своим бесстыдством. Мне бы хотелось, чтобы ни одна чистая душа не была возмущена ни даже малейшим грубым дуновением с кафедры. Жена Цезаря должна стоять выше всякого подозрения, и посланники Христа не должны допускать ни малейшего темного пятнышка как в своих речах,

так и в проповедях. Вечные ласки и поцелуи, сыплящиеся с высоты кафедры, очень противны. А о „Песни песней“ лучше бы даже совсем не упоминать в проповедях, если это служит лишь к втоптыванию ее в грязь, как это зачастую случается теперь. Особенно обо всем этом должны заботиться молодые проповедники; скорее можно просить это старику (почему, только, я этого постичь не могу...), но молодой человек не должен ни на одну линию переходить границы строжайшего приличия.

Никогда не позволяйте себе делать духовные примечания различных слов и оборотов Св. Писания лишь для того только, чтобы высказать свое остроумие и свою необыкновенную проницательность.

Такое намерение непохвально, а средство, избранное для его выполнения, прямо смешно. Только исключительно неразумный человек может стараться прославиться тем, что в состоянии исполнить девять человек из десяти. Один проповедник вздумал однажды говорить проповедь на слово „но“, надеясь заслужить этим одобрение слушателей. Он думал, что слушатели должны были прийти в восторг от таланта своего проповедника, который может произнести целую проповедь на один маленький грамматический союз! Повидимому, он хотел раскрыть в своей проповеди следующую мысль: как ни был бы безупречен характер каждого человека, но у каждого все-таки найдутся какие-нибудь недочеты. „Нееман был великий человек у господина своего, но – “. И когда этот великий проповедник сошел с кафедры, то присутствовавшие диаконы сказали ему: „г-н N. N., вы сказали замечательную проповедь, но – мы ясно видим из нее, что вы не годитесь для нашего храма“. Нельзя назвать великим остроумие, дающее оружие против себя в руки врагов своих! Подумайте, разве в подобных проповедях может обнаружиться особая гениальность. Наоборот, не придется ли выставить в них свою глупость?.. Если вы, господа, желаете подражать *Оригену*, его глубоко мистическим и вместе с тем смелым толкованиям, то вам следует также прочесть и его жизнь, обратить ваше особое внимание на то, в какие великие ошибки вовлек этого знаменитого ученого его великий гений единственно благодаря тому, что он безусловно подчинял свой разум слишком неумеренным полетам своего воображения.

Еще одно предостережение: *никогда не искажайте Св. Писания*, чтобы достичь чрез то нового, так называемого духовного, мистического истолкования. Иначе вы навлечете на себя страшное проклятие, которое и оберегает этот первоисточник Божественного откровения. *Г. Кук* из Майденхида должен был

расстаться с Уильямом Гунтингдоном, потому что этот последний „подложил“ к десятой заповеди следующее толкование. Будто Господь говорит в ней Своему Божественному Сыну: „Не пожелай жены диавола, т. е. не-избранных!“ Ужасно! Я думаю, что даже оскорблю ваше религиозное чувство, если скажу вам: возненавидьте и самую мысль о столь кошунственном истолковании Св. Писания.

Старайтесь, чтобы ваши слушатели не забывали, что события, которые вы истолковываете им, суть события, действительно происшедшие, а не плоды воображения и не притчи. Главное значение разбираемого места Писания никогда не должно затемнять своими измышлениями. Оно должно быть изложено яснее и занимать всегда первое место. Какое применение ни сделали бы вы из него, но вы не должны изменять его первоначального, главного характера и отодвигать его на задний план. Библия не есть сборник хорошеньких аллегорий или поучительных поэтических преданий. Она передает нам действительно происшедшие события и открывает необычно серьезные, важные истины. Дайте же почувствовать всем, находящимся перед вашей кафедрой, что вы сами глубоко проникнуты важностью этих священных событий. Страшное время наступит для Церкви, когда с высоты ее кафедры будет распространяться невероятная гипотеза, что все Священное Писание не более, как только сборник тонко обработанных мифологических басен. В нем плавают лишь только маленькие крупинки истины среди целого моря поэтических созданных воображением подробностей.

Но, несмотря на сказанное нами против духовного изъяснения Св. Писания, есть, однако, одна область, где дозволяется и духовное истолкование. Есть такая область в Св. Писании, где те, кому дарован особый дар духовного истолкования, могут осмелиться применять его. Так, например, я уже не раз указывал на то, что прообразы Священного Писания представляют для проповедника обширное поле для подобных толкований. Для чего нам места, подобные приведенному выше из книги Притчей, если перед нами находится среди песков пустыни сама скиния завета со всею своею священою утварью, с ее жертвами всежжения, благодарения и другими? К чему добиваться чего-то нового, когда высится перед нами дивный храм Соломона со всеми его чудесами? Люди, одаренные величайшим талантом типологического истолкования Св. Писания, найдут для себя материал в несомненных символах Слова Божия.

Если иссякнет у вас типологический материал Ветхого Завета, у вас останется еще наследие из тысяч образов и притч. А

какой драгоценный клад скрывается в этих образах Св. Писания, мы знаем из составленного с таким трудом и усердием сочинения Бенджамина Кича. Это сочинение – заметим мимоходом – во многих отношениях заслуживает порицания, но только не столь строгого, как суждение *Адама Клэрка*, заявившего, что оно, более чем какое-либо другое, содействует лишь понижению вкуса как самого проповедника, так и его слушателей. Разумные изъяснения полных поэзии иносказательных образов Св. Писания не только будут охотно выслушаны вашими прихожанами, но и, с помощью Божией, еще принесут им большую пользу.

Но положим теперь, что вы истолковали уже все символы, исследовали все притчи и прообразовательные места Св. Писания, разве должны вы лишь поэтому только остановиться в ваших трудах? Никоим образом! Апостол Павел находит тайну в лице первосвященника Мельхиседека, когда, говоря о Сарре и Агари, выражается: „В этом есть иносказание“ (Гал. 4, 24). Здесь он приводит наглядный пример существования аллегорических мест Св. Писания. И их много в Св. Писании. Их мы находим в изобилии даже в исторических книгах Библии. Одно место в предисловии сочинения *** о символах 1-й книги Моисея доказывает нам, что человек, имеющий благочестивое настроение, без насилия над собой может аллегорически толковать подобные места. Он говорит: „Пред нами книги жизни человека и книга природы. В ней мы читаем о начале всякой жизни на земле, о ее развитии. Это – книга *Бытия*. Далее видим мы, как действительно необходимо для человеческого рода „искупление“, избранный народ Божий должен быть спасен кровию египетского агнца. Это – книга *Исход*. После этого пред нами проходит внутренняя духовная жизнь избранного народа, его стремление к общению с Богом, обещавшим ему искупление. Об этом мы читаем в книге *Левит*. Затем странствуем мы по пустыне с избранным народом, идущим из рабства египетского в обетованную ему землю, узнаем все трудности этого пути из страны чудес и премудрости человеческой в страну, где текут „молочные и медовые реки“... Это – книга *Числ*. Теперь является у нас желание выйти, наконец, из этой пустыни в тот лучший край, вступить в который, однако, долгое время еще опасается избранный народ Божий, – тот край, который вполне соответствует всем желаниям его, где он должен познать силу своего духовного возрождения, где он будет жить, как бы предвкушая небесные блаженства. Это – *Второзаконие*, вторичное законодательство, вторичное очищение народа Божия. После этого вместе с ним достигаем мы, наконец, действи-

тельно земли Ханаанской. Мы переходим через Иордан; мы на опыте узнаем телесную смерть, узнаем, что такое означает „обрезание“. Мы познаем теперь, что означает возродиться о Христе и „вести брань не против плоти и крови, но против мироправителей тьмы века сего“. Это – книга Иисуса Навина. Затем следует повествование о грехах избранного народа Божия, причиною которых было то, что он стал вступать в союзы с хананеями, вместо того чтобы поработить их себе. Это – книга *Судей*. Затем – в книгах *Царств* – проходят перед нашими глазами различные формы государственного устройства, начиная с первого возвышения верховной власти в среде Израиля, и вплоть до окончательного падения ее, так как, в наказание за грехи избранного народа Божия, он предается во власть Вавилона. Ознакомившись со всеми этими скорбями и позором его, видим мы многих „праведников“ из числа „избранных“, которые стремятся, каждый по своему, спасти сколь возможно народ израильский. Некоторые из них, как например, *Ездра*, возвращаются в свою землю, чтобы возобновить здесь храм Иерусалимский, т. е. восстановить служение истинному Богу; другие, как например, *Неемия*, возвращаются затем, чтобы воздвигнуть вновь, с разрешения язычников, городскую стену, как некое подобие прежнего государственного устройства. Наконец, в книге *Есфирь* видим мы народ Божий снова в рабстве, но уже спасаемый божественным промыслом, хотя во всей книге (и это очень характерный знак) ни одного разу не упоминается имя Божие“.

Я далек от того, чтобы советовать вам прибегать к подобным странным приемам, до которых додумался вышецитированный гениальный писатель, поддавшись своей наклонности к мистицизму; но тем не менее вы с гораздо большим интересом будете читать Слово Божие, если будете внимательно вникать как в общее направление библейских книг, так и в их последовательность в отношении типологических событий и лиц.

Далее, искусство пользоваться подобными приемами может быть с успехом применено в *изложении великих* имеющих *всеобщее значение истин, заключающихся в отдельных небольших событиях*. Это может быть вполне и поучительно и назидательно. Все зависит от точки зрения, на которую поставить разбираемый предмет. Среди множества библейских фактов можно обрести важные и для всеобщего руководства законы, может быть, нигде столь ясно не выраженные, как здесь. Возьмем хотя бы примеры, приведенные известным проповедником N. N.: „Ты сокрушил голову левиафана, отдал его в пищу людям пустыни“ (Псал. 73, 14); выведите же от-

сюда наставление, что величайшие враги почитающих Господа будут уничтожены и что воспоминание о подобных чудесах должно служить утешением для верных. Еще: „И умерла Девора, кормилица Ревеккина, и погребена ниже Вефиля под дубом, который и назвал Иаков дубом плача“ (Быт. 35, 8). Здесь и по Моисею говорится о добрых, верных, старых слугах и о несомненности смерти. Слова: „И сказали слуги царские царю: во всем, что угодно господину нашему, царю, мы — рабы твои“ (2 Цар. 15, 15), — эти слова справедливо можно повторить и христианам по отношению ко Христу. Но если будет кто-нибудь порицать этот род толкования, столь действительно и разумно употребляемый г-ом Иау, то вам нечего и обращать на это внимание. Несмотря на свои ограниченные способности, и я поступал также и много примеров подобных проповеднических очерков можно заимствовать из моей маленькой книжки, озаглавленной „Жемчужные росинки“, написанной для употребления при верней молитве.

Интересный пример прекрасной проповеди сообщает нам *Эверард* в своей „Евангельской сокровищнице“. Текст взят из книги Иисуса Навина (15, 16-17): „И сказал Халев: кто поразит Кириаф-Сефер и возьмет его, тому отдам Ахсу, дочь мою, в жену. И взял его Гофониил, сын Кеназа, брата Халеева, и отдал он ему в жену Ахсу, дочь свою“. Проповедь основана на переводе встречающихся в этих стихах еврейских собственных имен. Не есть ли и это лучший способ показать, что мы исследуем внутренний смысл Писания, а не останавливаемся лишь только на словах или буквах Божественной книги?

Изложение и изъяснение *притчей* Спасителя представляет собою обширное поле для раскрытия глубокосодержательного, таинственно-домостроительного назидания наших слушателей. Но если недостаточно и этого, то нам остаются еще чудеса Спасителя, не менее богатые в смысле символического содержания. Несомненно, что эти чудеса — те же проповеди Господа нашего Иисуса Христа, но лишь осуществленные в действительности. Мы обладаем Его „словесными“ проповедями в Его несравненном учении и „действенными“ проповедями в деяниях Его земной жизни. В данном случае вам может оказать большую пользу сочинение N. N. о чудесах Спасителя. Во всех славных деяниях нашего Господа заключается для нас обильное назидание. Возьмем для примера хотя бы историю об исцелении Спасителем глухонемого. Сколько назидательного представляет собою это чудо! И это вполне справедливо. Укажем для примера, какие мысли можно раскрывать в данном случае проповеднику.

„Иисус отвел его в сторону от народа“, – следовательно, душа человеческая должна сосредоточиться и познать себя в уединении и безмолвии. Он „возложил персты Свои в уши ему“, чтобы указать на источник его болезни, и грешники должны прежде всего познать свое греховное состояние. „Он плюнул“, – Евангелие есть наипростейшее средство для получения благодати, и грешник, желающий получить спасение, должен смириться, как бы унизиться для этого перед ним. Он „коснулся языка его“, – это опять для того, чтобы указать место болезни; чувство нашего духовного убожества должно при этом еще более усилиться в нас. Он „возрел на небо“, – этим Христос напомнил страждущему, что исцеление его может прийти лишь свыше, истина, которую обязаны помнить все, требующие какого бы то ни было врачевания. Он „вздыхнул“ – и показал этим, что сочувствие, сострадание великого Врача – источник нашего спасения. „И сказал ему: „еффафа, то есть, отверзись“ – значит великая сила благодати мгновенно, вполне и навсегда дарует исцеление больному.

По примеру этого истолкования чуда исцеления глухонемого рассмотрите и другие чудеса Христовы и вы увидите воочию, что Христовы чудеса – это как бы великая картинная галерея, полна глубочайших мыслей, чувств, надежд.

Но пусть обратят внимание все, берущиеся за изъяснение чудес, притч, прообразов, что следует относиться к этому делу очень осторожно и разумно. В этом зале, где до сих пор еще стоит кафедра N. N., следует всегда с почтением и уважением называть его имя. Но тем не менее, его изложение притчи о блудном сыне представляется мне весьма нелепым... Ученый истолкователь уверяет нас, будто „откормленный телец“ обозначает Господа Иисуса Христа! Положительно страшно делается, когда встречаешь подобное извращенное толкование. Точно таково же и его толкование притчи о добром самарянине. Животное, на которого возлагают раненого, по его мнению, есть опять же Господь Иисус, а два динария, данные добрым самарянином хозяину, это – Ветхий и Новый Заветы или заповеди о крещении и приобщении...

Несмотря на все это, людям с необычайным поэтическим дарованием, тонкой христиански-настроенной душой, как например, N. N., можно позволить некоторую свободу в применении духовного толкования Св. Писания. Читали ли вы, господа, его духовное истолкование значения Соломонова храма? Это – замечательное произведение, полное гениальных мыслей, хотя и несколько и искусственное. Возьмем для примера одно из его разъяснений и посмотрим, насколько оно поучительно. Возьмем для примера его толко-

вание о „створчатых половинках дверей храма“. Он говорит: „Эти двери имели две створчатые половинки, которые, как уже замечено мною было выше, имеют особое значение. Вследствие подобного устройства дверей легко ошибиться, особенно *новообращенному христианину*; ему может представиться, будто пред ним открыт весь вход, а в действительности открыта между тем лишь одна часть его. Эти двери никем и никогда не были вполне отверсты, потому что еще никто никогда не созерцал всей полноты сокрвищ, сокрытых во Христе. И потому говорю я: всякий *новоприбывший* к этим дверям (новообращенный), судя потому, что он видит перед собою, может и легко ошибиться и может сильно опасаться, что не войдет он в эти двери. Что скажешь ты на это, юный исповедник? не в таком ли состоянии находится душа твоя? И не потому ли кажется тебе, что ты слишком „толст“ для этих дверей, не потому ли, что ты *наполнен грехами твоими!* Но, о, грешник! не бойся, эти двери могут открыться для тебя. Поэтому, если подошел ты к этой двери и думаешь, что слишком узка она, чтобы пропустить тебя, то „*стучите, и отворят вам*“. Стучите, и вы будете впущены (Лк. 11, 9; Иоан. 6, 37). Итак – кто бы ни был ты – ты подошел к двери, прообраз которой представляли собою те двери Соломонова храма. Не доверяй же своим первым впечатлениям; не смущайся, верь, что перед тобою неизреченная, беспредельная благодать Господня. Верь, что пред тобою Христос Спаситель. Ты еще не знаешь, что даст тебе Христос, ведь эти двери – *створчатые*. Господь „*действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем*“ (Ефес. 3, 20). Петли, на которых висят эти двери, из чистого золота; это – затем, чтобы показать нам, что они двигаются *любовию*. Дверь, ведущая ко Господу, висит на золоте. Столбики, на которых укреплены эти петли, сделаны из маслины, чтобы показать нам, что эти двери никогда не должны двигаться туго или слишком медленно, как двигаются не смазанные маслом двери. Они всегда легко отворяются перед теми, кто стучит в них. Отсюда мы видим еще и то, что Тот, Кто обитает в этом храме, охотно подает нам руку помощи, любит нас и с сердечною благодатию творит нам добро. „Я, – говорит Господь, – буду радоваться о них, благодворя им; и насажду их на земле сей твердо, от всего сердца Моего и от всей души Моей“ (Иер. 33, 41). Елей благодати, который символизируют эти столбики из дерева маслины, являются причиною того, что двери, укрепленные на них, отворяются перед грешною душой вполне легко и свободно“. Говоря далее о том, что эти двери были из елового дерева, N. N. замечает: „Ель – это дерево, служащее

домом *нечистой* птице – аисту, подобно тому, как Христос есть кровля и убежище грешнику. *Аист*, сказано в псалмах, живет на елях; и Христос говорит грешникам, ищущим прибежища: приидите ко Мне – и вы обратите покой. Господь есть наша защита, наше убежище в дни скорби (5 Моис. 14, 18; 3 Моис. 11, 19; Псал. 104, 17; 74, 2-3; Матф. 11, 27-28; Евр. 6, 17-20). В сочинении: „Жилище на Ливане“ N. N. также весьма удачно объясняет многое из внешнего в чисто духовном смысле. Три ряда по пятнадцати столбов представляются ему неразрешимой загадкой, но он преодолевает и ее. N. N. – это царь и глава между аллегористами-проповедниками. Поэтому мы не должны спускаться за ним в глубины типологической и символической премудрости. Он был надежный, искусный пловец; мы же лишь перебираемся в брод через море назидания и не должны пускаться на большую глубину, нежели нам предназначено.

Оканчивая эту главу, я не могу удержаться от того, чтобы не привести еще два-три примера духовного толкования Св. Писания из начальных дней моего проповеднического служения. Никогда не забуду я проповедь, которую слышал у своего деревенского соседа. Я слышал ее из его собственных уст и надеюсь, что никогда подобная проповедь более не будет произноситься... Текст ее гласил: „Ночная сова, сова и кукушка“. Кажется, ведь, не особенно много *материала* в этих словах... Не нашел его здесь и я. Но проповедник относительно этого был другого мнения. Он указал на то, что эти птицы считаются нечистыми по закону (Моисееву) и служат потому прообразами наших грехов. Ночные совы – это хитрые, лукавые обманщики, поддельвающие питательные продукты и старающиеся *незаметным* образом, не теряя наружной честности, обмануть своих соседей. Птицы же, называемые им *просто* совами, это – пьяницы, более всего предающиеся своему пороку по ночам, а днем – днем им так хочется спать, что они, словно совы, тыкаются головами в встречные столбы... Есть совы и между теми, кто выдает себя за христиан... Сова, если ощипать ее, оказывается маленькой птичкой; она кажется большой лишь благодаря своим перьям. Подобно этому и так называемые *христиане* прячутся лишь за свои перья, а если бы можно было отнять у них их хвастливое красноречие, то немного осталось бы от них. Что же касается кукушки, то это ни более ни менее, как духовные представители господствующей англиканской церкви, затягивающие вечно одну и ту же песню, лишь только приходится им раскрывать в храме свои уста. Это люди, живущие на церковный счет, как кукушка сидит на чужих яйцах... Кукушки

также те христиане, – говорил проповедник, если я не ошибаюсь, – кто стоит за свободу воли“... Ну, разве мало материала извлек из своего текста этот проповедник?! Этот же почтенный пастырь сказал в другой раз столь же удивительную, но еще более оригинальную и „назидательную“ проповедь, которой до конца своей жизни не забудут слышавшие ее... Текст ее был: „Ленивый не жарит своей дичи“ (Пр. Сол. 12, 27). Добрый старик наклонился над своей кафедрой и сказал: „Вот в самом деле, лентяй-то!“ Это было вступление. Далее он продолжал: „Он пошел на охоту, после многих стараний поймал зайца, но был так ленив, что даже не зажарил его! Поистине, это был ужасный лентяй!“ Добряк старался в продолжение нескольких минут представить нам, как смешна подобная лень, а затем продолжал: „Но ведь и об вас можно сказать то же, что и об этом человеке, потому что вы поступаете точно также. Вы узнаете, например, что знаменитый лондонский проповедник приезжает говорить проповедь и вы запрягаете вашу лошадь, едете за 4–5 миль слушать его. Но прослушавши его проповедь, вы совсем забудете извлечь из нее какую-нибудь пользу. Вы поймали зайца, но вы не зажарили его; вы охотились за истиной, но не приняли ее в себя“. Он указал затем, что, подобно тому, как пища требует предварительного приготовления, чтобы быть усвоенной, как следует, телесным организмом, – точно также и истина должна иметь известный процесс, чтобы быть с пользой воспринятой человеческим духом. Он сказал, что хочет показать, как „сварить“ или „изжарить“, т. е. *приготовить* проповедь... и он сделал это очень поучительным образом. Он начал, как начинают обычно в поварских книгах: „Прежде всего возьмем зайца“... Так начал и он: „Прежде всего найдите истинно-евангельскую проповедь“. Затем он объяснил, что далеко не все проповеди стоят такого розыска, что хорошие проповеди очень редки, но что очень стоит труда прогуляться подольше, лишь бы найти солидную проповедь. Когда же, наконец, вы обретете ее, в ней найдется многое, что, по духовному несовершенству ее составителя, окажется бесполезным и должно быть удалено. Далее говорил он о том, что должно, как следует, разобрать ее и что не следует верить каждому слову автору, кто бы он ни был... Потом следовали указания, как „зажарить“ проповедь. Он говорил, что нужно „прошпиговать“ ее в памяти, перевернуть на вертеле размышления, пожарить на огне, зажженном нашим сердцем, – и тогда лишь будет она приготовлена и годна для духовного употребления.

Я делаю здесь лишь слабый очерк того, что слышали мы из уст этого проповедника. Но как ни забавно может все это

показаться, *тогдашние* слушатели проповеди не нашли ее забавною. Она была наполнена аллегорическими сравнениями и с начала до конца удерживала слушателей в большом напряжении, — „Как поживаете вы, дорогой м-р Х.“ — спросил я однажды утром автора этой проповеди. — „О, я здоров, так как это только возможно в мои года, отвечал он, но я чувствую, что мои силы падают“. — „Я надеюсь, что вы долго еще будете здоровы, и что вы, подобно Моисею, сойдете в могилу, вполне сохранив и свою „крепость“ и свое зрение“. — „Это очень хорошо, голубчик, — ответил мне старик, — но прежде всего надо заметить, что Моисей вовсе не сошел в могилу, а *взошел* на гору, чтобы умереть там; а затем — какой собственно смысл ваших слов? Почему не „притупилось зрение Моисея?“ — „Ну, — ответил я мягко, — я думаю потому, что его правильный образ жизни и душевное спокойствие помогли ему сохраниться и в старости“. — „Это конечно, так, — заметил он, — но я не об этом говорю; какой *духовный* смысл всего этого? Я думаю вот что: Моисей — это сам закон; и какой же славный конец даровал Господь ему, достигшему до вершины, увенчавшей все его дело! Как смягчились и уничтожились все трудности пути его при первом прикосновении уст Божиих! И, — хорошенько заметьте себе это, — причина, почему не осуждает нас более закон этот, заключается не в „притуплении“ его зрения, дабы не видеть грехов наших или в истощении „крепости“ его — осуждать и наказывать нас, но в том, что Сам Христос вознес его на вершину горы и приготовил ему столь славный конец“.

Такова была его обычная манера разговаривать и его обычный способ проповеди. Да покоится в мире его прах! Он пас овец в юных годах своей жизни и был духовным пастырем людей в позднейшие года; и, как говаривал он мне, пришел к убеждению, что первые пасомые его не были глупее „последних“... Душ, приведенных им к Небу, было столь много, что, думая о них, мы можем уподобить себя тем, кто видел хромого, начавшего ходить и „скакать“ по молитвам Петра и Иоанна. Они и хотели бы критически отнестись к его исцелению, но, „видя же исцеленного человека“, стоявшего с Петром и Иоанном, „ничего не могли сказать вопреки“.

Этим и закончу я теперь эту свою лекцию. Еще раз высказываю свое мнение, что проповедники, руководимые добрым разумом и хорошим вкусом, с пользою для наших слушателей могут применить в своих проповедях духовное истолкование Св. Писания; во всяком случае они могут тогда по меньшей мере возбудить этим их интерес и поддержать его. А приподнять хотя один только край завесы неизмеримой и

неисчерпаемой бездны вечной мудрости Св. Писания – разве это не труд, заслуживающий всякого внимания проповедника?

О голосе

Наше первое правило относительно голоса такое: не *очень полагайтесь на него* и помните, что наилучший голос не принесет пользы, если вам нечего сказать своим слушателям. Всякий голос, как бы ни был он обработан, если не будут посредством него передаваться слушателям великие, важные истины, будет уподобляться лишь правильно направляемому, но совершенно пустому экипажу. *Демосфен* был вполне прав, разделяя хорошие речи на первые, вторые и третьи; но как оценить такую речь, в которой не будет заключаться ничего? Человек с наипрекраснейшим голосом, но с пустою головою и без сердца, будет лишь „гласом в пустыне“. Подобный человек может блистать в певческом хоре, но будет совершенно бесполезен на кафедре. Голос *Уайтфильда*, без его духовной власти над сердцами и умами слушателей, не произвел бы на них более прочного впечатления, нежели смычек *Паганини*. Вы - не певцы, а проповедники; ваш голос есть нечто подчиненное; не хвастайтесь и не величайтесь им, как то делают многие. Трубы можно и не делать из серебра; для них достаточно и бараньего рога. Но они должны быть в состоянии перенести суровое обращение с собою, потому что они назначены для поля битвы, а не для услаждения слуха в гостинной.

Но с другой стороны, и не *пренебрегайте вашим голосом*, потому что сила и красота его могут значительно усилить желаемое вами впечатление от вашей проповеди. *Платон*, описывая силу и мощь красноречия, упоминает также и о *голосе* оратора. „Столь звучно, - говорит он, - раздавались в моих ушах речь и тон оратора, что лишь на третий или четвертый день я пришел в себя и сообразил, что нахожусь на земле, потому что в течение некоторого времени я готов был считать себя обитателем райских стран“. При монотонном чтении обыкновенно пропадают многие драгоценные истины. Я слышал однажды уважаемого проповедника, который столь жалко бормотал свое поучение, что невольно приходило на ум сравнение его речи с жужжанием залетевшей в какой-либо сосуд пчелы. Хотя это сравнение и не очень важно, но оно правдоподобно. До сих пор оно звучит у меня в ушах, напоминая пародию на элегию *Грэя*: „Истлевает и исчезает предмет проповеди, и наводящее сон молчание царит кругом; пастор жужжит свою вечернюю молитву, но ни одно око не бодрствует уже среди прихожан“. И как жаль было, что чело-

век, поучения которого очень ценны и прекрасно изложены, сам наносил смертельный удар своей деятельностью, играя всего лишь на одной струне, когда Господь даровал ему для этой игры дивный, многострунный инструмент. О, этот злополучный голос! Он дребезжал, подобно мельничному колесу, все с одним и тем же, далеко немзыкальным выражением, про что бы ни говорил его обладатель: про небо или про ад, о вечной жизни или о вечном мучении! Лишь случайно усиливался или уменьшался его звук, — смотря по длине предложения, — но тон его все оставался одинаковым. Странная звуковая пустыня, суровая, дикая пустыня, где слышно лишь завывание ветра, где нет ни отдыха, ни разнообразия, ни музыкальной красоты, но царствует лишь одна страшная, утомительная монотонность.

Когда ветер касается струн золотой арфы, он приводит их все в движение. Небесное же дуновение, проникая в человеческую душу, действует обычно лишь на одну, наиболее расстроенную струну ее.. И только действием благодати должно объяснять то, что *получают* все-таки слушатели некоторую долю пользы из этой бесконечной „неразберихи“, которую преподносят им некоторые богословы. Думается, беспристрастный суд присяжных вполне оправдал бы заснувших во время подобной проповеди, убаюкивающей слушателей своим усталым однообразием. N. N. относит сонливость членов одного прихода в Шотландии к плохой вентиляции их храма. Конечно, это очень возможно, но думается, главная причина ее заключается в плохом состоянии вентиляционных путей в горле проповедника. Во имя всего святого прошу я вас, братья, звоните во все колокола вашей колокольни, а не оглушайте слушателей дребезжанием единственного, жалкого, разбитого колокольчика.

Если хотите обратить должное внимание на ваш голос, то *остерегайтесь, чтобы не впасть в аффектацию, столь распространенную в настоящее время.* Теперь едва ли один из дюжины проповедников говорит „по-человечески“, когда стоит на кафедре. И не у одних только протестантов замечается эта аффектация. Аббат Мюллау говорит: „Везде, на всяком месте мы слышим, как говорят люди. Они говорят и в зале суда, и в парламенте, но на проповеднической кафедре они перестают „говорить“. Здесь господствует какая-то особая, неестественная интонация. Подобная манера говорить допускается лишь в храме, и здесь она, к сожалению, обычна; во всяком же другом месте ее не потерпели бы. Что сказали бы о человеке, который вздумал бы заговорить тоном проповедника в гостиной? Разумеется, он возбудил бы лишь смех.

Несколько времени назад существовал один надзиратель в *Пантеоне*, который, объясняя посетителям красоты памятников, впадал в тон наших проповедников, чем и вызывал постоянно веселость своих слушателей, более забавлявшихся его манерой говорить, нежели самим предметом его объяснения. Человек, не умеющий говорить правдивым, натуральным тоном, не должен бы и входить на кафедру. Хотя *отсюда-то*, по крайней мере, следовало бы изгнать все фальшивое... В наше, полное недоверия время должно бы отказаться от всего ложного. И лучше всего можно излечиться от подобной аффектации, чаще слушая таких монотонных проповедников. Можно получить столь сильное отвращение от их манеры проповедования, что скорее предпочтешь полное молчание, нежели подражание им. С той минуты, как оставит человек правдивость и естественность, он теряет право на доверие к себе и не может также требовать, чтобы его продолжали слушать. „Войдите во все окрестные храмы и капеллы и везде вы увидите, что в большинстве случаев наши проповедники принимают какой-то особо-торжественный, воскресный тон. Они говорят своим обычным голосом у себя дома и везде; но на кафедре у них является совершенно особый голос, так что если и не виновны они в грехе двуязычия, то *здесь* они *буквально* двуязычны. Некоторые из совершенно меняются и принимают какой-то должностной вид, едва затворяется за ним дверка кафедры. Подобные проповедники почти могут сказать вместе с фарисеями, что они не таковы, как прочие люди, хотя было бы кощунственно для них благодарить за это Бога. Взойдя на кафедру, они уже более не обыкновенные люди из плоти и крови и говорят уже не по-человечески, но издают какие-то жужжащие звуки, прерываемые возгласами: *гм, да...* и т. п., и все это для того лишь, чтобы отклонить всякое подозрение, что ты можешь быть вполне естественен и можешь говорить из глубины сердца... Как часто кажется, что не духовная, назначенная для богослужения одежда покрывает оратора, но что это саван, под которым скрывается его настоящая личность, вывеска мертвого, неприличного достоинству проповедника, формализма.

Существует два способа произнесения проповедей, которые вы легко распознаете, так как не раз слышали их. Один — полный сознания собственного достоинства, так сказать профессорский, напыщенный, высокопарный стиль. Этот способ теперь уже делается более редким, хотя имеет еще многих почитателей. (Здесь составитель этих лекций дал слушателям наглядную пробу, произнеся *подобным* образом какое-то стихотворение, чего невозможно передать на бумаге.) Когда

однажды один почтенный проповедник разводил таким образом свои пары, заметил один человек по середине храма своему соседу, что ему кажется, будто проповедник „проглотил громадную глыбу каши“. – „Нет, Фред, – ответил сосед, – он еще не проглотил ее, она еще варится у него во рту!“ Я живо представляю себе, как говорил подобным образом *Джонсон в Болот-Курте*, и очень возможно, что этот торжественный, словно с Олимпа снисшедший тон может нравиться людям, обладающим им по природе. Но вы откажитесь от него навсегда на вашей кафедре. Если он от природы, то нельзя ничего сказать против него. Но если он вызван искусственно, он оскорбляет чувство приличия; и во всяком случае всякое обезьяничанье на церковной кафедре граничит с тяжким преступлением.

Затем есть еще другой способ произнесения проповедей, и прошу вас не смеяться здесь над ним. Это – особая манера проповеди, которая стремится быть очень изысканной, но на деле в высшей степени жеманная, аффектированная, так сказать, бегущая короткими ножками, изломанная до степени полного кривлянья. Я не знаю, как иначе описать ее. Мы все имели счастье слышать подобные проповеди, произносимые фистулой и с невероятной аффектацией. Эти „манеры“ многочисленны. Я слышал многие из них, от полновесных проповедей вроде *Джонсоновских* вплоть до тончайших, полных самого легкого „благородного“ шопота; от рева Васанских быков до воздушного лепета зяблика. И мне легко оказалось проследить генеалогическую таблицу, некоторых из этих сотоварищей наших; я узнал, каким образом впервые изобрели они подобные манеры проповедничества. Их генеалогическое древо можно прочесть так: Чик-чирик – сын Шепота, сына Глупца-Жеманника, сына Шеголя, сына Аффектации; или же – Чопорный, сын Грандиоза, сына Великолепа, у которого было много сыновей... Но только поймите меня хорошенько: я не осуждаю даже эти ужасные звукоизлияния, если они естественны. Каждая птица поет по-своему; но ведь в девяти случаях из десяти эти приемы неестественны и искусственны. Я уверен, что они, так сказать, имеют характер Вавилонского столпотворения, а не Иерусалимского наречия, потому что язык „Иерусалима“, как ни своеобразен он, звучит одинаково и на кафедре и где бы то ни было в другом месте. Наш друг аффектированной школы, конечно, никогда не слышал, чтобы кто говорил подобным торжественным тоном в гостиной: „Будьте добры, дайте мне еще чашку чаю; и с сахаром, прошу вас!“ Он показался бы очень смешным, если бы сделал это; но почему же в таком случае то, чего нельзя позво-

лить себе в гостиной, допустимо на церковной кафедре? Я утверждаю, что наилучшие звуки, к которым способен человеческий голос, должны быть посвящены евангельской проповеди. И это те звуки, которые дала природа человеку для серьезного собеседования. Иезекииль служил своему Господу наиболее мелодичными звуками, к которым был способен его голос, и Господь сказал ему: „И вот ты для них – как забавный певец с приятным голосом и хорошо играющий“ (Иезек. 33, 32). И хотя и не имело это никакого влияния на жестокое, окаменевшее сердце Израиля, но все же вполне подобало проку возвещать слово Господне в наилучших звуках своего голоса и наименее неприятным образом.

Далее, у кого есть какие-либо неприятные для слуха особенности в голосе, тому следует, насколько это возможно, исправить их. (Джон Уэсли говорит: „Остерегайтесь всего особенного, аффектированного в жестикуляции, в произношении или в выговоре“.) Я сознаюсь, что этому легче учить, нежели это исполнить. Но в начале своего проповеднического поприща молодые люди могут еще победить эти затруднения. Ведь они, являясь сюда иногда прямо из деревни, часто как бы приносят с собою запахи той или другой местности. И в речи существуют также особые оттенки, особые провинциализмы, которые не трудно узнать. Трудно объяснить причину этого явления, но ведь известно, что в некоторых английских графствах так устроены гортани обитателей, что они представляются как бы закупоренными; в других же их голоса звучат с каким-то неприятным металлическим оттенком. Эти природные особенности голоса могут быть прекрасны на своем месте, но мне они совсем не нравятся. Следует во что бы ни стало стараться освободиться, например, от острых, крикливых, пискливых звуков, а также и от глухого, невнятного выговора, при котором ни одно слово не произносится вполне, а выходит нечто в роде рагу из имен существительных, прилагательных и глаголов. Одинаково непригоден и тот „язык духов“ или „привидений“, при употреблении которого говорят не шевеля губами, словно чревовещатели. „Гробовой“ голос хорош для могильщика, а глухое стенание не вызвало еще ни одного Лазаря из гроба. Вернейший способ убить свою речь заключается в том, если говорят горлом, а не ртом. Подобные злоупотребления ужасно наказываются и самую природой; лучше избежать этого наказания самой природы, избегая преступления против нее. Может быть, своевременно также указать здесь на привычку прерывать свою речь частыми возгласами: „гм“ и „э“, чего также следует тщательно избегать. Надобности в этих возгласах нет ни малейшей, и

хотя трудно отучиться от них, все-таки вы, лишь начинающие свое проповедническое служение, должны усердно ратовать против этих рабских цепей. Следует даже заметить еще: когда вы начинаете говорить, открывайте хорошенько рот, потому что очень часто невнятное бормотанье зависит лишь оттого, что ваш рот остается полузакрытым. Не напрасно написал евангелист о Господе: „Он открыл уста свои и поучал их“. Шире отворяйте двери, из которых должны исходить столь великие истины. Избегайте, братья, также употреблять нос, как орган слова. Лучшие авторитеты согласны в том, что нос есть только орган обоняния. Было время, когда подобные носовые звуки считались ортодоксальными, но при нашем вырождающемся поколении вы хорошо сделаете, если будете более следовать указанию природы и предоставите рту предназначенную ему работу, не вмешивая в его дело орган обоняния. Если есть какой-либо американец между присутствующими здесь студентами, то да извинит он, что я обращаю его особенное внимание на этот пункт. Избегайте также привычки подражать некоторым людям, не могущим произносить букву „р“. Бывают иногда люди, одаренные замечательно привлекательным, слегка шепелявящим голосом. Это не может много повредить, если проповедник небольшого роста и симпатичен сам по себе, но может окончательно погубить его, если он наружно мужественен и силен. Я никак не могу представить себе, что пр. Илия нежно *шептал* свои обличения Ахаву, или ап. Павел приятно звучащим голосом произносил прекрасно подобранные, красивые фразы на главной площади Афин. Мягкий, полный слез взгляд и слегка запинаящая речь могут быть очень трогательны. Некоторые люди обладают таким настроением от природы и часто находятся в нем. Но совершенно бесполезно для нас — чтобы не сказать более — подражать подобным людям. Говорите так, как учит вас сама природа ваша, и вы поступите вполне правильно; но только чтобы это была природа уже утонченная, а не грубая, необработанная. *Демосфен*, как вам известно, много работал над своим голосом, а *Цицерон*, имевший от природы слабое здоровье, даже совершил большое путешествие в Грецию для развития своего ораторского дарования. У нас с вами несравненно важнейшие задачи, нежели у этих древних ораторов, так постараемся же мы не менее их, чтобы успеть и отличиться в нашем деле. „Возьмите у меня все, — сказал Григорий Назианский, — но оставьте мне красноречие, и я не буду сожалеть о тех путешествиях, которые предпринимал я для его изучения“.

Говорите всегда так, чтобы все слышали вас. Я знаю одного

человека, который весит 200 фунтов. Он должен был бы иметь такой голос, чтобы все издали слышали его, но который столь постыдно ленив, что его едва слышно в передних рядах его маленького храма. Для чего же существует проповедник, которого никто не может понять? Подобный человек должен был бы хотя бы из скромности уступить свое место другим, более его способным выполнить почетное звание *посланника Божия*. Некоторые люди говорят достаточно громко, но не достаточно ясно. Их слова цепляются одно за другое. Они словно перепрыгивают друг через друга, проглатывают друг друга. Ясное произношение гораздо важнее подобной гонки на парах. Каждое слово должно иметь свое определенное время, и нельзя искалечивать его или переломать ему ноги в своей поспешности. Очень неприятно слышать тихое, невнятное бормотанье человека, легкие которого видимо созданы для речи громкой, отчетливой. С другой стороны, проповедник может кричать, сколько ему угодно, и все-таки никто хорошо не поймет его, если не сумеет он уравновесить свои слова. Нехорошо говорить слишком медленно. Это может неприятно действовать на некоторых обладающих оживленным темпераментом слушателей. Невозможно с удовольствием слушать человека, употребляющего целый час, чтобы пройти какие-нибудь четверть мили. Одно слово сегодня, а второе - завтра, это - такая пытка, вынести которую способны лишь мученики. Но и слишком спешное изложение, горячность и бушевание речи точно также нельзя извинить. Подобная проповедь может произвести впечатление разве лишь на безумных, потому что она превращает правильно устроенную словесную армию, которую должна представлять собою речь, в какой-то дикий хаос и неминуемо потопляет всякую разумную мысль в целом море звуковых извержений.

Ужасное наказание ведь - слышать проповедника, смешивающего понятия о *перспирации* (испарение) и *инспирации* (вдохновение), - проповедника, несущегося, словно испуганная лошадь, которой залез в ухо шершень, несущегося до тех пор, пока не выйдет весь воздух из его легких и поневоле он должен будет остановиться, чтобы передохнуть. Подобный прием есть погрешность против приличия, особенно тяжелая для слушателей, если она повторяется часто... Слушатели вообще не должны замечать, когда переводит дыхание проповедник. Это должно происходить совершенно незаметным для них образом. Неприлично прерывать вследствие чисто природных функций дыхания проповедника.

Не следует и слишком напрягать свой голос при обычной проповеди. Двое или трое из присутствующих здесь не в меру

усердных братьев буквально раздирают свою грудь совершенно бесполезным криком при проповеди. Их легкие раздражаются и горло воспалено от подобного неистового крика, от которого они, кажется, никаким образом не могут воздержаться. Конечно, хорошо правило: „Взывай громко и не щади“, но ведь и другого изречения: „Не делай себе вреда“ также не следует забывать. Если ваши прихожане могут расслышать вас, когда вы говорите лишь вполголоса, то не лучше ли побережь другую половину его к тому времени, когда она может понадобиться? Здесь вполне применимо изречение: „Не будь расточителен, и ты не будешь нуждаться“. Обходитесь осторожнее и экономнее с дарованным вам голосом. Не причиняйте вашим слушателям головной боли, когда хотите только разбудить их сердце. Вы хотите предотвратить их, чтобы не заснули они на своих местах; но сообразите, что для этого не требуется же раздирать им уши. „Господь не в буре“. И гром вовсе не молния. Никто не услышит лучше оттого, что вы будете стараться кричать возможно громче; напротив, излишний шум оглушает слух, возбуждает эхо или отголосок и значительно уменьшает впечатление проповеди. Приноравливайте ваш голос к вашей аудитории. Если перед вами двадцать тысяч слушателей, напрягите все свои силы и „звоните во вся“. Но не делайте этого в здании, где едва могут поместиться 30-40 человек. Когда вхожу я в помещение, где должен проповедовать, невольно начинаю соображать, громко или тихо следует мне говорить, и обычно, произнеся два или три слова, я уже точно знаю, чего мне держаться в данном случае. Если вам удастся, чтобы вас слышал человек, сидящий в конце храма, то будьте покойны, те, кто сидят перед вами, хорошо услышат вас, и вам нечего в таком случае напрягать свои силы. Будьте же внимательны и присматривайтесь ко всему хорошенько. Зачем говорить так громко, что будет слышно на улице, где никого нет даже, чтобы и слушать вас? Говорите вы в закрытом помещении или на воздухе, старайтесь лишь о том, чтобы вас слышали самые дальние из присутствующих, и этого совершенно довольно. Здесь следует заметить еще, что должно быть очень осторожным, находясь в комнате больного или слабого, а также и в собраниях, где могут присутствовать подобные люди. В самом деле, ведь усесться у кровати больного и кричать ему в уши: „Господь - мой пастырь“ - жестоко. Если вы поступите так необдуманно, то наверное по вашему уходе скажет бедняк своей жене: „О, как разболелась моя голова! Как рад я, что ушел этот почтенный отец! Это чудный псалом, в нем так много успокоительного; но пока он читал

его, мне казалось, что блещет молния и гремит гром, я почти оглох "... Знайте, братья, что тихий молитвенный шопот гораздо лучше для больного, нежели „барабанный бой и гром пушечных выстрелов“.

Тщательно также соблюдайте правило, чтобы *изменять, когда следует, силу голоса*. Старое правило гласило: начинать очень тихо, постепенно возвышать голос и к концу говорить громче всего. Разорвите эти правила, они теперь более никуда не годятся и очень неприятны для слушателей. Говорите тихо или громко, как того требует настроение той минуты; откажитесь от всяких искусственных и причудливых правил. Искусственные правила гнусны. М. очень хорошо смеется над ними: „Возбуждайте себя, гремите, беснуйтесь, рыдайте вплоть до пятого слова в третьем предложении десятого параграфа на десятой странице! Как легко это будет! и прежде всего – как натурально!“ Один известный проповедник, подражая любимому публикой оратору – который не мог говорить иначе, – начинал всегда свою проповедь таким тихим голосом, что никто не мог ничего понять... Все наклонялись вперед, боясь пропустить что-либо особенно интересное, но все было напрасно: они слышали лишь какое-то невнятное бормотанье. Никто бы не осудил его, если бы он не мог говорить громко, но тут выходило нечто очень странное, так как несколько минут спустя его голос уже потрясал все своды здания... Если не важна была первая половина его проповеди, зачем же тогда произносил он ее? На это нужно ответить следующее: потому что он стремился лишь произвести *эффект*, впечатление! Он знал, что оратор, употреблявший этот прием, производил весьма сильное впечатление на своих слушателей, и он надеялся достичь того же самого. Если бы вздумал кто из вас прибегать к подобному недостойному приему, я бы пожелал, чтобы он никогда не вступал в это заведение... Говорю вам серьезно, то, что называется *эффектом*, есть нечто в высшей степени отвратительное, потому что это ложно, искусственно, фальшиво и достойно презрения. Ничего никогда не делайте для достижения подобного эффекта, особенно же презирайте жалкие происки разной мелкоты, стремящейся получить одобрение со стороны слушателей всеми возможными и невозможными способами. С самого начала говорите всегда ясно и внятно. Употребите все усилие, чтобы вступление в проповедь не проговорить вам на воздух. Произносите его смело и завоюйте сразу себе общее внимание вашим тоном. Не начинайте прямо самым сильным голосом, потому что, может быть, вам придется еще усилить его в течение проповеди; но говорите с самого начала ясно. Понижайте

голос по временам до внятного шопота. Тихие, задумчивые, торжественные звуки не только приятны для уха, но также хорошо действуют и на сердце слушателей. Не бойтесь употреблять даже низкие тоны, если только вы употребите их с внутренней силой. Их не менее хорошо слышать, как и громкие ваши возгласы. Вам не нужно говорить непременно громко, чтобы быть услышанными. *Маколей* говорил об *Уильяме Питте*: „Его голос, даже когда говорил он шепотом, был ясно слышен в отдаленнейших уголках Нижней Палаты“. Очень правильно замечено, что пушка, производящая наиболее шума, не всегда бывает самая дальнобойная. Грохот граненого оружия не производит ни в каком случае сильного шума. Впечатление производит не громкость голоса, но та сила выражения, которая вложена в него. Я убежден, что можно так прошептать, что будет слышно во всех уголках нашей капеллы, и можно точно таким же образом так прокричать, что никто равно ничего не поймет.

Я бы мог сейчас наглядно представить вам все это, но думаю, что это излишне, так как некоторые из вас, как я думаю, с большим успехом занимаются этим сами. Звуковые волны могут столь быстро вливаться в наш слух, что не производят должного впечатления на наши слуховые нервы. Чернила необходимы для письма, но, если вы опрокинете чернильницу и обольете бумагу, вы ведь не выразите этим никакой мысли на ней. То же самое происходит и со звуком. Звук есть чернила и необходимо целесообразное применение его, а не бестолковое злоупотребление им для того, чтобы ясно отпечатлеть что-либо в нашем слухе. Если все ваше честолюбие ограничивается лишь стремлением сравняться вашим голосом с голосом стентора, о котором говорят, что он имел металлические легкие и что его горло превосходило силою пятьдесят человеческих гортаней, то ревите пожалуй так, чтобы быть услышанными в Елисейских полях. Но если желаете вы, чтобы вас поняли земные слушатели и чтобы получили они пользу от вас, то избегайте упрека, что вы „неспособны чересчур громогласны“. Вы знаете, конечно, что резкие звуки разносятся дальше всего. Своеобразный крик, употребляемый путешественниками в австралийских пустынях, обязан своею замечательною силою именно этой особенной резкости своей. Колокольчик можно слышать на большем расстоянии, нежели барабан. И что удивительнее всего – чем музыкальнее звук, тем далее проникает он. Игра на фортепиано зависит не от степени удара, но от разумного употребления клавиш. И потому вам следует часто понижать

силу вашего голоса и щадить чрез это как слух ваших слушателей, так и ваши собственные легкие. Перепробуйте все методы, от кузнечного молота до детского мяча. Будьте нежны, как зефир, и громки, как буря. Говоря короче, будьте тем, что есть человек в своей обычной речи, когда он говорит естественно, требует горячо, шепчет доверчиво, дружески, умоляет жалобно или объявляет твердо, решительно.

Тотчас после смягчения силы голоса, ставлю я правило: *непрерывно вводите модуляции в тон вашего голоса*. Постоянно изменяйте тональность его, изменяйте постоянно вашу мелодию. Употребляйте, так сказать, и бас, и альт, и тенор. Я очень прошу вас: делайте это, как из сожаления к самим себе, а также и к тем, кто вас слушает. Господь милосерд к нам и устроил все так, что наша потребность разнообразия всюду вполне удовлетворяется. Так будем же и мы иметь жалость к нашим ближним и не будем мучить, утомлять их своим однообразием. Ведь это настоящее варварство в продолжение целого получаса долбить барабанную перепонку своих слушателей все одним и тем же тоном. Нельзя придумать более скорого способа свести с ума человека, как посадив ему в ухо беспрерывно жужжащую муху или пчелу. Какое же право имеете вы надеяться на то, что беззащитные жертвы подобных проповедей ваших охотно подчинатся вашей жестокости? Природа с милосердием относится к несчастным жертвам трутня, наводя на них тихий сон, чтобы не так чувствовали они свои мучения. Но вам это вовсе не желательно, так не проповедуйте же слишком однообразно. Как мало сознают проповедники, что такое однообразие нагоняет лишь сон! Я думаю, что упреки, сыпавшиеся на нас в газетах, большею частью справедливы. Там писали: „Мы все знаем, что журчание ручья, шум морского прибоя, стоны горного ветра в ветвях сосен и жалобное воркованье дикого голубя действует снотворным и вместе освежающим образом на слушателя. Мы далеки от того, чтобы утверждать, что голос нашего сегодняшнего проповедника-богослова хотя бы малейшим образом напоминал эти сладкие приятные звуки; но действие его было совершенно тождественное и лишь немного могли противостоять снотворному влиянию подобной проповеди. Любопытно то обстоятельство, что и усердные проповедники лишь изредка говорят о проповеди, „разбудившей“ их слушателей; это показывает, что громадное большинство их проповедей имеют положительно наркотическое действие. А ведь очень плохо, если „слушателю приходится выбирать одно из двух: текст требует духовного бодрствования, а проповедь говорит: приятного сна!“

Как ни мелодичен ваш голос, но если вы будете говорить *монотонно*, то ваши слушатели скоро заметят, что издали вас слушать приятнее, нежели вблизи. Во имя человечества оставьте этот ваш неблагодарный проповеднический тон и говорите разумно. Если же и это не убеждает вас, то все-таки я считаю это столь важным, что скажу вам еще: если не хотите вы последовать моему совету хотя бы из жалости к вашим слушателям, то сделайте это тогда из сожаления к себе самим. И вот почему за всяким преступлением, как против естественных так и против нравственных законов, тотчас же следует и наказание. Дурная привычка монотонного чтения часто влечет за собою ту опасную болезнь, которая обозначается именем ***. Хотите испортить ваше горло, ваш голос, вы скоро можете это исполнить. Но если вы хотите сохранить их здоровыми, то обратите внимание на мои советы.

Я часто сравнивал здесь голос с барабаном. Если бы барабанщик стал ударять все по одному месту на своем инструменте, то он лишь прорвал бы кожу на этом месте. И конечно, гораздо дольше прослужит барабан, если удары будут падать поочередно на всю кожу его! То же самое бывает и с человеческим голосом. Если будете вы издавать всегда один и тот же тон, вы повредите какое-либо место в вашем горле, и последствием этого может быть катар дыхательного горла. Я слышал от врачей, что бронхит у диссидентов отличается от этой болезни у духовенства англиканской церкви. Церковный проповеднический тон в Англии, очень любимый там, имеет в себе нечто ходульное, словно целая колокольня засела в горле проповедника. Этот прием считается самым величественным, аристократическим, богословским, наиболее соответствующим званию пастора, сверхъестественным, сверхчеловеческим... Кому не знакома священная манера произнесения слов: „Мои дорогие братья, Писание в разных местах увещевает нас?“ Эти слова, словно колокол, до сих пор звучат в моих ушах. Если человек, говорящий столь неестественно, не получит себе бронхита или какой другой болезни, то я скажу тогда, что это, вероятно, вследствие какого-либо особого непонятого для нас милосердия Божия... О подобных приемах нонконформистов я уже говорил вам, и они, думаю я, сами виновны в том, если ослабеют их дыхательные органы, если умолкнут и сойдут в могилу их дорогие проповедники.

Чтобы представить вам *защитника* моего взгляда, – я приведу вам свидетельство N. N., знаменитого трагика, мнение которого тем ценнее, что он рассматривает этот предмет совершенно беспристрастно и притом руководясь собственным опытом. Он говорит: „Ослабление дыхательных путей

является обычно не столько вследствие напряжения этих органов, сколько вследствие того способа, которым это напряжение производится: то есть не от долгого и громкого разговора, но от *изменения* природного голоса. Я не знаю, поймут ли, что я хочу сказать: но между 10 000 людей едва ли найдется один, говорящий в собрании своим натуральным голосом. И особенно это заметно на церковной кафедре. Я уверен, что ослабление дыхательных путей происходит от насильственного напряжения при разговоре *неестественным голосом*, вследствие чего является сильное воспаление и часто даже нагноение их. Целодневное занятие в храме в этом отношении есть ничто в сравнении с изображением какой-нибудь главной Шекспировской роли на сцене. Нельзя сравнить с ними и наиболее блестящие образцы ораторского искусства наших государственных людей в парламенте. И я вполне уверен, что болезнь, называемая „проповеднической охрипостью“, большею частию зависит от неправильных приемов их речи. Я знал многих товарищей моих по сцене, страдавших этим недугом, но я не думаю, чтобы им страдали люди, *выдающиеся* своим талантом в нашем искусстве“. Актеры и адвокаты тоже должны часто напрягать свой голос, но ведь ничего не слышно о подобной хронической „охрипости“ их, и, конечно, это потому, что они не так нерадиво служат публике, как проповедники – своему Господу. Доктор медицины N. N. в своем популярном сочинении о „горловых и легочных болезнях“ очень умно говорит: „Из всего сказанного выше о физиологии голосовых органов следует, что постоянный разговор в одном и том же тоне действует гораздо утомительнее, нежели при постоянных изменениях в интонации, так как в первом случае занят только один мускул, или один класс мускулов, а во втором работает вся система их. Точно таким же образом, если протянет человеку руку и будет держать её 5–10 минут под прямым углом, он скоро устанет, потому что у него напряжена лишь одна часть мускулов; между тем как та же самая рука его может работать целый день, если работа распространяется на всю мускульную систему. И потому, если духовное лицо во время богослужения и поет, и говорит, и читает все в одном тоне, то можно быть уверенным, что он в десять раз более напрягает свое сухожилие, нежели это полезно“.

Думается, что здесь своевременно повторить уже прежде высказанное мною мнение, о котором напоминают мне вышеприведенные строки. Если бы проповедники говорили чаще, их голосовые органы и легкие сделались бы менее чувствительными к подобным заболеваниям. Я в этом вполне убеж-

ден; собственный опыт и обширные наблюдения доказывают мне, что я не ошибаюсь. Проповедовать лишь два раза в неделю, господа, очень опасно, но пять или шесть раз – напротив, очень здорово. Не излишне даже двенадцать–четырнадцать раз. Разносчик, которого заставили бы раз в неделю кричать по улицам, продавая свои овощи или картофель, нашел бы это слишком трудным для себя. Но если кричит он таким образом шесть дней в неделю, то никогда не познакомится он с описанной выше „охрипlostью“. Я радуюсь, что нахожу свое мнение, что причиной этой болезни есть *слишком редкое* произнесение проповедей, столь ясно выраженным у N. N.: „Все данные здесь указания, я уверен в том, не принесут никакой пользы без правильного, ежедневного упражнения голоса. Ничто, кажется, не вызывает столь сильно этой болезни, как временная, долгая, чрез большие промежутки времени, произносимая речь, к чему особенно принуждены духовные лица. Кто вдумается в это, легко убедится в правильности этого взгляда. Если человеку или даже животному предстоит исполнить какую-либо работу, требующую необычной мускульной силы, он должен постепенно, в течение нескольких дней, приучиться к ней. Тогда и тяжелая работа, которую иначе он не в силах был бы и выполнить, покажется ему легкой. Большинство духовенства принуждено к подобной тяжелой мускульной работе в форме проповеди лишь один раз в неделю, причем в остальные шесть дней им едва ли придется даже и возвышать свой голос. Если бы кузнец или плотник стали заниматься своим утомительным трудом лишь изредка, по временам, то они сделались бы совершенно непригодными для него, они совсем потеряли бы свою ловкость и умение. Пример знаменитейших ораторов, какие только существовали на свете, неопровержимо ясно доказывает пользу, приносимую постоянным, правильным упражнением в речи. И мне хотелось бы поэтому рекомендовать всем, страждущим этою болезнью, раза два в день громко читать и непременно с тем самым возвышением голоса, как это требуется на кафедре, причем должно наблюдать как за правильным, нормальным положением груди и горла, так и за ясным, строго соразмеренным ударением слов“. Другой держится того же мнения. Он говорит: „Мальчики, выкрикивающие газеты, доказывают, как велика польза голосового упражнения на чистом воздухе для человеческих легких. Что стал бы делать хилый проповедник, слабым голосом поучающий своих 100–200 слушателей, если бы его заставили выкрикивать газеты? В Нью-Йорке эти мальчуганы – продавцы газет стоят в начале какой-нибудь улицы и голос их летит вдоль ее, как

шар, брошенный атлетом. Мы даем людям, желающим приготовить себя к какой бы то ни было ораторской деятельности, совет сделаться на некоторое время разносчиками, т. е. выкрикивать товары на улицах. Молодые проповедники должны бы вступать на некоторое время в товарищество с продавцами газет до тех пор, пока не научатся они открывать свой рот и пока не укрепится и не сделается эластичнее их горло“.

Еще разумнее правило: *голос должен быть всегда приуровнен к предмету проповеди*. Не запевайте торжественной, ликующей песни, если вам приходится говорить о чем-либо грустном, и, с другой стороны, не тяните с унынием та, где звуки должны быть легки и радостны, где должны они напоминать ангельские напевы на небесах. Я не хочу более вдаваться в рассуждение об этом правиле. Но будьте уверены, что оно очень важно и соблюдение его принесет вам великую пользу. Принаравливайте голос к предмету и, прежде всего, *будьте всегда естественны*. (Когда спросили Джонсона, имеет ли Вичке сходство с Туллем Цицероном, он отвечал: „Нет, милостивый государь, он имеет сходство с Эдмундом Вичке“.) Навсегда отгоните от себя рабское подражание! Не подражайте голосу других людей, или, по крайней мере, если неодолимое стремление влечет вас к этому, то стремитесь подражать превосходным качествам великих ораторов, и тогда ваша беда все-таки не окажется столь велика... Я сам иногда, подчиняясь непобедимому влиянию, делаюсь тоже невольным подражателем выдающихся проповедников. Всякая поездка в Шотландию или в Уэльс оказывает влияние на мое произношение и на тон моей речи. И хотя я борюсь с этим злом, но отстать от него все-таки не могу; единственное средство, которое существует против него, это — стараться совсем, окончательно заглушить его.

Итак, господа, — я возвращаюсь снова к моему правилу: употребляйте лишь ваш собственный естественный голос! Не будьте обезьянами, но людьми; не попугаями, но мужами, обладающими во всем своей собственной, врожденной силой. Каждый человек должен бы носить свою бороду такую, какую она растет у него, потому что тогда она наиболее подходит к его лицу. Так и вы должны говорить каждый по-своему, в гармоническом единении с вашим собственным ходом мыслей, вашей собственной личностью. Подражание хорошо и пригодно лишь на сцене, но для храма требуются люди с собственной, освященной их святым делом личностью. До утомления стал бы я повторять вам это правило, если бы думал, что вы забудете его; будьте естественны, будьте

естественны, всегда будьте естественны! Всякое подражание голосу или манерам какого бы то ни было великого богослова или любимого вами учителя, профессора принесет вам несомненный вред. И потому снова настоятельно требую я от вас: отбросьте всякое рабское обезьяничанье и возвысьтесь до собственного мужественного я!

К сказанному мы должны еще прибавить: *старайтесь обрабатывать ваш голос*. Не жалейте труда в этом отношении, потому что нам справедливо сказано: „Если природа полною мерой отсыпает дары любимцам своим, то развить и довести до зрелости эти дары они могут лишь серьезным изучением и усиленным трудом“. Думайте о Микель-Анджело, работавшем по целым неделям не раздеваясь, или о Генделе, клавиши инструмента которого оказались выдолбленными на манер ложек, от *постоянного* употребления их. Если подобный труд возможен для других, то не будем и мы, господа, жаловаться на трудность и утомительность его. Почти невозможно понять, к чему должна была служить метода *Демосфена* – говорить с камнями во рту. Но всякий может понять ту пользу, какую он мог извлечь из своего „разговора“ с бушующими морскими волнами, потому что он выучился таким образом говорить в бурных собраниях своих сограждан. То же самое можно сказать и об его взбеганьи на горы, попытках говорить не останавливаясь. Это укрепило его легкие.

Мы обязаны употреблять всевозможные средства, чтобы усовершенствовать свой голос, которым должны возвещать дивное Евангелие Христово. Обращайте особенно внимание на произношение согласных, выговаривайте ясно каждую из них; они, так сказать, дают всему выражение. Неустанно старайтесь, чтобы не пропала ни одна из согласных. Об гласных заботиться так сильно нечего, они не пропадут и сами по себе. Во всех отношениях строго наблюдайте за собою, пока не овладеете вы вполне вашим голосом и не будете крепко держать его в руках. Попросите вашего друга указать вам ваши ошибки; или, что лучше еще, – человека, нерасположенного к вам, который будет строго относиться к вам и беспощадно критиковать вас. Для мудреца подобный критик – благословение, для дурака же он – невыносимая пытка! Чаше и усерднее исправляйте себя, иначе вы совершенно приметным образом впадете в ошибки, примете неверный тон или приучитесь к небрежным манерам. Вот почему повторяю, наблюдайте за собою усердно. Не считайте ничтожным ничего, что может помочь вашему усовершенствованию. Но только – смотрите, чтобы не привели эти ваши старания к тому, чтобы сделаться теми „щеголями на церковной кафедре“,

каких у нас не мало в последнее время... я слышал о людях, которые целую неделю приготавливаются к проповеди, изучая эффекты ее перед зеркалом! О, как жалок наш век, если мы не обращаем внимания на недостатки нашей духовной жизни, лишь бы только приобрести светский лоск! Лучше дикая, необработанная суровость проповедника девственных американских лесов, нежели парфюмированная грация этих людей, строящих из себя каких-то изнеженных бар! Не могу посоветовать вам так „кокетничать вашими голосами“, как не могу советовать также подражать „щегольской“ проповеди N. N., с его брильянтовым перстнем на руке, его раздушенным платком и лорнетом. Модные куклы не подходят к кафедре, им место на выставочном окне портновского магазина, где они могут красоваться с пришпиленным к ним билетиком: „Весь костюм в этом стиле, включая и рукопись, 200 долларов“.

Может быть, здесь своевременно также заметить, что хорошо сделали бы родители, если бы более обращали внимания на зубы их детей, так как плохие зубы приносят много вреда оратору. Есть люди с неправильным произношением, которым стоило бы лишь обратиться за советом к зубному врачу, чтобы исправить свой недостаток.

В заключение – хотелось бы мне сказать еще несколько слов о горле: *обратите внимание и на него*. Старайтесь о том, чтобы оно было всегда вполне чисто. (Один знакомый мне проповедник говорит всегда следующим образом: „Дорогие братья – гм, гм – это очень – гм – важный предмет, о котором я сегодня – гм, гм – хочу говорить, и гм, гм – я хотел бы попросить вас, подарить мне – гм, гм – усиленное внимание ваше“. Один молодой проповедник, очень желавший исправить свою речь, писал к N. N., прося его совета, как поступить ему в данном случае, у него была привычка очень растягивать слова. N. N. послал ему следующий лаконический ответ: „Любезный – э – брат – э! Когда – э – вы – э – проповедуете – э, – старайтесь – э – не – э – говорить – э – постоянно – э, э, э! Искренно – э – любящий – э – вас – э – э – э“..) Усердно старайтесь избегать подобных приемов. Все это очень понятно у человека, страдающего простудой, но очень неприятно, если обращается в постоянную привычку.

Итак, я призываю всех, кто одушевлен истинным усердием, истинною ревностью, будьте тверды в ваших стремлениях. Если чувствуете вы Слово Господне, подобно пламени, горящим в ваших членах, то вы преодолете все недостатки вашей речи, и боязнь далеко улетит от вас. Мужайся, юный брат, будь тверд. Господь, природа и тренировка опять помогут тебе.

Я не буду далее задерживать вас, выражу лишь еще желание, чтобы ваши грудь, легкие, дыхательные пути, горло, чтобы все ваши голосовые органы столь долго служили бы вам, пока вам более нечего уже будет говорить.

Внимание

Об этом чрезвычайно важном предмете вряд ли говорится в каком-либо учебнике гомилетики. Надо признаться, что это очень странно, так как этот вопрос важен и заслуживает даже далеко не одной главы в гомилетике. По всей вероятности думают г-да ученые гомилеты, что все их сочинения вполне достаточно наполнены рассуждениями об этом предмете, что им более нечего уже толковать о нем в отдельности. Им кажется, что он, подобно сахару в чаю, распущен у них в целом. А пропущенный между прочим вопрос ставит перед нами очень сложную и интересную задачу. Вот этот вопрос: *Каким образом можем мы привлечь и удержать внимание наших слушателей?* Мы непременно должны овладеть их вниманием, или иначе мы не будем иметь над ними ни малейшей власти. Мы должны также уметь удержать за собою это внимание, или мы иначе будем только все говорить и говорить, без малейшей надежды на успех.

Наши английские офицеры при обнародовании каких-либо военных правил всегда употребляют слово: „*Внимание!*“ Это же самое слово требуется нам, проповедникам, надписать и над всеми нашими проповедями. Для проповедника положительно необходимо серьезное, искреннее, напряженное и постоянное внимание всех присутствующих на проповеднических собраниях. Если мысли слушателей далеки от нашей темы, то они ведь не могут сердцем воспринять проповедуемой нами истины. То же самое будет и тогда, если мы не постараемся возбудить их духовные силы. Грех нельзя извлечь из человека, находящегося во сне. Наши слушатели должны бодрствовать. Они должны понимать, что говорим мы им, и должны принимать слушаемое к сердцу, иначе, пожалуй, будет все равно, как если бы мы заснули и сами. Есть такие проповедники, которые вовсе не заботятся о внимании своих слушателей. Они думают лишь о том, как бы заполнить время, назначенную для проповеди, а будет ли какая польза от проповеди для их прихожан, им безразлично. Я думаю, что, чем скорее заснут эти проповедники вечным сном и будут проповедовать лишь посредством надписей на своих могильных памятниках на кладбище, тем лучше! Некоторые из подобных пастырей обращают свои слова к вентиляционным отдушинам на потолке, словно стараясь привлечь к ним внимание небожителей. Другие же, напротив, не отрываю-ют глаз от своей книги, как будто они погружены в свои

мысли, принимают себя самих за своих слушателей и считают это очень почетным для себя. Зачем не проповедуют подобные люди в американских прериях, для назидания звезд небесных? Они имеют полное право сделать так, если их проповедь совсем не касается их слушателей; и если подобная проповедь представляет лишь разговор проповедника с самим собою, то чем пустынее будет в аудитории оратора, тем лучше. Разумный же проповедник (ведь они далеко не все разумны!) должен стараться заинтересовать своею проповедью всех своих слушателей, от мало до велика. Мы обязаны стараться не отвлекать внимания от проповеди даже детей. „Да кто же, — скажете вы, — будет стараться отвлекать их внимание?“ Уверяю вас, что это делает большинство проповедников, и если дети не ведут себя спокойно в их собраниях, то они часто бывают сами виноваты в этом. В самом деле, нельзя ввести в свою проповедь какой-нибудь маленький рассказец или какую-либо притчу ради этих деток? Нельзя разве уже никак привлечь их внимание и заставить их быть спокойными? Я часто разговариваю глазами с мальчиками из сиротского приюта, сидящими внизу моей кафедры. Мы, проповедники, должны стремиться к тому, чтобы взоры всех наших слушателей были устремлены на нас и чтобы уши всех их слушали только нас. Меня тревожит даже и то, если слепой не обращает ко мне своего лица. Если я замечаю, что кто-либо во время моей проповеди оглядывается по сторонам, шепчет что-нибудь или смотрит на свои часы, я сейчас говорю себе: это значит, что я неинтересно говорю и что я должен каким-бы ни было образом стараться возбудить внимание своих слушателей. Мне редко приходится жаловаться на это, но когда это случается, то я всегда осуждаю себя самого и признаю, что я не имею никакого права на чье-либо внимание, если я не умею сам возбудить его.

Бывают такие слушатели, внимание которых не легко привлечь и которые как-бы ни за что не хотят заинтересоваться вашею проповедью. Упрекать их — не приводит ни к чему; это все равно, что стараться поймать птицу букетом цветов. По большей части и в подобных случаях отнести упреки скорее к другой особе, — именно к себе самому. Помните ваш долг — непременно заставить слушателей быть внимательными к вашим словам. Вы должны стараться поймать рыбу на удочку, а если она не ловится, вы должны обвинять в том рыбака, а не рыбу. Заставьте своих слушателей быть спокойными и слушать то, что чрез вас говорит их душам Господь Бог. Тот проповедник, который советовал одной старушке нюхательный табак для отогнания сонливости, вполне заслужил

следующий ответ ее: я не чувствовала бы этой сонливости, если бы вы подкладывали немного нюхательного табаку в свою проповедь. Если мы хотим, чтобы нас слушали, мы непременно должны подкладывать нюхательного табаку или чего-нибудь подобного возбудительного в наши проповеди. Пожалейте и слушателей. Подумайте: ведь многим из наших слушателей весьма не легко отдавать нам свое полное внимание. Многие из них вовсе и не интересуются проповедью. Они не восчувствовали еще благодати Божией в сердце своем, а потому и само Евангелие еще не имеет особой цены в глазах их... Многие из них в течение всей недели удручены заботами. Вы должны приучить их обращаться со своими скорбями к Господу: но всегда ли вы это делаете? Вы думаете, легко отделаться от боязни и тревог? легко забыть больную жену и плачущих детей, оставшихся дома? Без сомнения, многие приходят в дом Божий, удрученные тяжелыми мыслями о своей земной доле. Поселянин думает о своем поле, которое нужно ему вспахать и засеять. Его заботит дурная погода, плохой вид его хлебов. Перед глазами купца носится только что опротестованный вексель, торговец заботится о потерях, которые несет он вследствие несостоятельности должников своих. Нельзя удивляться и тому, что благочестивое внимание некоторых из наших слушателей развлекается и цветными лентами на дамских платьях, и скрипом мужских сапог. Надоедливые мухи, верьте мне, без усталости жужжат вокруг. Веельзевул, их бог, изо всех сил старается, чтобы всюду, где только ни приготовлена Евангельская трапеза, было возможно более всевозможных неприятных помех для восседающих за нею. Сильно кусают эти мухи человека, которому вы проповедуете, и поневоле внимание его более обращается на них, нежели на вашу проповедь. И разве удивительно это для вас? Вы должны отогнать этих мух от них и привлечь к себе полное внимание ваших слушателей. Вы должны заставить их сойти с пути, по которому они следовали в течение всех 6 дней недели, и ввести их на новый, более достойный праздника. Вы должны иметь в себе достаточно силы, чтобы отвлечь вашу проповедью их мысли от земли и хотя бы только отчасти приблизить их к небу.

Очень часто устройство помещения и тяжелый воздух препятствуют слушателям сосредоточить свое внимание. Если место собрания – как, например, наша аудитория в эту минуту – совершенно замкнута для притока свежего воздуха, то присутствующим довольно уже дела позаботиться и о своем дыхании. Если приходится дышать воздухом, уже неоднократно побывавшем в легких других людей, то выходит из

колеи весь жизненный механизм человека и у слушателя скорее заболит голова, нежели тронется сердце. Самое важное для проповедника, — после благодати Божией и проповеднического искусства, кислород. Молитесь, да отверзнутся перед вами врата небесные, но начинайте с того, чтобы открыты были и окна вашего земного храма. Взгляните на многие подобные здания в наших провинциях, да и на многие городские часовни, и вы увидите, что в них окна даже и не могут открываться... Что сказали бы о *жилом доме*, окна которого были бы так устроены, что никогда не могли бы открываться? Нанял ли бы кто из вас подобное помещение? И тем не менее готический стиль и наше глупое честолюбие заставляют нас вместо здорового открывающегося окна делать в наших храмах лишь какие-то маленькие дырочки в потолке или птичьи западни в окнах. Вследствие этого наши общественные собрания делаются чем-то вроде печи, устроенной Навуходносором для Седраха, Мисаха и Авденаго. Если застрахованы эти капеллы, я готов бы был не молиться за их сохранение от пожара. Да и там, где могут открываться окна, они остаются закрытыми по целым месяцам, и воздух не очищается от одного воскресенья до другого. Это совершенно невозможное положение вещей. Я знаю, некоторые не обращают на это внимания. Я слышал даже такого рода замечания: лиса не умирает от зловония в своей норе. Но мы не лисицы, на нас тяжелый воздух наводит сонливость, и на наших слушателей также. Поток чистого воздуха, проходящий сквозь здание, есть настоящее благословение Божие для прихожан. Он дает им возможность лучше воспринимать возвещаемое им учение. Старайтесь проветривать помещения ваших молитвенных собраний в течение недели. В моей прежней капелле, в Царклэпе, я неоднократно говорил моим диаконам, что следовало бы совсем удалить верхние части оконных рам. Я много раз говорил об этом, но все-таки это не было исполнено. Наконец, как-то в один понедельник случилось, что многие из этих стекол оказались вынутыми. Смущение было велико, но виновника не нашли, а я был очень рад этому приходу кислорода в мою капеллу.

Иногда мешают вниманию слушателей их же собственные привычки. Они не привыкли быть внимательными. Они привыкли приходить в капеллу, но не любят слушать проповедь. Они привыкли осматривать каждого, входящего в капеллу. Они и сами входят в нее несвоевременно, зачастую производя при этом неприличный для места шум, топанье, скрип, хлопанье дверями. Я проповедовал однажды среди слушателей, которые постоянно озирались на входящих, и я придумал, как

помочь себе. Я сказал: „Друзья мои! так как вас очень интересует знать, кто входит сюда вновь и так как мне очень мешает, что вы постоянно оглядываетесь, то я лучше позволю себе описывать вам каждого входящего, только с условием, чтобы сами вы сидели спокойно и глядели на меня и чтобы было соблюдено в капелле таким образом хотя бы только внешнее приличие“. Я описал им первого вошедшего, оказавшегося к счастью моим другом, которого я легко мог описывать. Я описал его как „почтенного господина, который снял свою шляпу при входе“ и т. д. Но я увидел, что после этого опыта описывать далее мне не пришлось, потому что мой образ действия очень смутил моих слушателей. Он помог мне в данную минуту и, как надеюсь я уже раз на всегда, к моей великой радости.

Предположим теперь, что все это приведено вами в порядок. Вы очистили тяжелый, спертый воздух в вашем помещении, вы исправили дурные привычки ваших прихожан. Что же делать далее? *Первое золотое правило, чтобы возбудить внимание* ваших слушателей будет следующее: *Говорите всегда о том, что стоит слушать.* У многих людей есть инстинктивное желание слышать что-либо хорошее, полезное, и вы хорошо сделаете, если обратите на него внимание. Я не слишком строго поступлю, если скажу, что существуют такие проповедники, слова которых имеют необычайную связь с их мыслями; собственно говоря, слова их скрывают их мысли, если только они имеют какие-либо мысли. Подобные проповедники разбрасывают вокруг целые пучки соломы, между которыми, случается, попадает иногда и хороший колос. Но его ведь очень трудно найти. Никакое собрание долго не выдержит, если оно будет слышать лишь одни слова, слова, слова, слова, и более – ничего! Я не помню, чтобы среди 10 заповедей Господних была такая: „Ты не должен быть многоречив“. Но ее непременно следовало бы присоединить к заповеди: „Не укради?“, потому что бросать слушателям пустые слова вместо духовной пищи – это обман своего рода. Говорят, что „где многословие, там не без греха“. Это относится также и к проповедникам. Давайте вашим слушателям нечто такое, что как сокровище будут хранить они, о чем долго будут они размышлять. Сообщайте своим слушателям нечто такое, что может низвести на них благословение, благодатными чувствами наполнить их сердца. Давайте им только что спавшую с неба манну. Но давайте не все одно и то же и не все в одной и той же форме. Давайте им пищу возбуждающую, – нечто такое, для получения чего они в состоянии будут в полночь подняться с постелей своих или бежать на далекое расстояние... Вы вполне можете это исполнить. Итак,

поступайте таким образом, братья. Поступайте так всегда и вы будете вознаграждены таким вниманием, какое только вы можете пожелать от своих слушателей.

Ясно и отчетливо располагайте тот материал, который вы предлагаете вашим слушателям. От этого зависит многое. Можно нагромоздить массу прекрасных самих по себе предметов, из которых выйдет ужасная смесь. Однажды, будучи еще мальчиком, я нес из лавки в корзине фунт чаю, четверть фунта горчицы и фунт рису. По дороге встретила мне свора охотничьих собак. Я помчался за ними через рвы и плетни. Когда же вернулся домой, о, в какую ужасную кашу обратились мой чай, горчица и рис! Итак, каждый предмет должен быть хорошо упакован в отдельности и крепко связан нитью проповеди. Это-то и заставляет меня придерживаться уже устаревшей теперь методы: во 1-х, во 2-х, в 3-х. Никто не захочет пить горчичного чаю; точно также никому не понравится подобная смесь в проповеди... Давайте вашим слушателям истину в таком точном, логическом распределении, чтобы они легко могли усвоить и удержать ее не только в памяти, но и в своем сердце.

Старайтесь о простоте, удобопонятности вашей речи. Помните, ни одному человеку не может принести пользы самый превосходный материал, если он его не понимает. Если вы будете употреблять выражения свыше разумения ваших слушателей, то это все равно, как если бы вы говорили им на камчатском языке. Станьте на точку зрения бедняка и обратите серьезное внимание на степень образования вашего слушателя. Вы улыбаетесь по поводу моих выражений, но я думаю, что это необходимо. Нужно вступить самому на путь, по которому идут наши слушатели, а не взирать на них лишь с высоты своего величия. Кто может сравниться в проповеди с нашим Господом? А Он никогда не говорил ни с кем свыше разумения его, исключая, конечно, тех случаев, когда Он говорил о величайших тайнах нашего спасения. И вы излагайте все тонко и глубоко обдуманно, ясно и просто и можете быть уверены, что легко найдете дорогу к разумению и к сердцу ваших слушателей.

Обратите внимание на способ вашего изложения и тут старайтесь возбудить внимание своих слушателей. И здесь хотелось бы мне сделать непременно правилом для каждого проповедника следующее: не читайте нашей проповеди! Мало было таких проповедников, которые бы производили сильное впечатление на слушателей, читая свои проповеди, как например, Чальмерс. Но ведь его стали бы слушать с не меньшим вниманием, если бы он и свободно говорил свои

проповеди. При этом нужно всем нам твердо помнить, что мы-то – ведь не Чальмерсы... Такие люди, как он, могут и читать на кафедре, если им это нравится; но для нас есть „лучший“ путь. Лучшее чтение, когда-либо слышанное мною, все-таки пахнет бумагою и словно останавливается в горле. А я не думаю, чтобы бумага была хороша для пищеварения. Во всяком случае лучше обходиться без рукописи. И лучше всего говорить без рукописи, а также и не наизусть. Если же нельзя обойтись без чтения, то следует уже читать наивозможно лучшим образом. Только в таком случае можно надеяться привлечь к себе внимание слушателей.

Я присоединяю сюда еще следующее замечание: если вы *хотите, чтобы вас слушали, то не говорите без приготовления, экспромтом, в буквальном смысле этого слова.* Это столь же плохо, как и читать, или даже еще хуже, если проповедь написана экспромтом. Не входите на кафедру, чтобы рассказать с нее первое, что придет вам в голову, потому что это первое в человеческой голове обыкновенно есть не что иное, как лишь бессодержательная пена, верхушки мысли. Слушателям нужно подносить пищу не в сыром виде, но хорошо уже приготовленную. Мы должны говорить из самой глубины души нашей живою речью. Предмет нашей проповеди должен быть тщательно, основательно изучен нами, даже еще основательнее, чем это мог бы сделать проповедник, переводящий свою проповедь на бумагу. По моему мнению, лучшая метода в данном случае та, когда импровизируется не предмет проповеди, но слова, которыми он излагается. Если отдельные выражения и явятся у вас в случае необдуманности, за то они будут живыми, естественными, невымученными и живым эхом отдадутся в сердцах многих.

Затем, чтобы привлечь внимание ваших слушателей, старайтесь говорить приятнее с внешней стороны. Не говорите, например, все одним и тем же монотонным голосом. Изменяйте ваш голос, смотря по надобности. Изменяйте также скорость или медлительность вашей речи, изменяйте и звучность ее, тщательно избегайте нескладной певучести. Не говорите постоянно в одном и том же диапазоне. Говорите, когда нужно, и басом, гремите, как гром, в другое же время – говорите вашим собственным голосом, как говорите вы всегда и везде. Разнообразие – во что бы то ни стало!

Человек любит разнообразие, и Господь даровал нам его. Мы видим его и в природе, и в жизни, и в проявлениях Божественной благодати; да будет же оно и в нашей проповеди. Я не хочу очень сильно настаивать на этом пункте, потому что были и такие проповедники, которые умели возбудить

и поддержать интерес слушателей содержанием своей проповеди, несмотря на несовершенство ее формы. Если бы присутствовал теперь здесь пуританский проповедник N. N., то я бы поручился за внимание слушателей к его словам, хотя он и сильно заикался. Нам не приходится долго искать, чтобы найти подобные примеры в современном обществе, так как их очень много; но мы можем вспомнить, что и Моисей не был красноречив, а тем не менее все внимательно слушали его слова. Кажется, то же самое можно сказать и об апостоле Павле. Духовная власть его над верующими была весьма велика, и все-таки внимание его слушателей ослабевало, если слишком долга бывала его речь; *один* из слушателей его, по крайней мере, заснул во время его проповеди, что имело даже серьезные последствия.

Многое зависит от формы. Если же приготовили вы превосходный материал для вашей проповеди, то было бы очень жалко предоставить его слушателям лишь в скудной форме; царю нельзя ехать в тележке для сору; с высокими истинами благодати нельзя обращаться неряшливо. Для истинно-царских истин подобает золотая колесница. И если люди не желают обращать внимания на эти истины, то не давайте им, по крайней мере, извинительного предлога к тому. Если не можем мы исправить себя в этом отношении, тогда постараемся хотя вознаградить наши недостатки большею вескостью содержания.

Не делайте слишком долгим вашего вступления. Не следует пристраивать слишком большой галереи к маленькому домику. Одна почтенная христианка слушала однажды проповедь Джона Гоу, и так как вступление в нее продолжалось более часу, то она сделала замечание, что уважаемый проповедник так долго накрывал скатерть, что у слушателей прошел аппетит к трапезе. Итак, быстрее накрывайте ваш стол и стучите тарелками и ножами. Может быть, случалось вам видеть издание Доддриджа о „Возникновении и развитии духовной жизни в душе человека“, — издание, к которому Джон Фостер написал введение. Это введение, или вступление не только гораздо обширнее, но и несравненно лучше самого сочинения. Автору трудно надеяться, что, прочитав вступление, кто-либо будет читать его книгу. Неужели же не нелепо это? Избегайте всего подобного в ваших проповедях. Я стараюсь делать свои вступления так, чтобы слушатели только знали, о чем будет идти речь. Если вступление служит лишь этой цели, оно может быть очень интересно. Хорошо возбудить внимание людей сигнальным выстрелом, чтобы дать им возможность приготовиться к последующему. Не начинайте прямо с самого

захватывающего душу, но сделайте так, чтобы все с интересом ожидали того, что вы дадите им. Да не будет ваше вступление торжественным, высокопарным введением в ничто, но да послужит оно лестницей к достижению лучшего. Будьте животворны с самого начала.

Никогда не повторяйтесь в вашей проповеди. Я часто слышал одного богослова, у которого была привычка после каждых 10–20 предложений говорить: „Как я уже заметил“, или: „Я повторяю, что я сказал уже“. Бедняга! так как вообще он не говорил ничего особенного, то повторение этого еще более обнаруживало скудость целого. Если сказано что-либо очень полезное и сказано внушительно, то к чему же еще повторять это? Если же сказан был пустяк, то зачем выставлять его на показ вторично? Иногда повторение некоторых немногих предложений может произвести впечатление; но все может быть хорошо, если будет вполне естественно, и очень дурно, если обратится в привычку. И чему же в таком случае и удивляться, что люди не обращают достаточно внимания на что-либо, выслушиваемое им в первый раз, если они знают, что проповедником непременно все будет снова повторено? *Далее, не повторяйте все одни и те же мысли*, только облекая их в иную форму или выражаясь другими словами. Всякое новое предложение ваше пусть заключает в себе что-либо новое. Не ударяйте вашим молотком все по одному и тому же гвоздю. Библия очень обширна, покажите же ее вашим слушателям во всем ее объеме. Не считайте должным каждый раз, как проповедуете вы, излагать все содержание богословской науки по методу N. N. Я говорю это не для умаления его достоинства; его метода превосходна, когда она касается учебника богословия, но она негодна для проповеди. Я знаю одного богослова, напечатанные проповеди которого читаются, как богословское сочинение. Они пригодны поэтому более для чтения в аудитории, но не для церковной кафедры, и не производят почти никакого впечатления на прихожан. Нашим слушателям требуется свежее, сочное мясо, а не сухие кости технических определений. Эти различия и определения очень полезны; но если они занимают большую часть проповеди, то напоминают того молодого человека, вся проповедь которого заключалась в развитии различных определений. Один старец-диакон заметил относительно его сочинения: он забывал еще об одном „различии между мясом и костями...“

Если хотите сохранить внимание слушателей, то и не *говорите слишком долго*. Один старик-проповедник говорил одному молодому человеку, проповедовавшему целый час: „Гово-

рите, друг мой, о чем вы хотите, мне это все равно; но только не говорите более 40 минут“. Это совершенно верно, 40 минут или никак не более 3/4 часа – это мера, далее которой никогда не следует идти в проповеди. Если кто не может в течение этого времени высказать всего, что намерен, то он не выскажет этого и в большее время. Следует также позаботиться о слушателях или, по крайней мере, иметь сожаление к ним и не задерживать их слишком долго. Предмет вашей проповеди не будет жаловаться на вас, но слушатели ваши будут непременно...

Краткость – это такая добродетель, обладать которою мы должны все; не будем же терять возможности получить чрез нее доброе расположение наших слушателей. Если же вы спросите меня, как достичь того, чтобы проповедовать кратко, то я отвечу: *лучше приготовляйтесь к проповеди!* Проводите больше времени в вашем рабочем кабинете, чтобы не оставаться долго на кафедре. Обычно мы тогда проповедуем долго, когда нам нечего сказать. Хорошо подготовив свой материал, проповедник не останется на кафедре более 40 минут; если материала у него немного, он проговорит и 50 минут; если же ему ровно нечего сказать, он не сойдет с кафедры ранее часу. Обращайте внимание на второстепенные предметы; они также помогут вам поддержать внимание слушателей.

Если желаете вы пользоваться вниманием серьезным и постоянным, *то это тогда лишь может случиться, когда приведете вы слушателей в возвышенное, благочестивое настроение.* Если ваши прихождение любознательны исполнены молитвенного духа, деятельны, серьезны, благочестивы, то они и явятся уже в дом Господень с намерением получить эту благодать. С тихою, сердечною молитвою ко Господу, да дарует Он им свое благословение чрез вас. Когда займут они свои места в храме, они будут внимать каждому слову вашему и не утомятся. Они будут жаждать минут святого благословения, потому что по опыту уже знают сладость небесной манны и соберут свою долю. Никто еще не превосходил в этом отношении моих слушателей. Между такими слушателями проповедник чувствует себя, как дома. Мне сравнительно легко проповедовать в моей капелле; мои прихожане являются туда с твердым намерением услышать нечто полезное, и это намерение их много способствует тому, что их ожидания исполняются. Если бы они слушали и другого проповедника с подобным же намерением, то я уверен, что и он бы удовлетворил их. Исключения, разумеется, бывают везде.

Только что вступивший в свою должность проповедник не может, конечно, ожидать того напряженного, сосредоточенного внимания, какого достигает тот, кто стоит среди своих прихожан, как отец между детьми, связанный с ними тысячью воспоминаний, уважаемый ими за свои лета и свою опытность. Вся наша жизнь должна быть такова, чтобы она чувствовалась в наших словах, чтобы и в позднейшие годы мы могли бы говорить с neodолимым красноречием и заслужили бы не только внимание, но и полное любви уважение со стороны нашей паствы. Христианская община, жаждущая Истины, и пастырь, серьезно стремящийся утолить этот духовный голод ее, всегда будут находиться в полном гармоническом единении между собою, если целью их общих стремлений будет Слово Господне.

Если желаете вы еще совета, как удержать за собою внимание слушателей, то я скажу вам: *интересуйтесь сами вашим предметом*, и тогда вы заинтересуете им и других. Этими словами сказано более, нежели кажется; и я намерен потому употребить здесь прием, о котором только что отзывался как о негодном, — а именно, я повторяю мою фразу: *заинтересуйтесь сами своею проповедью*, и вы непременно заинтересуете ею других. Предмет проповеди должен так сродниться с вашею душой, что вы невольно посвятите изложению его все свои духовные силы; и когда заметят ваши слушатели, насколько вы проникнуты им сами, то невольно постепенно проникнутся им и они.

Чему удивляетесь вы, что люди не слушают речей человека, не чувствующего в собственной душе всей важности того, что он проповедует? Чему удивляетесь вы, что они слушают его не с полным вниманием, если и он сам даже говорит не от своего сердца? Чему удивляетесь вы, что мысли их более обращаются на предметы, имеющие действительное значение в их жизни, если проповедник теряет драгоценное время, говоря о вещах, которые он как-бы сам признает чисто фиктивными? Ромэн говорил, что хорошо обладать *даром проповедничества*, но что несравненно важнее — умение понять сущность его. Великая истина заключается в этих словах. Сущность, так сказать, сердце проповеди — умение вложить в нее свою душу, все горячее усердие свое, вложить так, словно бы дело шло о собственной жизни вашей. Где это чувствуется, там ваши стремления возбудить внимание слушателей уже почти достигнуты. С другой стороны, как можете вы надеяться снискать внимание ваших слушателей одним лишь усердием, когда вам нечего сказать им? Не будут же люди постоянно стоять у двери, чтобы слушать один барабанный

бой? Они выйдут, наконец, узнать, в чем дело? И когда найдут они лишь „много шума из ничего“, то, разумеется, затворят за собою дверь и скажут: „ты нас обманул, и это нам не нравится“. Если вы имеете что сказать своим слушателям, говорите от всего вашего сердца, и тогда ваши прихожане сядут у ног ваших.

Почти лишнее говорить здесь о том, что ради слушателей мы должны *иллюстрировать наши проповеди*. („Иллюстрации“ – это краткое, но многосодержательное английское выражение для всякого рода толкований, сравнений, доказательств и т. д. посредством картин, притч, примеров, маленьких историй и т. п.) Мы можем в этом случае опереться на пример, данный нам Самим Господом. Почти все лучшие проповедники всегда пользуются большим количеством картин, притч, аллегорий и рассказов. Но не злоупотребляйте этим. Я читал недавно дневник одной немки, перешедшей из лютеранства в наше вероисповедание. Она говорит о селении, в котором живет: „У нас есть здесь миссионерская станция, откуда выходят молодые люди, чтобы проповедовать нам. Я не хочу критиковать этих молодых проповедников, но они рассказывают нам массу хороших маленьких историй, и я не думаю, чтобы они могли еще что-нибудь сказать нам кроме этого. Только я уже слыхала некоторые из этих историй прежде; и потому появление их не служит к моему назиданию, как то было бы, если бы я услышала еще раз какую-нибудь спасительную истину из Св. Писания“. Подобные мысли, без сомнения, приходили в голову и другим. „Хорошенькие истории“ очень полезны, но никоим образом не следует делать их главным содержанием своей проповеди. Остерегайтесь этих „хорошеньких маленьких историй“, потому что они уже отжили свой век. Многие из них я слыхал так часто, что мог бы повторить их здесь, но не нахожу в этом надобности... Остерегайтесь также тех обширных народных сборников этих „иллюстраций“, которые находятся в руках всех наших школьных учителей, потому что никто не будет благодарить вас за повторение того, что давно уже знают все наизусть. Если рассказываете вы какую-либо „историю“, пусть будет она свежа и оригинальна. Смотрите зорче и собственными руками собирайте для себя цветы в полях и садах; букеты из этих цветов будут несравненно красивее, нежели засушенные экземпляры, взятые вами из старых букетов, собранных другими людьми, как бы ни были они когда-то красивы. Употребляйте обильно подходящие „иллюстрации“, но пользуйтесь ими более как картинками, вытекающими из самого дела, нежели как притчами, заимствованными из чужих источников. Не думайте,

что все зависит от этого „иллюстрирования“. Оно лишь – окошечко в вашем здании. Но для чего весь свет, что льется чрез него в комнату, если в комнате не находится ничего, что мог бы осветить он? Украшайте ваши блюда, но не забудьте, что главное – это жаркое, подаваемое на них, а не их украшения. Вы должны преподать вашим слушателям истинное назидание; иначе вы увидите, что ваши украшения не удовлетворят их, и они по-прежнему будут жаждать духовной пищи.

Упражняйтесь также и в том, что Тэйлор называет „действием неожиданности“. Здесь великая сила для возбуждения внимания слушателей. Не употребляйте выражений, которых все ожидают. Не идите старым, уже проторенным путем. Если вы сказали: „единый источник блаженства – благодать Божия“, то не всегда присовокупляйте к этому: „а не собственные наши заслуги“, но измените ваше выражение и скажите: „источник блаженства – благодать Божия; сознание собственной праведности не может нам дать его“. Я опасаясь, что не сумею передать достойным образом выражения Тэйлора. Он говорит: „Некоторые из нас делают мало успеха в христианской жизни, потому что обычно люди делают лишь несколько шагов вперед и затем поспешно снова возвращаются назад. Как корабль, подвергшийся течению прилива и отлива, так и вы – делаете некоторое время прекрасные успехи, а затем, – как это выразился он? – внезапно снова бросаетесь в грязную боковую бухту“. И не сказал ли он еще: „Он уверен, что если они обратятся, то останутся верны и не пустят свои стада на хлебные поля соседа“. Своевременное применение этой системы может сосредоточить и поддержать внимание слушателей. В прошлом году я был в Ментоне на берегу Средиземного моря и сидел на взморье. Тихо вздымались волны, прилива не было почти никакого, так как ветер совершенно утих. Волны так спокойно набегали одна другую, что я даже не обращал на них внимания, хотя они разбивались почти у самых ног моих. И вот, словно повинувшись какому-то новому побуждению, внезапно налетела высокая волна и обдала меня с ног до головы. Можете представить себе, как ни спокоен был я до тех пор, но тут вскочил в одно мгновение и бросил все свои мечтания. Я сказал находившемуся около меня моему сослуживцу: „Это показывает нам, как должны проповедовать; мы должны поразить своих слушателей чем-нибудь неожиданным, чтобы разбудить их“. Братья, нападайте неожиданно! Пусть при ясном небе блистает ваша молния! пусть раздражается гроза, когда все ясно и спокойно кругом: она будет тем ужаснее, по контрасту. Но не забывайте, что все будет тщетно, если задремлете вы сами. Вы спросите: возмож-

но ли это? Не только возможно, но постоянно совершается, каждое воскресенье! Многие проповедники излагают всю свою проповедь словно в каком-то полусне. Кажется, будто они еще не проснулись с ночи и не в состоянии пробудиться, пока не прогремит пушечный выстрел над самым ухом их. Тихая речь, обветшалые выражения и мрачное однообразие составляют всю их проповедь, а они удивляются еще, что люди, слушающие их, так сонливы! Должен признаваться, я не удивляюсь ничему в данном случае.

Очень полезное вспомогательное средство возбудить внимание слушателей – это производимая время от времени пауза. Если вы будете по временам сдерживать ваших лошадей, то пассажиры в экипаже непременно проснутся. Мельник засыпает под шум мельничных колес, но если они почему-либо внезапно остановятся, он тотчас же вскакивает и спрашивает: „что случилось?“ Если ничто не в состоянии преодолеть сонливости, одолевавшую людей в жаркий летний день, то проповедуйте возможно короче. Один проповедник, видя, что его слушатели готовы заснуть, сел на свое место и сказал: „Я увидел, что все вы хотите отдохнуть, и мне тоже захотелось отдохнуть“. Он однажды едва начал свою проповедь, как заметил, что его слушатели начинают дремать. Тогда он воскликнул: „Друзья, друзья, друзья, это не годится. Я много раз думал, что я виновен в вашей сонливости; но теперь вы засыпаете еще прежде, чем начал я говорить. Теперь виновны вы сами. Прошу вас, пробудитесь и дайте мне возможность принести вам пользу“. Совершенно верно! Научитесь вовремя приостанавливаться. Умейте прерывать вашу речь возбудительными паузами молчания. Речь – серебро, молчание же – золото, если слушатели невнимательны. Если же будете вы все продолжать вашим тихим, певучим тоном, то вы окончательно убаюкаете ваших слушателей; если же разбудите вы их подобным образом, их сон улетит далеко.

Еще раз обращаю ваше внимание, что если вы хотите, чтобы вся проповедь ваша была прослушана вашими слушателями внимательно, то сделайте так, чтобы *слушатели почувствовали*, что вы заинтересованы в том, что вы говорите им. Этот пункт очень важен, чтобы никто не спал в то время, когда может услышать что-либо полезное для себя. Мне приходилось слышать много странного; но я никогда не слышал, чтобы кто заснул в то время, когда читалось чье-либо завещание в его пользу, или чтобы осужденный заснул во время чтения приговора о себе. В чем человек заинтересован, на то он обращает особое внимание. Проповедуйте на захватываю-

щие, жизненные темы, о предметах важных, интересующих слушателей в данную минуту - и вас будут слушать со вниманием.

Хорошо также, если вы не будете *позволять*, чтобы *церковные служители ходили по церкви* во время проповеди для исправления каких-либо своих обязанностей.

Нам нужно мягко, но в то же время и твердо увещать наших прихожан не *опаздывать* в храм. Я убежден, что во всех помехах в богослужении, расстраивающих наши нервы и рассеивающих наши мысли, действует рука лукавого. Для достижения своей цели ему хорошо все средства: хлопанье дверями, стук упавшей палки, крик ребенка; потому мы обязаны даже убеждать наших слушателей не отклонять от себя благодать Божию, потворствуя этим нападением злого духа.

В начале этой лекции я сообщил вам золотое правило, как поддержать внимание ваших слушателей: говорите всегда что-нибудь такое, что стоило бы слушать. Теперь же я даю вам еще драгоценнейшее правило, которым и закончу эту свою лекцию. *Говорите всегда в силе Духа Божия*; тогда не возникнет и вопроса, будут вас слушать или нет. Идите на проповедь прямо из вашей сердечной клетки, прямо с беседы с Богом, чтобы передать людям слова Божии со всею вашею духовною силою - и вы получите полную власть над ними. Ваши слова обратятся тогда в золотые цепи, в которые закуете вы ваших слушателей. Когда говорит Бог, человек должен слушать; хотя бы Он говорил чрез посредство жалкого, слабого человека, тем не менее величие возвещаемой истины даст силу его голосу. Вашей силой должна быть власть, получаемая вами свыше. Мы говори вам: развивайте ваше красноречие, изучайте все области науки; пусть будет наша проповедь и в духовном, и в риторическом отношениях тем, чем она должна быть (а вам не следует довольствоваться малым в столь важном деле), но постоянно твердите себе: возродить духовно человека мы можем „не собственною силою или властью“, а „только Духом Моим, говорит Господь“. Разве не случается вам чувствовать в себе иногда особое усердие, чувствовать в самой глубине души вашей присутствие Духа Божия? В такое время ваши слушатели будут внимательны; но если не дано вам этой силы свыше, то вы будете лишь игроком, играющим на прекрасном инструменте, или певцом, ясным голосом исполняющим хорошенькую песенку, но ваша игра или ваше пение будут лишь услаждать слух, но не достигнут сердца слушателей. Если же не трогается сердце, утомится скоро и слух. И

потому, да будете вы одеяны силою Духа Святого и проповедуйте тогда людям во славу и в возвеличение имени Божия.

И да будет с вами, братья, Сам Господь, когда выступите вы во имя Его и воскликните: „Имей уши слышати, да слышит!“

Импровизация

Мы не намерены здесь разбирать вопрос о том, нужно ли сначала писать проповедь, а затем уже читать ее по тетрадке или же писать и потом уж говорить ее наизусть; нужен ли предварительно только один конспект. Решением этих вопросов нам теперь нет нужды заниматься, мы можем коснуться всего этого лишь мимоходом. Сейчас мы будем говорить исключительно лишь об импровизации в ее наиболее истинном и основном виде, будем говорить о проповеди без специального приготовления к ней, без предварительных замечаний, даже предварительного размышления о теме проповеди.

Прежде всего заметим, что мы никому не советуем проповедовать подобным образом. Этот прием представляется нам в большинстве случаев лучшим средством разогнать всех своих слушателей. Необдуманные, без всякого предварительного размышления возникающие в голове проповедника мысли не всегда могут представлять интерес даже и тогда, когда авторами их бывают и наиталантливейшие люди. А так как никто из нас не имеет столь мало совести, чтобы выдавать себя за гения или чудо учености, то очень опасаясь я, что нами необдуманные рассуждения не особенно будут заслуживать внимания наших слушателей. Внимание прихожан можно привлечь лишь посредством действительно содержательной, поучительной проповеди; ведь недостаточно для них простого наполнения времени декламацией. Человеческие души везде требуют пищи, настоящей пищи. Тех новомодных мечтателей, все публичное богослужение которых состоит в том, что лишь кто-нибудь из них – тот, кому это придет на ум в данную минуту – вскочит на кафедру, чтобы показать людям свой умразум, – этих мечтателей, несмотря на всю приманку, представляемую ими для людей невежественных, обычно постигает участь весьма скорого разочарования. Ведь даже безумнейшие люди, воображающие, что Дух Божий может говорить чрез всякого человека, скоро пресыщаются, слушая болтовню подобных проповедников, как ни любят они выставлять свою собственную. А все истинно благочестивые люди, утомляясь проявлением столь скучного невежества их, обращаются обычно к другим проповедникам, переходя туда, где им преподается с кафедры более членораздельное основательное учение. Даже квакерская секта, несмотря на все свои превосходные свойства, не в состоянии была оживить той скудности мыслей и учения, которою развивали в своих

поучениях ее проповедники-импровизаторы. Вообще проповедь, наперед не продуманная, есть нечто невозможное и даже вредное. Св. Дух не давал нам обещания посылать верующим духовную пищу чрез проповедников-импровизаторов. Он никогда не будет делать за нас то, что можем и должны сделать мы сами. Если мы можем изучать что-либо, но не хотим, если имеем возможность подготавливаться к проповеди и не делаем этого, то мы не имеем никакого права просить помощи и от Господа. Лень и нерадивость наша не могут быть вместе с Божией помощью. Промысл Божий обещал давать земную пищу Своим людям; но если мы не будем заботиться о приготовлении ее, надеясь на то, что Господь в должную минуту подаст нам ее Сам, то, конечно, наше безумие будет наказано голодом. То же самое должно быть относительно и духовной пищи, с той только разницей, что органы духовного пищеварения человека вряд ли столь же выносливы, как его желудок.

Итак, не пробуйте, господа, следовать методу, столь неудовлетворительной вообще и даже в самых исключениях своих. Всякая проповедь должна быть строго подготовлена и обдумана проповедником; и каждый проповедник, с молитвою о руководительстве свыше, должен возможно глубже вникать в свой предмет, должен напрячь все свои духовные способности, должен собрать все материалы для нее, какие только может. Он должен рассмотреть свой предмет со всех сторон, основательно обдумать его, так сказать, пережевать и переварить его. Когда напитается он сам Словом Божиим, тогда только в состоянии он будет приготовить подобную же пищу и для других. Наши проповеди должны быть нашею духовною, жизненною кровью, изливанием наших духовных сил или, употребив другое сравнение, они должны быть хорошо отполированными и оправленными драгоценными камнями, носящими ясные следы нашей работы над ними. Да не осмелимся же мы представить нашему Господу что-либо такое, над чем мы вовсе не потрудились!

Усердно предупреждаю я вас всех от чтения наших проповедей, советую вам напротив как очень полезное упражнение и как очень серьезное вспомогательное средство для достижения способности говорить свободно - частую переписку их. Тем из нас, кто занимается письмом в другой форме, например, пишет для печати, - тем это упражнение не столь необходимо. Но если не занято ничем иным ваше перо, то вы хорошо сделаете, если будете записывать и тщательно просматривать хотя некоторые из ваших проповедей. Оставляйте их у себя дома, но все-таки записывайте их, чтобы сохранить себя от

нерадивости, неряшливости в письме. М. Бутэн в своем превосходном сочинении о „свободной речи“ пишет следующее: „Никто не выучится хорошо говорить публично, если не достигнет сначала господства над собственными мыслями так, чтобы быть в состоянии разлагать их на части, анализировать их начальные основания, а затем снова воссоединять их, смотря по надобности, снова собирать их и синтетически концентрировать. Но этот анализ мыслей, проходящий перед нашими духовными очами, может быть достигнут лишь посредством записи их. Перо — это скальпировальный нож, разлагающий мысли, и только запись всего, представляющегося нашему внутреннему взору, может помочь нам достигнуть ясного понимания заключающегося в этом представлении и точного определения границ его. Тогда только можем мы понять самих себя и дать понять себя другим“.

Мы не рекомендуем учить проповеди наизусть и говорить их на память, потому что это лишь утомительное упражнение, а также и ленивое нерадение о своих высших способностях. Наилучший и наиболее полезный способ в данном случае — это мысленно собрать наивозможно обширнейший духовный материал и передать его затем слушателям в наиболее подходящих выражениях, представляющихся нам в данную минуту. Это не будет импровизацией; здесь импровизируются лишь только слова, но мысли, высказываемые этими словами — плоды труда и изучения. Только неразумным людям может показаться легким этот прием; на деле же это наиболее трудный и вместе наиполезнейший способ проповедования, представляющий собою замечательные достоинства, о которых я не могу говорить здесь подробнее, так как это слишком далеко отвлекло бы нас от нашего предмета.

Мы будем говорить сейчас о настоящей, чистой импровизации или свободной речи. Приобрести способность говорить свободно в высшей степени необходимо проповеднику. Не страшитесь! Достигается эта способность в большинстве случаев лишь небольшими усилиями. Многие уже обладают ею от природы, и вовсе нельзя сказать, что эта способность слишком редкий дар. Итальянским импровизаторам она свойственна в столь значительной степени, что они в состоянии прочесть экспромтом целые сотни, даже тысячи стихов на данную им тему. Они не задумываясь сочиняют целые поэмы или трагедии, они могут говорить непрерывно целые часы на злобу минуты. Их печатные произведения редко когда возвышаются над посредственностью, но впрочем, один из них, *Перфетти*, завоевал себе лавры, достойные *Петрарки* и *Тассо*. И в настоящее время многие из них импровизируют

стихи, подходящие к пониманию публики, с напряженным вниманием слушателей их. Почему же не можем мы достигнуть такой же способности говорить свободно прозой? Конечно, мы не в состоянии будем говорить стихи, да нам эта способность и не нужна. Многие из вас пробовали, конечно, писать и „стихи“ (кто из нас не грешен этим в „слабые“ минуты!), но теперь, когда все наши мысли обращены на трезвую прозу жизни и смерти, на рай и ад для нераскаянных грешников, — теперь нам уже не до этих „ребячеств“. (Уэсли счел нужным сказать: „Не пойте самими вами составленные песни“. Обычай декламировать стихи собственного производства очень распространен был между современными ему богословами; надеемся, что теперь его уже не существует.)

Многие *адвокаты* обладают в высшей степени даром свободной речи. Этим господам нужно же иметь хотя какие-нибудь качества! Несколько недель тому назад велся процесс против какого-то бедняги, обвинявшегося в ужасном преступлении — в сочинении ругательного письма против одного адвоката; и счастье его, что не я был его судьей, потому что я осудил бы его непременно проводить всю остальную жизнь свою под перекрестным допросом... Но господа адвокаты большею частью очень искусные ораторы; и очень понятно, почему они должны хорошо говорить экспромтом, потому что они никогда не знают, что скажут им свидетельские показания, куда направить их темперамент судьи или представления противной партии. Как ни хорошо подготавливаются они к публичному выступлению, всегда могут явиться перед ними новые точки зрения, для рассмотрения которых требуется ясный разум и умение бегло говорить. В самом деле, часто с удивлением замечал, что остроумные, смелые ответы адвокатов в наших судах иногда словно валяются с неба или из их рукавов. Но что может сделать поверенный по делам своего клиента, вам, конечно, следует быть в состоянии сделать то же по управлению великим делом Божиим спасения людей. Нельзя же, чтобы в судах говорили лучше, нежели с высоты церковной кафедры. Нам, с помощью Божией следует быть столь же искусными в употреблении духовного оружия, как и другим людям, кто бы они не были и в чем бы то ни было.

Некоторые известные члены парламента блестящим образом развили свой дар свободной речи. Но между всеми пытками, которым подвергается человеческий слух, нет более мучительной, как слушать заурядного парламентского оратора в Верхней или Нижней Палате. Можно бы даже предложить — отменить смертную казнь и назначать преступникам вместо

нее выслушать ряд скучнейших парламентских ораторов. Но да воспрепятствуют этому члены „Королевского общества попечения о человеколюбии“! Однако некоторые из членов высокого Собрания умеют говорить экспромптом, и хорошо умеют. Я представляю себе, что многие из превосходных речей, произнесенных там *Джоном Брайтом*, *Гладстоном* или *Дизраели*, были не что иное, как мощные струи, внезапно вырвавшиеся ключом из кипящего гейзера, как выразился бы *Соути*. Разумеется, они тщательно обрабатывали свои длинные речи о бюджете, о билле, о реформах и т. п.; но многие из их более кратких речей, без сомнения, были внушены той или другой данной минутой, и тем не менее, они производили на всех чрезвычайное впечатление. Почему же должны народные преставители обладать большим красноречием, нежели представители великих небесных истин на земле? Братья, усердно стремитесь к этому несравненному дару и старайтесь приобрести его всеми силами.

Вы все, конечно, убеждены в том, что дарование, о котором говорим мы, чрезвычайно важно для проповедника. Но если кто-либо из вас скажет теперь в душе своей: „Я бы желал обладать им, тогда не нужно было бы мне столь напряженно трудиться!“

В таком случае вам не к чему и желать его, потому что вы недостойны и обладать таким сокровищем и его не следует вручать вам. Если вы желаете сделать из него лишь помощницу вашей лени и нерадивости, то вы очень ошибетесь; обладание этою благородною силою будет для вас непосильным бременем, оно лишь усугубит вашу работу. Оно подобно волшебной лампе в сказках, которую надо долго натирать, если хочешь, чтобы она светила, которая снова превращается в тусклый шар, как только останавливается это трение.

Мы слышали уже о людях, которые из одного тщеславия берутся проповедовать экспромптом на любой, данный им текст; но подобные зрелища в высшей степени противны и граничат с нечестием. Исполнять это все равно, что показывать фокусы вашим слушателям. Наши дарования даны нам для лучших целей. Я надеюсь, что вы не будете так унижать их. Подобные фокусы хороши где-нибудь в другом месте, но на церковной кафедре они, хотя бы исполнителем их был сам *Боссюэт*, отвратительны.

Дар свободной речи уже потому бесценен, что посредством его мы получаем возможность высказывать свои мысли надлежащим образом, как того требуют случайно сложившиеся обстоятельства. А подобные обстоятельства всегда могут возникнуть. Неожиданности возникают везде;

возникают они даже в наилучшем образом устроенном собрании. И эти неожиданности могут совершенно отвлечь ваши мысли с намеченного вами ранее пути. Вы ясно увидите вдруг, что выбранный вами предмет не подходит в данном случае; всякому разумному человеку становится ясным, что в эту минуту совершенно необходимо изменить свой путь. Если выход из прежней улицы заперт, то требуется продолжить себе новый путь, а это бывает иногда очень трудно, даже опасно. Действительно, вовсе не легко, среди публичного собрания, прослушав речи своих сотоварищей и видя легкомыслие одних и скучное однообразие других, оказаться в состоянии исправить беду спокойно, без всяких намеков на своих предшественников и направить слушателей на другой, более назидательный путь. Иметь подобное дарование очень важно для проповедника особенно в собраниях, где легко могут возникать различные совершенно неожиданные вопросы. Кое-где в приходах существует обычай, в силу которого некоторые высококомпьющие о себе люди входят на кафедру и говорят собранию. В таких случаях необходимо, чтобы пастор (или старший проповедник) отвечал оратору.

Проповедник же, не могущий хорошо говорить экспромтом, легко смущается, впадает в слишком горячий тон, компрометирует себя и производит общее смущение среди своих слушателей. Вот в этом-то случае или при других подобных обстоятельствах умение говорить экспромтом и есть золото из Офира.

Итак, уметь говорить свободно — это дарование драгоценное. Но как достичь его? Этот вопрос заставляет нас сделать такое замечание: *некоторым людям никогда не достичь его.* Нужно иметь врожденную способность к свободной живой речи. Здесь как в поэзии. Поэтом можно родиться, но нельзя сделаться им. „Искусство может развить и усовершенствовать талант оратора, но оно не может вызвать его“. Все правила риторики не могут сделать человека красноречивым. Это — дар неба и кому в нем отказано, тот его никогда не получит... Некоторые не могут сделаться хорошими ораторами уже в силу немощности своих душевных дарований. Они могут, может быть, еще сделаться сносными проповедниками обыденных вещей, но никогда не будут они импровизаторами. Если доживут они до Мафусаиловских лет, и то — следуя системе Дарвина, по которой архиепископ Кэнтерберийский происходит от устрицы, — тогда разве могут они сделаться хорошими ораторами. Если нет врожденного дара красноречия, то как ни далеко удастся кому-либо усовершенствоваться в различных отношениях,

но блистать светлою звездою на горизонте свободной красноречивой речи он не будет никогда.

Если желает кто говорить проповеди без предварительного приготовления, тот должен много и серьезно учиться. Это, может быть, звучит парадоксально, но вполне очевидно для нас. Если я мельник и если принесут мне мешок, который в течение 5 минут я должен наполнить мукою, я только тогда в состоянии буду исполнить это, если всегда имею достаточно муки в мельничных кладовых. Мне остается тогда только открыть мешок и насыпать в него муку. Я не мелю ее именно в то время – и потому моя насыпка муки есть как бы импровизированная. Я уже приготовил, намолотил ее прежде и потому могу теперь удовлетворить моих покупателей. У вас никогда не явится хороших мыслей для импровизации, если вы не привыкли непрестанно быть к проповеди наготове и не питаете постоянно вашего духа обильною и здоровою пищею. Вот почему прошу вас: каждую минуту напрягайте силы ваши. Заготавливайте себе запасы на будущее, чтобы с полными руками встретить ваших покупателей, чтобы быть вам готовыми к встрече их всегда. Я не думаю, чтобы кто-либо мог оказаться способным к постоянной свободной речи, если он не будет серьезно трудиться над приобретением ее, даже более серьезно, нежели это делает тот, кто записывает и учит наизусть свои проповеди. Помните, что только переполненный сосуд может изливаться через край.

Запасная сокровищница мыслей и выражений их в высшей степени полезна. В том и другом случае мы можем быть как бедными, так и богатыми. Кто обладает обширными, основательными и приведенными в порядок знаниями, кто хорошо знаком с своим предметом, тот, подобно царю, может разбрасывать направо и налево в толпу свои баснословные сокровища. Для вас, господа, основательное знание Слова Божия, в применении к вашей внутренней духовной жизни и к великим событиям времени и вечности, безусловно необходимо. От избытка сердца глаголют уста. Привыкайте к созерцанию небесных истин, испытывайте Св. Писание, полюбите закон Господень, и вам нечего будет опасаться того, о чем вы будете говорить своим слушателям. Кто говорит о предмете, лежащем вне его опыта, тому легко запнуться в своей речи; но вы, горящие любовью к Великому Царю, вы, испытавшие блаженство жизни в Нем, вы воочию увидите, что для вас это вполне легко. Основательно, до корня изучите духовные истины, и вам легко будет передавать их другим. Незнакомство с истинным богословием – не редкость у наших проповедников. И нечего удивляться тому, что у нас так мало про-

поведников, владеющих свободною речью, так мало у нас истинных богословов. И у нас до тех пор не будет великих проповедников, пока не будет великих ученых в области закона Божия. Нельзя выстроить военное судно из маленького смородинового куста; нельзя также образовать и великих, сердца потрясающих проповедников из посредственных студентов. Если хотите вы говорить плавно, убедительно, то будьте полны всевозможных знаний, — в особенности же опытного познания учения Иисуса Христа, вашего Господа.

Мы уже заметили выше, что запас *выражений* также очень полезен для оратора, желающего говорить экспромтом. Здесь все дело в том, чтобы уметь выбрать и сохранить в памяти изящные выражения, обороты речи, полные убедительности фразы, и потом уметь подражать им. Это не значит, что вам должно всегда иметь при себе золотообразную записную книжку, в которую вписываете вы все бросающееся вам в глаза при чтении, чтобы сделать из этого употребление в вашей ближайшей проповеди. Нет, вы должны знать внутренний смысл этих записанных вами слов, уметь оценить силу синонимов, обсудить ритм отдельных фраз, взвесить значение вставных предложений. Вам следует вполне овладеть употреблением всех этих слов. Они должны быть вашими вдохновителями, вашими громовыми стрелами, а также и каплями медвяной росы для ваших слушателей. Простых „словоизвергателей“ можно уподобить лишь собирателям устричной скорлупы, гороховой или яблочной шелухи. У человека же, обладающего серьезными знаниями и глубокомыслием, слово — серебряный сосуд, в котором подает он своим слушателям золотые истины. Старайтесь же приобрести хорошую запряжку слов, чтобы хорошо везти экипаж ваших мыслей.

Я думаю также, что, если кто хочет хорошо говорить, тот должен прежде всего позаботиться *о выборе предмета, вполне понятного ему*. В этом собственно и заключается вся сущность дела. Во все мое пребывание в Лондоне, я ни разу еще не подготовлялся к вечернему богослужению по понедельникам, чтобы освоиться с свободной речью. Я всегда смотрю на эти собрания, как на повод к экспромту; но только я попрошу вас в данном случае обратить ваше внимание на то, что я не занимаюсь в подобных случаях изложением трудных или темных тем, но ограничиваюсь простым разбором основных истин нашей веры, разбором того, что лежит у меня на сердце в данную минуту. Когда всходишь в таких случаях на кафедру, всегда мысленно оглядываешься вокруг себя и задаешь себе вопрос: „Какой предмет занимал тебя сегодняшней день, что обратило на себя твое внимание в твоём чтении за прошлую

неделю, что особенно занимает теперь твои мысли, о чем напоминают тебе сегодняшнее пение и молитвы?" Помните, не хорошо выступать перед собранием прихожан и надеяться, что внезапно найдет на тебя вдохновение от предметов, которых ты не понимаешь. Если ты допустишь подобное безумие, то последствием его будет лишь то, что ты не будешь знать, что тебе говорить, – наверное – уже не получат тогда никакого назидания твои прихожане. Но я не вижу, почему нельзя было бы говорить экспромтом о таком предмете, который знаешь основательно. Каждый купец, хорошо понимающий свое дело, может объяснить его всякому, не обдумывая его предварительно; и нам нужно чувствовать себя как дома, среди этих начальных истин нашей святой веры и не смущаться, если приходится говорить о предметах, составляющих насущный хлеб для нашей души. В самом деле, я не вижу, какую выгоду можно извлечь из чисто механической работы записывания перед самым произнесением речи, так как в подобном случае это записывание та же импровизация; и, конечно, письменная импровизация должна выйти еще слабее, нежели речь экспромтом. Выгода записывания заключается лишь в том, что оно дает возможность пересмотра. Но как даровитый писатель в состоянии вполне корректно и определенно выразить свои мысли на бумаге, точно также должны уметь выразить свои мысли в проповеди и даровитые ораторы. Мысли, которые проповедник выражает словами с кафедры, говоря о хорошо изученном им предмете, не могут быть только пришедшими ему на ум. Они – скорее выражение того, что хранится в самой глубине души пастыря, что глубоко уже прочувствовано им самим. Кто подобным образом обдумал предмет свой, т. е. не непосредственно перед речью, но заранее, тот, конечно, и говорить будет сильно и убедительно. Напротив тот, кто перед самою речью садится записывать свои мысли, тот не напишет ничего, кроме пустого, неопределенного, что взбредет ему в голову. И потому и не пробуйте говорить экспромтом, если не изучили вы хорошо вашу тему. Эта фраза, звучащая парадоксально, – мудрое правило. Мне пришлось однажды выдержать строгое испытание, и если бы не был я уже опытен в свободной речи, то и не знаю, как выпутался бы я из него. Я должен был проповедовать в одной капелле, где многочисленное собрание ожидало моей речи. Я опоздал вследствие неожиданного препятствия на железной дороге. Другой проповедник начал богослужение, и когда я, запыхавшись от поспешности, явился на место, он уже начал свою проповедь. Видя меня входящим, он остановился. „Вот он, – сказал он. – Я уступаю

теперь ему мое место и думаю, что мой собрат по священному званию будет столь добр, что продолжит мою проповедь". Я спросил его о тексте его проповеди и о том, до каких пор дошел он. Он назвал мне текст и сказал, что только что окончил первую часть. Без колебания стал я продолжать его проповедь и довел ее до конца. Мне было бы совестно за того из присутствующих здесь, кто не сумел бы этого исполнить, так как обстоятельства дела были таковы, что моя задача оказалась довольно легкой. Прежде всего, проповедник был мой дед; текст же его гласил: „Благодатию вы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар“. Кто не знал бы, что сказать при подобных обстоятельствах, тот оказался бы не умнее животного, на котором ехал Валаам. „Благодатию вы спасены“. Об источнике нашего спасения уже все было сказано; кто же не был теперь в состоянии продолжать речь, объяснив слова апостола „через веру“, как путь, которым приходит к нам спасение. Едва ли нужно было многому учиться, чтобы объяснить, как мы получаем спасение. Но в данном случае мне пришлось перенести еще новое испытание, а именно: когда несколько справился я с предметом проповеди и даже увлекся им, вдруг почувствовал, как чья-то рука ласково похлопала меня по спине и чей-то голос произнес за мною: „Справедливо, справедливо! скажи им это еще раз, а то, пожалуй, позабудут они!“ Я говорил только что сказанное; но когда хотел я прибавить еще нечто из собственного опыта, я почувствовал, что меня дергают за платье, затем старец выступил вперед и сказал: „Мой внук рассказывает вам это лишь теоретически, я же стою здесь перед вами как свидетель этой истины по опыту; я старше его и могу свидетельствовать об этом перед вами, как старик“. Рассказав затем факт из собственного опыта он продолжал: „Вы видите, мой внук может проповедовать Евангелие гораздо лучше меня“. И вот, господа, если бы не был я тогда уже опытен в свободной речи, думается, легко мог бы потерять всякое присутствие духа; но так как я уже имел эту опытность, все обошлось легко и просто, словно бы мы сговорились заранее.

Изучение иностранных языков представляет собою хорошее приготовление к свободной речи. Основательное изучение словесных корней и правил грамматики, параллельный разбор различия между двумя языками заставляет нас в совершенстве ознакомиться со всеми родами слов, со всеми наклонениями, временами и окончаниями их. Нами приобретается тогда совершенная опытность, как у хорошего работника в его ремесле. Я не знаю лучшего упражнения в данном случае, как возможно лучше переводить какой-либо отрывок из *Тацита*

или *Виргилия* и затем тщательно исправлять вкравшиеся в него ошибки. Люди, плохо понимающие дело, думают, что время, употребляемое на изучение классических языков, — потерянное время; но уже одна польза, приносимая этим изучением нашему священному делу проповедничества, должна бы рекомендовать сохранение изучения их в наших проповеднических школах. Кто же не в состоянии понять, что постоянное сравнение выражений и свойств двух языков сильно облегчает их изучение? Кто не может понять далее, как развивает подобное упражнение ум, как делает оно его способнее к разбору различных тонкостей смысла и значения слов. А ведь это способность, необходимая для истолкователя Слова Божия, а также и для оратора. Старайтесь поэтому, господа, тщательно разбирать все строение изучаемого вами языка, замечайте каждую палочку или стрелки, каждое коленце или зазубринку в нем, и вы в состоянии будете тогда с полной уверенностью безопасности — пустить полным ходом локомотив ваш, когда окажется в этом надобность.

Всякий, желающий изучить это искусство, непременно должен упражняться в нем. Только медленно и постепенно выработался блестящий, могучий ораторский талант *Чарльза Фокса*, и он приписывал его тому, что, будучи еще очень молодым, он поставил себе за правило каждый вечер говорить по крайней мере одну речь. „В течение целых пяти сессий, — рассказывал он, — я говорил каждый вечер, исключая только одного; и я теперь жалею, что пропустил и его“. Сначала это можно делать лишь перед публикою из стульев и книг своего рабочего кабинета, следуя примеру того господина, который, желая поступить в нашу коллегия, уверял меня, что он целых два года готовился к проповеди экспромтом в своей собственной комнате. Студенты, живущие вместе в данном случае, могут обоюдно приносить пользу друг другу, принимая на себя роль аудитории и дружески разбирая затем все сказанное перед ними. Даже простая подобного рода беседа друг с другом может принести большую пользу, если принять за правило вести ее основательно и серьезно. Нужно научиться связывать между собою мысли и речь; разрешение этой задачи можно облегчить себе тем, если будешь громко говорить в одиночестве. Я столь привык к этому, что нахожу даже полезным громко читать мои частные, домашние молитвы; громкое чтение помогает более, нежели тихое. А когда я обрабатываю в мыслях свою проповедь, меня всегда облегчает, если я при этом громко говорю сам с собою. Конечно, эти приемы помогают делу лишь на половину; для полного усвоения свободной речи нужно упражняться в ней при слуша-

телях, чтобы победить в себе возникающую при виде их робость. Но ведь и успех на половину есть уже приближение к цели. Хорошая свободная речь есть не что иное, как умение выражать вовне свои мысли, умение размышлять вслух. Сколь возможно более размышляйте громко, когда вы одни, и вы скоро достигнете великого успеха в проповедничестве. Споры и рассуждения в школьной комнате также очень важны в данном случае, и я очень просил бы более молчаливых из вас принимать участие в них. У нас существует обычай говорить на тему, вынутую по жребию из урны. Этим нам следовало бы заниматься почаще. Что я отвергал выше, как негодное для богослужения, можно было бы без опасения исполнять в собственной спальне с целью упражнения. Этим приемом достигается испытание присутствия духа и самообладания. И те, кто не выдерживают подобного испытания, конечно получают от него, кажется, не меньшую пользу, нежели те, которые отличаются в нем; потому что для одного человека может быть одинаково полезным познание самого себя, своих способностей, как для другого — его успехи. Если открытие своей плохой пригодности к красноречию поведет к более усердному, более решительному изучению красноречия, то очень возможно, что это будет прямым путем и к окончательному успеху в нем.

Кроме только что рекомендованного мною упражнения, следует обратить внимание еще на необходимость всегда *сохранять свое спокойствие и уверенность*. Как говорит *Сидней Смит*: „Многие таланты пропадают для мира вследствие недостатка мужества“. Молодому оратору не легко достичь этого. Можете ли вы, юные ораторы, не симпатизировать ходуку по канату, *Блондену*? Не случается ли вам иногда, во время вашей проповеди, чувствовать, словно вы идете на воздухе по канату, и не дрожите ли вы тогда при мысли: достигнете ли безопасно конца вашего пути? Когда размахиваете вы красивой палочкой и наблюдаете за действием на публику ваших пестрых украшений, — именно тех смелых картин, которыми стараетесь вы привести в поэтическое настроение ваших слушателей, — не приходится вам сожалеть тогда, что вы подвергаете себя такому риску? Или не удивляетесь ли вы иногда, что благополучно окончили вашу фразу и своевременно нашли подходящий глагол для подлежащего и подходящий предмет для глагола? Все зависит здесь от умения сохранить хладнокровие и не испугаться. Недобрые предчувствия неудачи и боязнь перед слушателями могут вам сильно повредить. Но смело идите вперед с упованием на Бога, и все окончится благополучно. Ошиблись ли вы относи-

тельно грамматики и хотите исправить эту ошибку, не возвращайтесь уже лучше обратно, иначе вы скоро опять повторите ее и ваши остановки совсем запутают вас. Позвольте мне настоятельно посоветовать вам: иногда не следует обращаться вспять. Сделали ли вы ошибку в употреблении слов, идите дальше и не обращайтесь на нее внимания. Когда я еще учился писать, мой отец дал мне хорошее правило, которое можно применить и к изучению речи. Он говорил мне: „Если ты пишешь и сделаешь ошибку – неправильно напишешь или поставишь не то слово, которое нужно было поставить, – не вычеркивай его и не производи общего беспорядка, но постарайся как бы лучше выразить то, что ты хотел, оставив только что написанное слово без исправления, чтобы не было заметно, что ты сделал ошибку“. Поступайте же так и во время вашей проповеди. Нельзя окончить предложение сказанным словом, старайтесь окончить его иначе. Никакой пользы не выйдет из того, что вы будете возвращаться к сказанному уже, чтобы исправить его. Тогда вы только обратите внимание слушателей на вашу ошибку, которую, может быть, лишь немногие и заметили, да и сами отвлечетесь от вашего предмета, обратившись к тому, что наименее всего должно занимать проповедника в эту минуту. Если же заметили у вас, то всякий разумный человек, конечно, простит его молодому, начинающему проповеднику и будет лишь уважать вас за то, что вы не обращаете внимания на подобные мелочи, а всеми силами стремитесь к вашей главной цели. Человек, начинающий свое ораторское поприще – все равно, что новичок в верховой езде. Если только споткнется его лошадь, он уже боится, чтобы она не сбросила его; если лошадь хотя немного беспокойна, он уже уверен, что она бесится. Взгляд друга или замечание маленького мальчика действует на него, словно его привязали на спину страшного дракона. Если же кто привык сидеть в седле, тот не боится никаких опасностей и не испытывает уже их. Если оратор чувствует свою силу, он силен в действительности. Его уверенность спасает его от неудачи, боязнь не в состоянии погубить его. Братья мои, если действительно предназначил вас Господь к проповедничеству, вы можете быть вполне спокойны и дерзновенны. В самом деле, кого же и чего бояться вам? Вам должно исполнить повеления вашего Господа с тою силою, которую дарует Он вам. Если вы исполняете только ваш долг, то вы ни перед кем более не ответственны, как перед вашим Небесным Владыкою, Который вовсе не жестокосердый Судия. Вы не входите на кафедру для того, чтобы блистать вашим красноречием или чтобы доставить наслаждение слуху

ваших прихожан; вы – посланники Неба, а не рабы людей. („Прежде больше всего заботило меня, могу ли я сказать вам что-нибудь; теперь же, надеюсь я, моя забота заключается скорее в том, не напрасно ли буду я проповедовать. Потому что Господь послал меня не для того, чтобы приобрести себе славу хорошего оратора, а чтобы привести ко Христу души верных и чтобы назидать их. Часто, начиная говорить, не знаю я сам, что буду продолжать, но незаметно для меня мне представляются подходящие предметы один за другим, – и большею частию это бывают лучшие и назидательнейшие мысли моих проповедей, приходящие на ум уже во время проповеди“. – Письма Джона Ньютона к одному студенту богословия.) Вспомните слова Господа к Иеремии и бойтесь быть боязливыми. „А ты препояшь чресла свои, и встань, и скажи им все, что Я повелю тебе; не малодушествуй пред ними, чтоб Я не поразил тебя в глазах их“ (Иер. 1, 17). Уповайте на обещанную своевременно помощь Св. Духа, и страх человеческий отойдет от вас. Если вы не стесняетесь более на вашей кафедре и говорите с вашими прихожанами, как с братьями, тогда только в состоянии вы будете говорить экспромтом, ранее же нет. Застенчивость и робость, столь красящие юнейших из наших собратий заменяется тогда той истинной скромностью, которая забывает сама себя и не заботится о собственной славе, лишь бы удалось наивозможно убедительнейшим образом проповедовать Христово учение.

Если же требуется, чтобы свободная речь христианского проповедника была свята и назидательна, тогда должен он быть полон детского упования на непосредственную помощь Св. Духа. В Символе веры говорится: мы веруем „и в Духа Святого“. Можно опасаться, что многие не исполняют этого в действительности. Бегать туда и сюда целую неделю, терять таким образом время и затем прибегать к помощи Духа Святого – это нечестивая дерзость, это – стремление сделать Господа слугою нашей лени, нашего нерадения. Если же это вызывается лишь необходимостью, тогда это совсем иное дело. Если необходимо произнести проповедь без приготовления, тогда с полным упованием можно возвести взоры свои на Господа. Несомненно, Дух Св. приходит в таких случаях в соприкосновение с человеческим духом, помогает ему подняться из его слабости и рассеянности и дарует ему силу познать и провозвещать Божественную Истину. Это Божественное посредничество, подобно чудесам, не назначено для того, чтобы, надеясь на него, мы умаляли наши собственные усилия, наше собственное прилежание. Оно есть лишь помощь Господа, на которую мы должны уповать в нашей край-

ности. Его Дух будет всегда близок нам, особенно же в служении Его святому делу. И, как ни серьезно советую я вам не злоупотреблять проповедями экспромтом до тех пор, пока не укрепитесь вы в исполнении обязанностей вашего звания, тем не менее прошу я вас, говорите так всегда, когда вы бываете вынуждены к тому и твердо уповайте, что вам дано будет свыше, что сказать в этот час.

Если же будете вы, наконец, столь счастливы, что достигнете совершенства в свободной речи, то не забывайте, что вы очень легко можете снова потерять его. Я говорю это по собственному опыту, и, по-моему, это – лучшее доказательство, какое я могу предоставить в данном случае вам. Если я удлиняю и расширяю мои заметки два воскресенья подряд, на третье воскресенье мне требуется еще более расширить их. Точно так же вижу я, что если я начинаю более полагаться на свою память, то это желание начинает сильно сокращаться. Кто из одного каприза своего начнет ходить с помощью палки, тому эта палка скоро сделается *необходимой*. Если наденете вы очки, то скоро и не в состоянии будете и обходиться без них; если же проходите вы целый месяц на костылях, они тоже сделаются необходимыми для вашего движения, хотя вы и совсем здоровы. Дурные привычки приносят вред и самой природе. Вы должны постоянно упражняться в свободной речи. Чтобы развить свой талант проповеднический, вы должны говорить возможно чаще в домах поселян, в школах наших деревень, даже на улицах, перед двумя-тремя встречными слушателями, – и тогда ваши успехи в этом деле станут очевидными для всех.

Позвольте еще предупредить вас, чтобы избавить вас от многих скорбей и неожиданностей. Сегодня ваш язык может быть уподоблен перу превосходного писца, завтра же ваши слова и даже мысли могут снизойти на точку замерзания. Все, что живет, чувствует; на вас могут действовать множество разнообразнейших влияний; вполне рассчитывать можно лишь только на чисто механические действия. Не удивляйтесь поэтому, если часто будет казаться вам, что вы потерпели полную неудачу, а на деле окажется, что вам все прекрасно удалось. Вы не должны в этом случае ожидать помощи ни от кого, кроме себя самих. Но никакое упражнение, никакая привычка не принесут вам пользы без упования на Господа; и если удастся вам 49 раз проповедовать хорошо, – это еще не может быть ручательством за то, что вы будете также хорошо говорить и в 50-й раз, потому что, если Господь оставит вас, вы не сдвинетесь с места. И потому все ваши колебания и запинки в речи должны лишь учить вас смирению и напо-

минать вам, где искать себе помощи и подкрепления.

Прежде всего остерегайтесь, чтобы язык ваш не предупредил ваши мысли. Остерегайтесь пустословия, скучной болтливости, умения ничего не выразить даже и во многих словах. Как радуются всегда неудаче какого-либо проповедника, много воображающего о себе, но на деле никуда не годного! Подобная участь ждет всех, подверженных этой слабости. Братья, ведь очень плохо - ничего не сказать, проговорив бесконечно долго. А ведь это обычное явление у нас - толчение на одном месте, бесцветное переливание из пустого в порожнее, бессодержательный набор слов или пустое хвастовство; ведь это стыд и позор для искусства свободной речи. Какую пользу могут принести прекрасно выраженные, но ничего не выражающие мысли? Из ничего ничего и не выйдет. Свободная речь без предварительного изучения есть облако без дождя, источник без воды. Такая речь - опасный дар как для своего обладателя, так и для его паствы. В мою коллегия просились люди, которым я должен был отказать в приеме, так как они, не имея никакого образования и лишённые чувства понимания собственного невежества, обладали при том таким самомнением и такую болтливостью, что даже опасно было бы развивать их. Некоторые из них даже напоминали мне дракона из Откровения Иоаннова, у которого излилась из пасти такая масса воды, что едва не увлекла за собою жену. Словно заведенные часы, болтали они свое „тик-тик, тик-тик“, пока не дошла до конца их пружинка. И счастлив тот, кто не слышал их. Проповедь подобных людей можно уподобить роли столяра в „Сне в летнюю ночь“, когда он изображает из себя льва. „Вы можете исполнить это экспромтом, потому что ведь тут нет ничего, кроме одного рева“. Лучше совсем лишиться способности живой речи, или лучше даже никогда не обладать ею, нежели спуститься на ступень простых крикунов, живых представителей звенящей меди и звучащего кимвала, о которых говорит апостол Павел.

Я мог бы еще многое прибавить к сказанному, если бы захотел говорить в своей лекции о том, что называют обычно проповедями***, т. е. о приготовлении к проповеди со стороны содержания. Но это уже совсем другой и, по моему мнению, весьма важный предмет; о нем лучше мы поговорим в другой раз.

Уныние

Как читаем мы о Давиде, что он утомился душою среди жизненных невзгод, так то же самое можно сказать и относительно всех служителей Господа. Припадки уныния нередко овладевают большинством из нас. Как бы ни были мы радостны, но время от времени все же уныние поражает нас. И сильные не всегда бывают сильны, мудрые не всегда находчивы, храбрые не всегда смелы, веселые не всегда счастливы. Встречаются иногда железные люди, на которых не имеют влияния обычные житейские скорби и нужды; но конечно, и на них тоже кое-где встречается ржавчина. Что же касается обыкновенных людей, то Господь хорошо знает, что они лишь - прах, и Он дает понимать это и им самим. Из очень горького личного опыта знаю я, что означает это великое душевное уныние. Я сам нередко испытывал и испытываю его, и потому думаю я, может быть, не бесполезно будет для моих собратий, если я поделюсь с ними своими мыслями. В данном случае я желаю, чтобы хорошо знали молодые люди, если в будущем с ними случится нечто необычайное, если внезапно овладеет ими уныние, что даже и те, кому светит наирадостнейший луч, не всегда живут в свете его.

Нет никакой надобности доказывать цитатами из житий величайших служителей Божиих, что периоды жесточайшего уныния нередко было достоянием и всех их... Вместо того, чтобы приводить эти примеры, займемся лучше обсуждением слеующих вопросов: для чего допускаются подобные случаи, как происходит то, что сыны света странствуют во тьме, почему непроглядный мрак окружает иногда провозвестников вечного Света?

Не происходит ли это, прежде всего, оттого, что они люди? А так как они люди, то и окружены всевозможными слабостями, всюду наследуют скорби. Очень справедливо говорит Иисус сын Сирахов: „Много трудов предназначено каждому человеку, и тяжело иго на сынах Адама, со дня исхода из чрева матери их до дня возвращения к матери всех. Мысль об ожидаемом и день смерти производит в них размышления и страх сердца. От сидящего на славном престоле и до поверженного на земле и во прахе, от носящего порфиру и венец и до одетого в рубище... Хотя это бывает со всякою плотию, от человека до скота, но у грешников в семь крат более сего“ (Сирах. 40, 1-4, 8). Благодать Божия во многом помогает нам, но так как мы не всегда проникнуты ею, то и поражают

нас скорби. Всякий благочестивый человек встречает скорби в земной своей жизни, а проповедники, конечно, должны ожидать скорбей еще в большей степени, нежели остальные люди, чтобы поучились они иметь сочувствие к своей страдающей пастве, чтобы сделались истинными пастырями ее. Если бы для проповеди Слова Божия были посланы на землю бестелесные духи, они не в состоянии были бы постигнуть чувства людей, которые пока облечены плотяною оболочкою, осуждены почти на непрерывные скорби. Ангелам могло бы быть поручено провозвестие Евангелия, но их небесные свойства помешали бы им сочувствовать людскому неведению... Люди и только люди, подверженные всем людским немощам, избраны премудрым Господом орудиями Своей благодати; а отсюда – и наши слезы, наше уныние.

Далее, почти все мы так или иначе больны телесно. Правда, встречаем мы еще изредка стариков, которые не могут вспомнить и одного дня в своей жизни, когда они были бы нездоровы; в громадном же большинстве все мы страдаем тою или другою болезнью тела или духа. Многие телесные болезни прямо действуют на состояние нашего духа и могут быть причиною овладевающего нами иногда уныния. И как бы ни боролись мы против их влияния, но по временам они все-таки одолевают нас. Что же касается душевных болезней, то найдем ли мы хотя одного человека, вполне здорового в этом отношении? Не потеряли ли все мы духовного равновесия? Многие настроены столь мрачно, что эта мрачность как бы составляет даже часть их личности. Про них можно сказать: меланхолия положила на них свой знак; богатые духом, держащиеся превосходнейших правил, склонны видеть пред собою все лишь в черном свете. Они видят лишь темное облако; но не замечают светлой серебристой каймы, окружающей его. Они могут сказать вместе с древним поэтом, что они повесили свои арфы на вербах, что их единственная музыка – вздохи и жалобы, что их песнь настроена на единственную мелодию „слез“... Но эти скорби не мешают им в их плодотворной деятельности. Может быть, они и даны им Божественной Премудростию, чтобы соделать их более годными к особого рода служению Божию. Есть некоторые растения, обязанные своими целебными свойствами сырой почве, на которой растут они; другие – древесной тени, под которою лишь могут вызревать они. Плоды иногда поспевают не только под влиянием солнечных лучей, но также и лунных. Для кораблей требуется не только балласт, но также и паруса; тормоз у колеса не есть зло, когда приходится ехать под гору. Некоторые гении, конечно, в скорбях и на свет появились; эти

скорби болезненно разбудили душу их, которая иначе спала бы спокойно, как лев в своей пещере. Если бы не испуг этот, они лишь жили бы в облаках своими мечтами, а теперь они – мирные голуби, с масличною ветвью во рту, указывающие путь к ковчегу. Если действительно существуют в теле или в душе человеческой причины, предрасполагающие человека к тяжелому настроению, конечно, эти причины отражаются и на сердце его; и потому можно удивляться даже, как только удается еще улыбаться некоторым проповедникам, усердно исполняющим свое дело! Благодать Божия до сих пор еще помогает людям, а терпение до сих пор еще имеет своих мучеников – мучеников, которых можно прославлять не менее прежних, потому что теперь пламя пожирает уже не тела человеческие, но души их. Деятельность Иеремии столь же прекрасна, как и деятельность Исаии, и даже столь суровый Иона – истинный пророк Господа, как то ясно было показано Ниневию. Не презирайте слабых, убогих, потому что о них сказано, что они получают награду свою; напротив, почитайте тех, кто, будучи утомлен, все-таки не покидает своего дела. „Блаженны страждущие“, – сказал Муж скорбей. Евангельские сокровища хранятся у нас в глиняных сосудах, и если случается нам видеть какой-либо недостаток в этих сосудах, пусть никто не изумляется этому.

Самые природные свойства нашего делания, если только мы вполне строго исполняем его, могут способствовать припадкам нашего уныния. Можно разве не болеть сердцем за все эти души, что вверены Господом нашему попечению? Горячее, никогда не утоляемое стремление к спасению паствы горячим пламенем жжет душу пастыря и часто наполняет ее чувством обманутых ожиданий. Если видим мы людей, полных цветущих надежд, уклоняющимися от правого пути, людей благочестивых охлаждающимися, если замечаем, как исповедывающие Господа прикрывают свои грехи мантией благодати – не довольно разве всего этого, чтобы пригнуть нас к земле? Царство Господне не наступает, как бы нам того хотелось, высокочтимое нами имя Господне не прославляется, как мы того желаем, и невольно слезы орошают наше лицо. Как же иначе можем мы поступать, если не верят нашей проповеди и не слушают нас? Всякая духовная работа утомляет, а усиленная проповедь утомляет и самое тело. Как часто по воскресеньям чувствуем мы, словно вся жизнь уходит из нас! Излив всю душу нашу в собраниях прихожан, мы кажемся сами себе, как бы вполне опустошенными глиняными сосудами, которые уже в силах разбить каждый ребенок. Конечно, если бы могли мы сравняться с апостолом Павлом, если бы с

большею горячностью следили мы за спасением душ вверенных нам людей, то поняли бы мы тогда, что значит „снедающая ревность по доме Божию“. Наш долг и наше право преимущественно пред всеми - отдавать нашу жизнь за Спасителя. Мы не должны быть живыми примерами людей, умело сохранивших себя в этой жизни, мы должны быть живыми жертвами, долг которых издерживать свое и истощать себя (2 Кор. 12, 15). Нам не следует особенно сохранять себя и чрезмерно заботиться о теле нашем. Подобная духовная работа, лежащая на плечах истинного служителя Божия, вызывает временное истощение, часто томит и душу и дух. Руки Моисея отяжелели на молитве, и даже апостол Павел не мало страдал от немощей своих. У Иоанна Крестителя бывали подобные минуты слабости. Даже и сами апостолы были однажды испуганы и испытали боязнь.

Наше положение среди прихожан также не мало способствует этому. Проповедник, вполне подготовленный к своему служению, есть большею частью человек, стоящий совершенно отдельно от других, как бы выдвигающийся над другими. Даже наиболее преданные ему прихожане не могут вполне войти в его положение, вполне разделить с ним его мысли, заботы, искушения. Простые солдаты маршируют плечо к плечу со многими товарищами, но чем выше чин офицера, тем менее находит он равных себе. Есть много солдат, менее капитанов, еще менее полковников - всего один только главнокомандующий. Так и в наших приходах тот, кого избрал Господь в руководители паствы, чувствует себя тем обособленнее, чем выше превосходство его, как духовного деятеля. Ведь горные вершины всегда окружены торжественною тишиною и беседуют лишь с Богом, посещающим их в их грозном одиночестве. И служители Божии, стоящие выше своих собратий в деле приближения к небесному, чувствуют в минуты своей слабости недостаток в сочувствии людском. Как Господь в Гефсиманском саду, напрасно ждут они утешения от спящих учеников своих; они удивляются равнодушию своих собратий к их туге сердечной и вновь возвращаются к своей тайной сердечной тревоге - возвращаются даже с большею тяжестью на сердце, потому что они нашли своих дорогих товарищей спящими. Только тот, кто испытал эту тугу сердечную, может понять одиночество души, более своих собратий горящей ревностию о Боге-Саваофе. Такая душа не может никому открыться, чтобы не сочли ее безумною; она не в силах и скрываться, потому что огонь свирепствует в ее недрах. Лишь у одного Господа находит она себе успокоение. Когда Господь посылал Своих учеников по двое

на проповедь, из этого видно было, что Он знал немощь человеческую. Но ведь для такого мужа, каким был апостол Павел, не нашлось товарища; Варнава, Сила, Лука - все это были лишь невысокие холмики в сравнении с такою вершиною Гималая, какою был апостол язычников. Эта-то обособленность, братья мои, и есть, если я не ошибаюсь, избыточный источник уныния. Братские собрания наших проповедников, а также чистые товарищеские отношения к людям, родственным нам по духу, могут с Божией помощью принести нам большую пользу в борьбе с унынием в деле избежания этой страшной западни.

Несомненно также, что на развитие уныния у некоторых людей очень влияет привычка к одиночеству. N. N. посвящает этому предмету целую главу в своей „Анатомии меланхолии“. Цитируя одного из многочисленных писателей, о которых пишет в ней, он говорит так: „Студенты привыкли не обращать внимания на свое здоровье. Все остальные люди заботятся о хорошем состоянии орудий труда; живописец промывает свои кисти, кузнец заботится о своем молоте, о наковальне, о кузнице; поселянин исправляет плуг и точет свои притупившиеся орудия; охотник думает о собаках, лошадях и т. п.; музыкант настаивает и спускает струны своего инструмента. Только одни ученые не обращают внимания на свои орудия - мозг и настроение душевное, которые они употребляют ежедневно“. Очень справедливо говорит Лукан: „Смотри, не натягивай слишком твоего каната, чтобы он не лопнул“. Сидеть долго в одном положении, непрестанно глядя в книгу или водя пером, это уже и само по себе большое испытание для природы человека. А если присоединить сюда еще плохо проветренную комнату, долгое бездействие мускулов и сердце, обремененное тяжелыми заботами, это может переполнить кипящий котел отчаяния, особенно в мрачные, туманные месяцы, когда „день словно окутан в мокрое полотенце, дождь льет на полусгнившие ветви деревьев и нога путника утопает в листьях, покрывающих глинистую почву“. Пусть будет человек как птица, весел по своей природе, но все-таки ему трудно будет устоять против постоянного подобного убийственного проведения времени. Его комната делается для него тюрьмою, а его книги - сторожами ее, в то время как природа будет призывать его чрез окно к сохранению своего здоровья и к радостному наслаждению ею. Кто в состоянии забыть жужжанье пчел в степной траве, воркованье диких голубей и пение птичек в лесу, журчанье ручейка среди древесных корней или шелест ветра в ветвях сосен, тому нечего удивляться, если разучится радоваться его сердце и злое

уныние овладеет им. Многие из наших проповедников могли бы стряхнуть всю паутину, опутавшую их мозги, если бы в состоянии были они хотя изредка продышать целый день свежим горным воздухом или пробродить несколько часов в тихом, тенистом буковом лесу! Свежий морской воздух или хорошая прогулка против ветра, конечно, не принесла бы душе особой духовной пищи, но за то она доставила бы телу хорошую порцию кислорода, что ему столь необходимо. „Тяжелее всего на сердце бывает при спертom воздухе: можно сказать, что всякий поднимающийся ветерок гонит прочь от нас отчаяние“. Папоротники и дикие кролики, маленькие ручейки и форели в них, жуки и белки, примулы и фиалки, живописный крестьянский двор, свежескошенное сено и душистый хмель – вот лучшее лекарство для ипохондрика, лучшее укрепляющее его нервы средство, лучшее освежение для утомленного человека. Но, по недостатку удобного случая или охоты ко всему этому, мы пренебрегаем этими великими целительными средствами и собственноручно приносим себя в жертву на алтаре нашего рабочего кабинета.

Время, когда особенно чувствуется наше удрученное состояние духа, по моему опыту, следующее. Прежде всего здесь нужно отметить часы наибольших успехов наших. Когда исполнилось, наконец, давно лелеянное желание, когда удалось прославить нам нашею деятельностью имя Господне, когда одержали мы, наконец, великую победу – тогда бываем мы особенно склонны к утомлению. Можно было бы думать, что, получив подобную милость, наша душа вознесется на самую вершину блаженства и будет радоваться неизреченною радостью, но на деле бывает большею частью наоборот. Господь редко подвергает своих борцов опасности ликования по случаю их побед. Он знает, что лишь немногие в состоянии выдержать подобное испытание и потому как бы подмешивает полыни в их напиток. Взгляните на Илию, после того как ниспал с неба огонь, перебиты были все жрецы Ваала, благодатный дождь напоил иссохшую землю! Он не слышит звуков усладительной музыки, он не шествует как победитель, в торжественном уборе. Он бежит от Иезавели, он должен пережить реакцию, наступившую после того мощного духовного подъема. Он молится о том, чтобы ему умереть. Он, которому совсем не суждено было и познать смерть, он страстно жаждет спокойствия могилы, совсем как властелин мира, Цезарь, плакавший, подобно маленькой больной девочке, в минуту горя или неудач. Бедная, слабая человеческая природа не в силах выносить такого подъема духа, и реакция наступает неизбежно. За всякий излишек радости или

волнения приходится расплачиваться последующим изнеможением. Пока длится борьба, есть и сила, требующая в данную минуту; но едва кончена она, врожденная слабость снова вступает в свои права. Поддерживаемый тайною силой, целую ночь боролся Иаков с Богом, но под утро, когда борьба прекратилась, он стал хромать, дабы не мог он безмерно хвалиться своею силой. Павел возносился до третьего неба и слышал там несказанные глаголы, но „жало в плоти, ангел сатанин“, всюду следовал за ним, чтобы „удручать“ его. Человек не может выносить полного, безмятежного счастья; и даже наиблагочестивейшие люди не могут „увенчать свое чело миртами и лаврами“ без того, чтобы не испытать при этом и тайного унижения, которое и удерживает их на подобающем им месте. Потеряв всякую почву под ногами в пылу нашего духовного подъема, вознесшись за облака на крыльях всеобщего уважения, опьяненные нашими успехами, мы уподобились бы соломе, развеваемой ветром, если бы Господь, по неизреченной милости Своей, не посылал бы бурного ветра, чтобы разбить утлые ладьи нашего тщеславия, если бы Господь не заставлял бы нас, потерпевших крушение, искать убежища в Его тихой пристани.

Затем, удрученное состояние духа овладевает нами еще *перед нашим большим успехом*. Мы предвидим трудности, которые предстоит нам одолеть в то или другое время, и теряем мужество. Как мы можем надеяться взять приступом города Ханаана с их каменными стенами до небес? Мы готовы уже бросить оружие и обратиться в бегство. Ниневия — обширный город, и нам кажется лучшим бежать в Тарс, нежели выступить против ее шумливых войск. Мы выглядываем уже, нет ли по близости корабля, готового увезти нас от этого ужасного места, и только опасение могущей наступить бури удерживает нас от вероломного шага. Таков был мой опыт, когда сделался я в первый раз проповедником в Лондоне. Мой успех внушал мне ужас; а мысль об ожидавшем меня поприще, вместо того чтобы наполнить мою душу радостью, чуть не низвергла меня в глубину отчаяния. Я думал: кто я такой, чтобы продолжать руководить таким множеством людей? Мне хотелось возвратиться в свою деревенскую глушь или переселиться в Америку и найти себе там какой-нибудь уединенный уголок в девственном лесу, где мог бы я оказаться способным проходить свое высокое служение. Теперь лишь стала открываться перед моими глазами завеса, скрывавшая мой жизненный путь, со страхом думал я о том, что что-то откроется мне за нею. Я не хотел быть изменником своему служению, но я боялся этого служения, я был

наполнен чувством моего недостойнства. Я страшился за дело, возложенное на меня благостным Провидением. Я представлялся себе словно маленьким ребенком и дрожал, слыша голос, повелевавший мне: „Иди и раздоби горы, и сравняй холмы, как солому“. – Подобное уныние овладевает мною всегда, когда готов Господь даровать мне еще больший успех в моем делании; облако очень темно, прежде чем рассеяться ему, и производит большую тень вокруг себя, пока не изольет оно на землю потоки благодати. Уныние – это теперь мой пророк в суровом одеянии, мой Иоанн Креститель (Предтеча), возвещающий мне приближение новой милости ко мне моего Господа. Это испытывали лучшие люди, нежели я. Чистка сосуда готовится для употребления хозяина. Крещение жизнью идет впереди крещения Духом Святым. Пост развивает в нас желание есть. Господь открывает Себя в пустыне в то время, как служитель Его пасет свое стадо и благоговейно ожидает Его в своем одиночестве. Пустыня – это путь в обетованную Ханаанскую землю. Неизменная долина ведет к гордой вершине. Поражение готовится нас к победе. Ворон был выслан перед голубем. Самый темный час ночи тот, который предшествует рассвету. Моряк уже опускается в глубину, но ближайшая волна снова выносит его на верх, к небу; душа его изнывает от страха, прежде чем достигнет он желанного берега.

Можно ожидать *подобного искушения и среди долгой, непрерывной работы*. Не всегда можно натягивать лук без опасения переломить его. Спокойствие столь же необходимо духу, как сон – телу. Наши праздничные дни – это дни нашей усиленной работы, и если не назначим мы себе какой-нибудь другой день для отдыха, то неизбежно должны мы утомиться и ослабеть. Даже для земли, для почвы требуется отдых, и ей нужно свое праздничное время. Нужно оно и нам. Великую мудрость и сострадание слышим мы из уст Господа, когда он говорит Своим ученикам: „Пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного“. Как же это? в то время, когда народ изнывает? в то время, когда вся эта толпа, словно стадо овец в горах, не имущее пастыря? И в это-то время говорит Спаситель об отдыхе? в это-то время уводит Он Своих учеников в пустыню, между тем как и книжники и фарисеи, как злобные волки, расхищают Его стадо? Разве не кричит вот и теперь какой-нибудь фанатик, жалуясь на подобное ужасное равнодушие? Оставьте же его бесноваться в его безумии. Господь знает все лучше нас. Он заботится о том, чтобы не изнурились окончательно Его служители, чтобы не погас свет Израиля. Время отдыха – не потерянное время. Это – разумная

экономия, сохраняющая наши силы. Взгляните на жнеца в знойный летний день, которому еще так много нужно сжать до захода солнца. Внезапно останавливается он в своей работе. Что же, разве это от лени? Он ищет камень, он точит на нем свой серп... Что же, разве это ненужная музыка для него? Разве теряет он теперь свое драгоценное время? Ведь сколько мог бы он нажать в то время, пока извлекает он однообразные звуки из своего серпа! Но ведь он точит свое орудие, ведь его работа пойдет скорее после этого... Точно также подготавливается к дальнейшей полезной работе и дух человеческий во время своего кратковременного отдыха. И рыбаки принуждены чинить свои сети, — должны же и мы время от времени восполнять наши духовные затраты и приводить в порядок наши орудия. Тянуть лямку изо дня в день, подобно каторжнику, нам вовсе не подобает. Только мельничные ручьи безостановочно стремятся вперед, мы же обязаны делать паузы и отдыхать. Кто выдержит, если бега на скачках будут продолжаться без перерыва? Даже вьючным животным дают отдыхать на лугу; даже море приостанавливает свое дыхание в приливе и отливе; земля отдыхает в зимние месяцы. И человек, если даже он возвышен до звания посланника Божия, все же должен или отдыхать, или окончательно изнурить себя. Он должен или подновлять свою лампу, или она будет плохо гореть; он должен или заготавливать себе новые силы, или преждевременно состариться и умереть. Разум требует отдыха время от времени. Мы сделаем больше, если не будем спешить. Постоянно вперед, вперед, вперед, без покоя и отдыха — так могут действовать лишь бесплотные духи, освобожденные от „тяжеловесной глины“. Но, пока облечены мы в нее, время от времени должны мы заботиться о своем отдыхе и служить Господу и посредством „освященной“ бездеятельности и покоя. Да не смущается же ничья чуткая совесть, слагая с себя на время оружие, но да поймет она из опыта других, что всякому человеку необходимо иметь своевременный отдых.

Случается также, что какой-нибудь тяжелый удар сражает проповедника, например, собрат, которому доверялось более, нежели кому-либо, оказывается изменником. Иуда попирает ногами того, кто так доверял ему, и мужество проповедника падает. Мы все очень склонны доверяться брэнной плоти, и эта склонность наша служит для нас причиной многих скорбей! Тяжело также видеть, когда изнемогает и поддается искушению кто-либо из наших близких, уважаемый член нашей общины, когда он бесчестит свое священное звание. Это даже хуже всего. Это заставляет проповедника страстно

желать своего удаления в какую-либо хижину или в дикую пустыню, где он мог бы укрыться навсегда от людей, чтобы не слышать более кощунственных насмешек безбожия. Десять лет работы не отнимут у нас столько сил, как то могут сделать подобные люди в несколько часов. Споры, разлуки, сплетни и полные ненависти отзывы также могут приводить в уныние даже наидостойнейших пастырей. Суровые жестокие отзывы тоже сильно действуют на чувствительные натуры. Многие из лучших пастырей, вследствие беспокойной полной различных затруднений жизни своей, обладают чрезвычайно тонкой чувствительностью - слишком тонкой для нашего мира, каков он есть... Жизненный опыт закаляет душу против жестких ударов, сопряженных с нашим великим служением; но вначале они сильно поражают нас. Испытания истинного пастыря душ очень многочисленны. Те же из них, которые переносим мы от близких нам людей, гораздо тяжелее, нежели получаемые нами от злейших врагов. Пусть не принимает нашего звания никто, стремящийся к тихой, спокойной жизни; если же и примет его такой человек, он с ужасом убежит от нас.

Немногим дано испытать столь сильный ужас и мрак духовный, как то пришлось мне, после известного несчастья в Серрейском музыкальном собрании. Долго не мог я отделаться от чувства безмерной душевной тяжести и безграничного уныния. Страшная тревога, панический ужас, масса раздавленных до смерти людей и днем и ночью стояли перед моими глазами и положительно отравляли мне жизнь. Я чувствовал себя, как говорится в псалме: „Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!“ Из этого ужасного мрака извлекли меня внезапно как бы прозвучавшие в душе моей слова утешения: „Посему Бог и превознес Его“. Величие Христа сказывается и в самом страдании верных рабов Его. Эта истина вывела меня снова из тьмы бури в мирную пристань, к спокойному созерцанию жизни. И если бы постигло когда-либо что подобное кого из моих собратий, то я очень прошу его, уповать на помощь Божию и терпеливо ожидать ее.

Случается еще, что иногда уже как-то слишком умножаются наши скорби, следуя одна за другою, подобно испытаниям Иова. Тогда смущение и беспокойство, вызываемые ими, отнимают у нас весь душевный мир наш. Безостановочно падающие капли долбят даже камень; точно также и постоянно появляющиеся одна за другою скорби расстраивают наше душевное настроение. Если, например, случается, что к тре-

вожным мыслям о скудости, недостаточности материальных средств внезапно присоединяется болезнь жены, потеря ребенка, затем еще – жестокие отзывы слушателей о вас, оппозиция сослужащих диаконов, холодность со стороны прихожан, тогда готовы мы бываем воскликнуть с таковым: „Все это на меня!“ Когда возвращался Давид в Секелаг и узнал, что город сожжен, все разграблено, жены и дети взяты в плен, а народ хочет побить его камнями, тогда „укрепился“ он „надеждою на Господа, Бога своего“. Скорби, следующие беспрерывно одна за другою, особенно тяжелы; они помогают друг другу и безжалостно разрушают наше спокойствие. Волна за волною, набегающие друг на друга, сильно мешают работе пловца. Место, где сходятся два моря, опасно даже для превосходнейшего судна. Если бы было устроено так, что между двумя скорбями всегда бывала бы пауза для нашего отдохновения, то душа имела бы время подготовиться к следующим новым скорбям. Но когда скорби, подобно острому граду, безостановочно устремляются на голову путника, тогда уже даже страх нападает на него. Одна лишняя капля переполняет чашу, и можем ли мы удивляться, если столь ужасно страдаем, когда наливается и на нас эта лишняя капля?

Иногда бывает, что страдания приходят на нас неизвестно откуда и почему; и тогда еще тяжелее нам справиться с ними. Безотчетное уныние не прогонишь никакими разумными доводами. Арфа Давида не в состоянии смягчить их. Можно с одинаковым успехом бороться с туманом, как и с этою бесформенной, неопределенной и все затемняющей собою пустотою безнадежности. В подобном случае мы даже не жалеем сами себя. Нам кажется неразумным и даже грешным так скорбеть без видимого повода; но в то же время мы тоскуем и грустим в глубине своей души. Если бы те, кто смеются над подобною меланхолией, сами испытали эту пытку хотя в течение часа, их смех прекратился бы. Может быть и возможно было бы одним решительным усилием смахнуть с себя уныние; но откуда же взять это усилие, когда весь человек как бы охвачен страшным бессилием? Искусство доктора и проповедника могли бы соединиться в подобном случае, и оба нашли бы здесь обширное поле для своей деятельности. Но нужна здесь лишь рука небесной помощи, чтобы отодвинуть железные засовы, столь таинственно замыкающие дверь упования нашего и ввеграющие наш дух в мрачную темницу. Когда мы увидим, наконец, эту спасающую нас руку, то не воскликнем ли вместе с апостолом: „Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей, чтоб

и мы могли утешить находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих“ (2 Кор. 1, 3-4)... Симон утонул бы, если бы Спаситель не подал ему руку. Злой дух рвет и грызет бедного человека, пока мощное слово не прикажет ему выйти из него. Если овладела нами страшная боязнь, если ужасный кошмар давит нас, стоит лишь взойти над нами солнцу правды, и все страшилища мрака тогда побегут от нас. Но ничто иное не в силах рассеять этот мрак души нашей. Тимофей Роджерс, автор сочинения о меланхолии, и Симон Броун, написавший несколько чудных статей о ней, постарались доказать нам, как бессильна всякая человеческая помощь, когда отнимается свет у души человеческой.

Если спросят нас, почему рабы Владыки Иисуса Христа столь часто приближаются к „сени смертной“, то ответ на этот вопрос не далеко искать. Все это лишь свидетельствует о том, как Господь влечет к Себе наши сердца и как хорошо сказано: „Не оружием или собственною силою можете вы достичь этого, но лишь Духом Моим“. Мы должны быть употреблены как орудия Его, но слабость, присущая нам, не должна быть сокрыта. Мы не можем разделять с Ним Его славу, она подобает одному Ему, Творцу всего. Человек должен сначала отрешиться от всего своего и затем уже становится сосудом Духа Святого. Он должен понять, что сам он – не более как сухой лист, развеваемый ветром, и только укрепленный благодатию свыше может сделаться медною стеною, о которую сокрушаются все враги истины. Отвратить работника от гордости очень трудно. Бесперывные успехи и неувядающая радость о них – это более, нежели может перенести наша слабая природа. Мы должны разбавлять водою наше вино, иначе мы потеряем рассудок. Я свидетельствую, что те, кого Господь возвеличивает видимо, терпят большею частию какое-нибудь тайное наказание, несут особый какой-либо тяжелый крест, несут затем – чтобы не возмнить о себе слишком много и не попасть чрез это во власть дьявола. Как часто называет Господь Иезекииля: „сын человеческий!“ Среди самого полета своего к неизреченному свету, в то самое время, как получает он силу лицезреть величие и славу Творца, и в это самое время поражает его слух название „сын человеческий“ и отрезвляет его сердце, которое без того, быть может, забыло бы о дарованных ему милостях Божиих. Подобные смиряющие, но вместе с тем и исцеляющие испытания необыкновенно поучают нас в периоды нашего уныния. Они говорят нам, что мы лишь слабые, хилые, легко утомляющиеся „сыны человеческие“...

Но все эти унижения и испытания служителей Божиих

умножают среди людей прославление Господа: она заставляют их благодарить Бога за ту помощь, какую получают от Него, а когда лежат они пред Ним в прахе, тогда ублажает Бога их вера в Него. Радостно тогда исповедуют они свою преданность Ему и еще более утверждают в любви к Нему. Столь зрелые в этом отношении люди, как некоторые из наших старейших проповедников, никогда бы не сделались тем, что они есть теперь, если бы не претерпели они всех этих испытаний и не научились бы сознавать собственную пустоту и ничтожество всего окружающего. Слава Господу за все эти скорби и испытания! Чем более горького испытаем мы здесь, тем блаженнее будет для нас будущая жизнь, да и на земле все будет идти для нас лучше, если пройдем мы эту великую школу скорбей.

Мудрость поучает нас не пугаться, когда наступают скорби душевные. Не считайте их за нечто необычайное, но лишь за частицу обычных испытаний в нашем звании. Если же и слишком сильное смущение овладеет вами, не думайте, что уже пришел конец вашей плодотворной деятельности. Не оставляйте нашего упования, за которое получите великую награду. Если даже видимо будет одолевать вас враг, и тогда верьте и ждите, что вы еще поднимитесь и сбросите его с себя. Возложите ваши настоящие тяготы, а равно и грехи прошлого и боязнь за будущее на Господа, Который никогда не оставляет верных рабов Своих без Своей помощи. Будьте довольны тою силою, которую дарует Он вам в данную минуту. Не обращайтесь излишнего внимания на ваши чувства и настроения. Полагайтесь более на малейшую крупицу веры, чем на массу всевозможных душевных волнений. Уповайте на одного Бога, и не опирайтесь на тонкие веточки человеческой помощи. Не удивляйтесь, если изменяют вам друзья ваши; всё ведь очень изменчиво в этом мире. Не ждите постоянства от человеческой природы; вы можете рассчитывать лишь на ее непостоянство, не боясь обмануться в нем. И ученики Христовы покинули своего Божественного Учителя. Не пугайтесь же, если и ваши последователи бросят вас и изберут себе других наставников. Они ведь не были вполне вашими, когда пришли к вам, поэтому вы и не все потеряли теперь, лишившись их. Служите Богу всеми силами, пока еще горит светильник ваш; но если и погаснет он на время, все же не падайте духом. Будьте довольны, если вы ничто, потому что вы и есть ничто в действительности. Когда же особенно начнет угнетать вас ваша собственная пустота, то упрекайте себя в том, что вы могли что-то вообразить о себе и о своих достоинствах. Без Господа вы - ничто. Не думайте о награде в

настоящем; благодарите и за полученный вами задаток; ждите истинного вознаграждения лишь в будущем. Если не видите ясного успеха в делах ваших, все же продолжайте служить Господу с удвоенным рвением. Всякий безумец найдет дорогу при дневном свете, но дивная премудрость, даруемая нам верою, делает нас способными с безошибочной точностью прокладывать себе путь и в полной темноте. Нас могут ожидать и еще большие скорби и бури, прежде нежели достигнем мы небесной гавани, но наш великий Начальник печется о нас во все дни нашей жизни.

Итак, не уклонимся же мы ни в какую сторону с прямого пути нашего, на который призвал нас Господь. И в хорошую погоду не покинем мы нашего сторожевого поста – проповеднической кафедры – будем усердно бороться за успех нашего святого дела. Твердо и непоколебимо решим: если и не можем мы *лицезреть* нашего Господа, то хотя будем работать под *сению крыл Его*.

Частная жизнь проповедника

В этой лекции я буду говорить о том, как держать себя и что говорить проповеднику в его частных, неофициальных сношениях с прихожанами. Прежде всего я скажу: *он не должен принимать с ними „пасторского“ тона*, ему следует избегать всякой натянутости, педантичности, торжественности. Прекрасно название: „сын человеческий“; оно было дано пророку Иезекиилю и даже Некому еще несравненно более Величайшему. И действительно, всякий посланник Божий есть не более, как сын человеческий. И пусть знает поэтому всякий, что, чем проще и естественнее будет он держать себя, тем более уподобится он тому Сыну Человеческому, за Которым мы все должны следовать. Можно так держать себя, что *человека* не будет заметно за личностью *пастора*, хотя в истинном человеке всегда должен быть виден *служитель Божий*. В личности учителя и пастыря всегда есть что-то своеобразное: они, в худшем смысле, „не то, что другие люди“. Часто они, как „разноцветная“ птица у пророка Иеремии (12, 9), представляются словно не принадлежащими к прочим обитателям земли, а имеют в себе что-то странное, своеобразное. Когда случается мне видеть торжественно шествующего фламинго, сову, моргающую подслеповатыми глазами среди древесной листвы, аиста, погруженного в свое глубокомысленное раздумье, – невольно всегда приходит мне мысль о некоторых „важных“ из моих собратий между проповедниками... Очень легко впасть в подражание их величию, самомнению, принужденности, манерам. Но вопрос в том, следует ли подражать им?

N. N., встретив однажды подобного господина, торжественно выступавшего по улице, подошел к нему и спросил: „Милостивый государь, вы, вероятно, очень важная особа?“ Часто случается, что и нам хочется предложить подобный же вопрос некоторым из наших духовных собратий. Я знаю таких из них, которые всеми манерами своими, голосом, даже одеянием с головы до ног до того проникнуты сознанием своего „пасторского“ достоинства, что в них ничего уже не остается человеческого. *Один* подобный молодой богослов считает необходимым ходить по улицам в своей священнической мантии. Другой же, принадлежащий к Высокой Церкви, с величайшей самонадеянностью напечатал в газетах, что он всюду во время путешествия по Швейцарии и Италии носил свой берет. Не все даже мальчишки станут так тщеславиться своим дурацким колпаком. Очень возможно, что и среди нас

некоторые столь же тщеславятся своим одеянием; но ведь все сказанное можно также применить и к нашим манерам. Некоторые пасторы словно замкнули всю душу свою в свой белый галстук, словно все человеческое достоинство свое задушили они в этой накрахмаленной тряпочке. Многие из них думают импонировать своими важными манерами, на деле же они лишь оскорбляют ими людей и поступают совершенно противоположно своему намерению быть истинными последователями Христова смирения. Гордый герцог Сомерсетский лишь знаками отдавал приказания прислуге и никогда не снисходил до разговора с столь ничтожными людьми; две дочери его должны были стоять по обе стороны его ложа все время его послеобеденного сна. Когда подобные гордецы – Сомерсеты всходят на проповедническую кафедру, они точно таким же образом проявляют свое достоинство. „Отойди – я святее тебя!“ – эти слова как бы написаны всегда на их лбу...

Одна почтенная особа выговаривала однажды известному проповеднику за употребление какого-то предмета роскоши, именно за то, что он слишком много тратит на это денег. „Это, пожалуй, и справедливо, – отвечал он, – но подумайте, ведь я не затрачиваю на эту слабость мою и половины того, что тратите вы на ваш крахмал“. Вот это-то и есть тот предмет роскоши, против которого восстаю я, эта жесткая, накрахмаленная натянутость. Если употребляете вы ее, то серьезно советую вам „пойти и семь раз вымыться в Иордане“, чтобы вполне очиститься от нее. Я уверен, что *причина*, в силу которой наши рабочие классы вообще столь далеко держатся от проповедников, заключается в том, что им не по душе неестественное, натянутое обращение этих последних. Если бы увидели они, что мы и на кафедре, и вне ее держим себя и говорим вполне естественно, как и все остальные настоящие люди, тогда они сами собрались бы вокруг нас. Следующее замечание N. N. относится также и сюда: „Отсутствие естественности в голосе и выражениях есть великий порок, присущий многим из нас, порок от которого нам очень следует стараться отделаться“. Всякому видна эта неестественность, и никому она понравиться не может. Итак, отбросьте, братья, от себя ходули и твердо идите собственными ногами; отбросьте от себя всякую жеманность и облекитесь в истину!

Но при всем этом *проповедник*, где бы, в каких бы обстоятельствах ни находился, всегда должен помнить, что он пастырь и не должен забывать своего служения. Служитель полиции, солдат – те могут быть свободны от своей службы на время, – проповедник не освобождается от нее никогда. Даже во время отдыха мы должны помнить свое служение;

мы должны быть усердны всегда, во всякое время. Мы не смеем оказаться в таком положении, что, если спросит нас Господь: „Что ты здесь, Илия?“ – мы не могли тотчас ответить Ему: „И здесь я могу поработать для Тебя, и я стараюсь это исполнить“. Лук требует, чтобы его натягивали время от времени, иначе он потеряет свою эластичность, но ведь для этого не следует же разрезать тетиву. Таким образом и проповеднику требуется иметь время отдохновения; но я утверждаю, что и тогда он должен вести себя как посланник Божий и не упускать ни единого могущего представиться ему случая сделать добро. Это не помешает его отдыху, а только освятит его. Проповедник должен уподобляться одному помещению, виденному мною в Болье вблизи Лондона, где никогда никто еще не видал ни малейшей паутинки. Это – большая кладовая, которую иногда не чистят; и тем не менее ни один паук не осмеливается основаться там. Потолок этой кладовой из каштанового дерева, на котором в течение целого года не видать ни одного паука. То же самое рассказывают мне о коридорах *Винчестерской школы*; „ни один паук, – говорили мне, – не показывается там“. И точно также, ни малейшей вялости или нерадивости не должно быть и в нашей деятельности.

В наших публичных местах отдохновения Лондонских носильщиков можно прочесть надпись: „Для отдыха, но не для праздничанья“. Замечание – вполне достойное уважения. Я не назову леностию *dolce far niente*; этот род „сладкого ничего неделанья“ есть лучшее лекарство для изнуренного мозга. Когда приходит в расстройство наше душевное настроение, то отдых не есть уже лень, как не лень и сон. Ведь не назовут же никого лентяем за то, что он спит в положенное время. Гораздо лучше спать и быть усердным к своему делу, нежели бодрствовать и лениться. Будьте же готовы работать для спасения душ вашей паствы и в часы вашего отдохновения. Если будете вы действительно такими проповедниками, то не придется вам самим объявлять об этом.

Проповедник должен охотно обращаться между прихожанами и вне своего делания. Он не послан в мир, чтобы быть пустынноиком или траппистом... Вы не должны, словно невидимый соловей, разводить свои трели на вершине дерева. Вы должны быть человеком между людьми и говорить им: „Во всем, что касается человеческой жизни, я совершенно таков же, как и вы“. Соль не принесет пользы, оставаясь в солонке, ею должно натираться мясо; так и наше личное влияние должно проникать в общественную жизнь и приправлять ее. Как можно быть полезным кому-либо, если будешь держаться далеко от него? Наш Господь присутствовал на браке и

вкушал пищу с мытарями и грешниками и все же был чище, нежели те лицемерные фарисеи, слава которых состояла лишь в том, что они отделяли себя от всех остальных людей. Некоторым из наших проповедников буквально нужно доказывать, что и они принадлежат к тем же самым людям, как и их слушатели. Очень удивительно, но вместе с тем и крайне необходимо констатировать подобным людям, что епископы, настоятели, архидиаконы, пробсты, главные пасторы, сельские пасторы, даже сами архиепископы, несмотря на все их достоинства, все-таки лишь сыны человеческие и что Бог нигде не предуготовил для них никакого особо святого уголка на земле...

Недурно было бы, если бы полезные разговоры между пастором и прихожанами велись бы на кладбищах или в садах, окружающих капеллы. Мне всегда очень нравится, когда я вижу скамьи вокруг объемистых деревьев, осеняющих наши старые храмы. Так и кажется, словно говорят они: „Иди сюда, сосед, садись здесь, поговорим о проповеди; сюда приходит пастор. Он сядет около нас, и мы будем иметь приятный и душеспасительный разговор“. Не с каждым проповедником может быть приятно поговорить нам, но есть такие между ними, разговор с которыми можно весить на вес золота. Я люблю такого человека, лицо которого как бы вызывает вас на дружеский разговор с ним, человека, на пороге жилища которого стоит ласковое „salve“ – приветствую – и вблизи которого не требуется вспоминать известное Помпейское предостережение: „save canem“ – остерегайся собаки. Тот, около которого, как пчелы около меду, любят собираться дети, вот – человек, какого мне надобно. Дети обладают особым инстинктом распознавать истинно хороших, благочестивых людей. Еврейские раввины рассказывают нам, что когда явилась испытать мудрость Соломонову царица Савская, то она принесла с собою несколько прекрасно сделанных искусственных цветков, внешне не отличавшихся от живых; они даже обладали прекрасным ароматом. Царица предложила будто бы Соломону узнать, которые живые и которые искусственные из этих цветов. Тогда мудрый царь приказал растворить окна в горнице; и когда влетели в эти окна пчелы, они прямо устремились к живым цветам и решили загадку. Таким же образом увидите и вы, каким тонким чувством обладают дети и как скоро могут распознать они, кто их истинный друг. А тот, кто друг детям, – будьте уверены, – тот стоит того, чтобы вам познакомиться с ним. У вас должно быть доброе слово к каждому члену семьи: для подрастающих мальчиков, для молодых девушек, для маленьких детей, словом, для вся-

кого. Никто не знает, какое влияние может оказать каждая ласковая улыбка или одно единственное дружеское слово. Кто хочет повелевать людьми, тот должен, прежде всего, полюбить их и хорошо чувствовать себя между ними. Кто черств сердцем, тому лучше было бы сделаться могильщиком. Такому человеку лучше иметь дело с мертвыми, так как на живых он не в силах оказать ни малейшего влияния. Только человек, обладающий обширным, открытым сердцем, может собрать вокруг себя многочисленных прихожан. Его сердце должно уподобиться прекрасной, обширной гавани, куда мог бы укрыться целый флот. У кого такое просторное, любвеобильное сердце, к тому люди неудержимо стремятся, как корабли к тихой гавани. Они чувствуют себя в полной безопасности, бросив якорь под его дружелюбную кровлю. Такой человек одинаково ласков как в своих частных, так и в официальных сношениях с людьми; в нем течет не холодная рыба кровь. Он тепел, как хорошо протопленная горница. От него не веет холодом и эгоизмом, он широко растворяет свои двери навстречу входящим, и всякий чувствует себя у него как дома. О, как желал бы я, чтобы и все вы сделались подобными же людьми!

Христианский проповедник должен также быть всегда радостен. Я вовсе не о том говорю, чтобы мы, подобно членам известного монашеского ордена, которых видел я в Риме, встречаясь друг с другом, приветствовали бы своих собратий приятным сообщением: „Братья, мы смертны“, произнесенным к тому же еще гробовым голосом, на что наши встречные таким же тоном отвечали бы нам: „Да, братья, мы смертны“.

Правда, есть люди, на которых импонирует торжественность проповедника. Я слышал, что некто выразил великое уважение Римско-католической церкви, увидав одного известного, страшно исхудалого и изможденного представителя ее... „Взгляните только, – сказал он, – этот человек – совершенный скелет вследствие дневного поста и ночных бдений! как распинает он свою плоть!“ Но, как бы там ни было, наружный вид человека не всегда указывает на превосходство и силу его духовной жизни. Я, с своей стороны, советую всем пастырям, желающим иметь влияние на свою паству, быть наружно радостными, т. е. быть наполненными постоянно не легкомысленною светскою радостью, а внутреннею, глубокою радостью „о Боже“. Медом больше изловишь мух, нежели уксусом; точно также и души человеческие скорее позволят руководить собою человеку, на лице которого отпечатлена небесная радость, а не муки тартара.

Молодые проповедники (а также и все остальные) должны еще *остерегаться стремления исключительно господствовать во время частных бесед*. Они должны помнить, что никакой человек не пожелает непрерывного поучения и что каждому хочется также и самому принять участие в разговоре. Некоторым людям ничего не нравится так, как иметь возможность поговорить, и может статься, это радостное настроение их принесет им какую-либо пользу. Я провел однажды целый вечер с одним человеком, который сделал мне честь признать меня превосходным собеседником и сказал мне, что мой разговор в высшей степени назидателен. А я должен признаться здесь, что вряд ли я сказал несколько слов в течение этого вечера; я предоставил весь разговор почти исключительно ему самому. Но тем, что я терпеливо слушал его, я приобрел себе его доброе расположение и получил надежду быть выслушенным им и в другой раз. Мы не должны считать себя оракулами, при которых никто и рта раскрыть не смеет. Нет, пусть каждый из присутствующих говорит что-нибудь и от себя; и тогда ваши назидательные слова будут служить как бы приправу общему разговору и на них будет обращено особое внимание.

Есть еще такие собрания, куда будут приглашать вас, где присутствующие будут словно поглощены глубочайшим уважением к вам. Подобное положение вещей напоминает мне драгоценные статуи в Ватикане. Вы видите перед собою маленькую комнатку, отгороженную занавесом. Его отдергивают, и – перед вами великий Аполлон! Если окажетесь вы в положении Аполлона среди приглашенного для вашего осмотра общества, постарайтесь прекратить недостойную сцену. Если бы я очутился в положении Аполлона в Ватикане, я просто сошел бы с пьедестала и пожал бы руки всем присутствующим. Думаю, что и вам лучше всего поступать подобным же образом в данном случае, потому что рано или поздно, но окончится ведь эта церемония, так лучше и умнее для вас прекратить её самим и как можно скорее. Почитание великих людей есть своего рода идолопоклонство и не должно поддерживаться вами. Хорошо сделают подобные люди, если они, как апостолы в Листре, возмутятся против оказываемой им почести и бросятся к людям с словами: „Мужи, что вы это делаете? и мы, подобно вам, человеки“. Проповедникам не придется долго уговаривать своих обожателей. Их безумные почитатели склонны очень скоро обратиться против них, и если не станут они побивать камнями тех, кого так недавно еще столь обожали, то холодность и презрение во всяком случае очень скоро заменят это обожание.

Я говорю: Не говорите исключительно сами и не возлагайте на себя неподобающей вам важности, которая часто есть не что иное, как обман, но и в то же время я говорю: *Не представляйтесь простецами!* Люди будут судить о вас не только по вашим проповедям с кафедры, но и по тому, что они увидят в вас в частной беседе. Многие молодые люди испортили свою успешную официальную деятельность своим неумелым обхождением с своими прихожанами. Не будьте чурбаном. На одном базаре в Антверпене я видел, между другими достопримечательностями, лавочку, где громадными вывесками и под звуки барабанов возвещалось, что там за один грош показывается „дивное чудо“, именно - *окаменелый человек*. Я однако не истратил требуемой суммы на это зрелище: я и даром не раз уже видал достаточно окаменелых людей и на церковной кафедре, и вне ее - людей словно безжизненных, лишенных всякой заботы, всякого здравого человеческого разума, нерадивых и беспечных во всех отношениях, - не менее занятых таким делом, выше которого не может и принять на себя человек.

Старайтесь направлять разговор на предметы полезные. Любите общительность, будьте радостны, но не забывайте при этом постоянно вашей обязанности приносить людям пользу. Зачем сеять на ветер или вспахивать скалу? Несмотря на все сказанное выше, считайте себя ответственными за разговоры, какие ведут люди в вашем присутствии. Уважение к вам настолько велико, что невольно вы явитесь руководителем этих разговоров. Направляйте поэтому ваше судно в спокойные воды. Но делайте это учтиво и без насилий. Держите в хорошем порядке ваши пути, и вам удобно будет следовать по ним. Умело пользуйтесь обстоятельствами и незаметно направляйте разговор туда, куда вам желательно. Если ваше сердце будет участвовать в вашем великом служении, вам все будет удаваться, конечно; если при этом вы не забудете просить себе помощи у Господа.

Я никогда не забуду тона и манеры, с какими просил однажды моего вспомоществования какой-то бедняк в одном из лондонских предместьев. Я увидел, что он везет чрезвычайно большую корзину, в которой лежит очень маленький сверток, и я выразил ему мое удивление - почему не спрятал он этот сверток в карман и не оставил дома такую громаду. Я сказал ему: „Очень странно видеть такой маленький пакет в столь большом экипаже“. Он остановился, серьезно взглянул мне в лицо и ответил: „Конечно, милостивый государь, это очень странно, но со мною случилось сегодня нечто еще более странное. А именно - целый день хожу я сегодня, поработал

много, но до сих пор еще не встретил человека, по виду которого мог бы я предположить, что он не прочь угостить меня стаканом пива, вплоть до этой минуты, когда я увидал вас". Мне этот оборот разговора показался очень интересным. И мы, если только хотим деятельно служить Христу, должны также хорошо уметь навести разговор на то, что может быть очень полезным нашему собеседнику. Этот человек так легко справился с своим делом, что я позавидовал ему, потому что мне оказалось гораздо труднее обратить его внимание на то, о чем хотел ему сказать я. Мне думается, что если бы я столь же прилежно позаботился бы о том, как принести пользу этому человеку, насколько он старался придумать, как получить от меня желаемое, я уверен, что тогда я успел бы в своем намерении. Если мы действительно желаем служить Христу, то должны приносить пользу всегда и везде, где только это возможно. Даже и во время трапезы, следуя примеру Самого Господа, мы будем направлять разговор на полезное. Мы должны делать это везде, где бы ни находились: дома ли, в дороге ли, в поле или на морском берегу... Исповедовать Христа, возвещать Его волю и в простой речи будет столь же полезно, как и проповедовать Его с церковной кафедры. Старайтесь отличиться в обоих делах и вы увидите, если испросите себе на это помощь Св. Духа, что горячее желание вашего сердца будет исполнено.

Мне хотелось бы включить сюда одно правило, хотя оно, надеюсь, совершенно излишне для почтенных слушателей моих, собранных здесь в настоящую минуту. Не будьте гостями на трапезе богатых людей лишь для того, чтобы заслужить их расположение и не делайтесь, так сказать, постоянной „привеской“ на их чайных собраниях и вечеринках. Кто вы, решающиеся услуживать тому или другому богачу, в то время, как бедняки вашего Господа, больные и заблудшие овцы Его паствы требуют вашего внимания? Жертвовать своим рабочим кабинетом для гостинной богача есть преступление. Ухаживать за прихожанами подобным образом, так сказать, подстерегать их в их собственных домах для того лишь, чтобы привлечь их в вашу капеллу, это позор, унижаться до которого не следует никому. Положительно противно видеть, как обступают богача проповедники различных церковных общин, как коршуны мертвого верблюда. Превосходным сарказмом веет от того знаменитого письма „старого и славного проповедника к его дорогому сыну“ при вступлении его в это звание, из которого мы намерены привести следующую выписку. Правда, говорят, будто это письмо заимствовано из одного журнала, но мне думается, что наш друг прекрасно

знает, кто его автор. Вот что там написано: „Обращай внимание на всех почетных, особенно же на богатых и влиятельных лиц, могущих посетить твой город; засвидетельствуй им твое почтение и старайся, оказывая им внимание в гостинной, приобрести их для твоего дела. Подобным образом ты можешь оказать великую услугу делу твоего Господа. Люди любят, чтобы за ними ухаживали, и многолетний опыт подтверждает мое давнишнее уже мнение, что сила церковной проповеди весьма незначительна в сравнении с силой частного разговора. Мы должны подражать в этом иезуитам и освящать их обычаи Божиим Словом и молитвою. Иезуиты достигают своего влияния не столько проповедью с кафедры, сколько частною беседой в гостиных. В гостинной можно и прошептать что-либо на ухо кому из присутствующих, можно говорить с людьми в духе их частных личных мнений. Кафедра – очень неудобное место для этого. Гостинная – это лучшее место для действительных успехов, так что всякому духовному лицу гораздо менее важно быть хорошим проповедником, нежели хорошим собеседником в гостинной; но ты не будешь иметь успеха в светском обществе, кто бы ты ни был, если не приобретешь себе изящных манер. Я всегда восторгаюсь описанием личности апостола Павла *лордом Шефтсбэри*, – а именно тем, что он говорит, что апостол был высоко образованный человек. Так говорю я и тебе: Будь высоко образованным человеком. Конечно, ты и сам это должен знать, но я говорю тебе это, потому что убежден, что только таким путем можем мы способствовать обращению достаточных средних классов нашего общества. Мы должны показать им, что наша религия есть религия приличия и прекрасных манер; что мы отвергаем всякие сильно возбуждающие и волнующие средства. И – о, дорогой сын мой! если хочешь работать с пользою, то усердно молись в глубине сердца твоего, чтобы научиться тебе прежде всего приличию. Если бы спросили меня, какой первый, важнейший долг твой, я бы ответил: *приличие*; какая следующая обязанность твоя: *приличие*; *наконец в третьих – опять приличие!*“ Те, кто помнит еще тот класс проповедников, процветавший лет 50 тому назад, хорошо поймут сатирический оттенок приведенной здесь выдержки. Это зло значительно уменьшилось в настоящее время; я боюсь даже, что мы стремимся теперь в противоположную крайность.

Всякий серьезный разговор может повести к спорным вопросам, и здесь может благочестивый проповедник наткнуться на „камень преткновения“. *Но всякий разумный проповедник будет обсуждать эти вопросы с великой кротостью.* Более всех остальных людей должен он понимать, что сила не

в страстности и что излишним волнением не возьмешь ничего. Один язычник, находясь однажды в Калькутте, среди толпы людей, слушавших диспут какого-то миссионера с брамином, сказал, что он знает, кто из них прав, хотя и не понимает языка их. Он уверен, что не прав тот, кто первый вышел из себя, потерял свое самообладание. Большею частью это наивернейшее правило.

Старайтесь избегать споров. Высказывайте ваши убеждения, но давайте и людям высказывать свои. Если вы видите, что палка крива, и если желаете, чтобы и люди увидали, *насколько* крива она, то положите рядом с нею прямую; и этого будет вполне достаточно. Если же втянуть вас в какой-либо спор, то приводите сильные доводы и мягкие слова. Может случиться, что вам не удастся убедить человека, взывая к его разуму, но вы можете тогда подействовать на него, добившись его доброго расположения к вам. Если не может человек справиться с парюю новых сапог, стоит ему только насыпать в них немного талька, и все препятствия будут устранены. Употребляйте же, господа, и вы этот тальк. Берите с собою хорошенькую порцию христианского искусства убеждения, и вы скоро уверитесь в его действительности.

Однако, при всей своей мягкости и любезности, проповедник обязан всегда *твердо стоять за свои убеждения и смело исповедовать и отстаивать их во всяком обществе*. Если представляется ему удобный случай к этому или если может он даже сам вызвать этот случай, пусть так и поступает он без всяких сомнений и колебаний. Твердо стоя за свои принципы, строго, но с любовью в сердце, пусть мужественно говорит он и благодарит Бога за свое право поступать так. Ему нечего умалчивать. Сумасброднейшие изобретения спиритов, наиболее дикие утопии преобразователей мира, глупейшие городские сплетни и безумнейшие идеи атеистов требуют быть выслушанными нами и должны быть выслушаны. А разве не должны мы заставить и их выслушать Христа? Разве можем мы не передать им завета Его любви из опасения, что обвинят нас в навязчивости или назовут ханжами? Разве может быть исключенной из разговора религия — лучший и благороднейший из всех предметов в мире? Если же общество и будет этого требовать, мы объявляем прямо, что не подчинимся такому требованию. Наконец, если не можем мы осилить этого противодействия, то пусть общество остается при своем, но мы должны покинуть его, как разрушающийся дом. Мы не можем позволить принудить нас к молчанию. Мы не видим причины для этого. Мы не желаем идти в такое место, куда не можем взять с собою и нашего Господа. Если другие

свободны грешить, то мы не отдадим своей свободы их наказывать и предостерегать.

Разумно применяемый частный разговор наш может быть могучим средством для спасения душ. Серьезные размышления могут быть вызваны одною какою-либо фразой, и эти размышления могут повести к обращению людей, до слуха которых не достигают наши проповеди. Способ, так сказать, схватить человека за рукав, прямо в глаза высказать ему истину часто бывает очень успешным. Но это предмет не подходящий уже к настоящей лекции, а потому и закончим мы ее выражением надежды, что ни в нашей частной беседе, ни в наших речах с церковной кафедры нас не будут принимать за какую-то породу добродушных, добросердечных людей, вся задача которых состоит лишь в том, чтобы делать всех довольными самыми собою и не доставлять никому ни малейшего повода к беспокойству, как бы ни безбожна была жизнь того или другого человека. Подобные люди посещают семьи своих слушателей и весело шутят с ними, тогда как они должны были бы плакать над ними. Они садятся за их трапезу, они спокойно вкушают с ними пищу в то время, когда должны были бы предостерегать их бежать „грядущего гнева“. Они подобны тем американским часам-будильникам, про которые слышал я, что изготовители их ручаются, что они могут будить и не будить своих обладателей.

Наш долг сеять не только на хорошей, плодоносной земле, но и на камне, и при дороге. Мы должны представить обильную жатву в день судный. Да обретем же мы тогда эту пшеницу, которую отправляли мы за море при различных условиях и обстоятельствах в течение всей земной жизни нашей.

Бедность

Что делать тем проповедникам, у которых слишком скудны их средства? Я разумею здесь тех из нас, у кого недостаточно необходимых книг и мало или вовсе нет денег для их приобретения. Собственно говоря, такого положения вещей не должно бы и существовать; приходам следовало бы самым должным образом заботиться об этом. Насколько это по силам им, должны бы они сами доставлять проповеднику своему не только материальную пищу, но и духовную. Хорошая библиотека должна была бы составлять необходимую часть церковного имущества. Деньги, употребленные на нее, были бы затрачены с пользой и принесли бы высокие проценты. Вместо того, чтобы красноречиво распространяться об упадке влияния кафедры, приходским старшинам следовало бы доставлять необходимые средства для поднятия этого влияния, доставляя пасторам материал для их проповедей.

Несколько лет назад пытался я уговорить приходские общины заводить у себя библиотеки для пасторов, как предмет первой необходимости; немногие предусмотрительные люди поняли важность этого предложения и начали приводить его в исполнение. С великой радостью увидел я там и сям появление шкафов, а на полочках их — книжные томики. Мне очень хотелось, чтобы такое начало было положено и всюду. В самом деле, урезывать пастора весьма плохая экономия. Те приходы, которые не могут дать хорошее содержание своему пастору, должны бы хотя сколько-нибудь пополнить этот недостаток созданием постоянной приходской библиотеки; и если бы из года в год понемногу пополнять ее, она могла бы сделаться, наконец, ценной. Пасторат моего почтенного деда обладал собранием очень ценных сочинений старых пуританских проповедников, которые переходили по наследству от одного пастора к другому. Я еще очень хорошо помню многие из этих мощных фолиантов, именно те из них, которые особенно привлекали меня своими удивительными заглавными буквами, изображавшими пеликанов, грифов, мельниц, играющих мальчиков или углубленных в чтение старцев. Могут сказать, что книги могли бы теряться при перемене пользующихся ими лиц. Но я готов поручиться, что ничего подобного быть не может; а избранный приходом комитет, который вел бы список всем книгам, точно так же мог бы заботиться об их сохранении, как заботятся теперь об

сохранении церковного имущества, например, кафедр, скамей и т. п.

Те же, кому не нравится эта метода, могут поступить еще проще. Пусть всякий, кто обязан доставлять средства на содержание пастора, увеличит даваемое им хотя бы на 10 или несколько более, специально для доставления проповеднику кроме материальной также и духовной пищи. Что даст он таким образом, он получит обратно в виде улучшения проповедей, какие он будет слушать. Если бы была предоставлена беднейшим из пасторов хотя маленькая ежегодная сумма для приобретения на нее книг, это было бы приятной неожиданностью для них и великою пользой для общины. Разумные люди не ждут, что в их огороде овощи будут расти сами собою. Они каждый год удабривают почву для этого; они не ждут, что локомотив пойдет сам без топлива, что их лошадь или осел будут работать, не требуя корма. Так пусть же не ждут они и поучительных проповедей от пасторов, которые вследствие невозможности приобретения для себя книг отлучены от житницы науки.

Но тут возникает еще вопрос: что должны делать те, у кого нет приходской библиотеки, нет также и средств для приобретения книг? Мы должны признаться, что, если имеют тем не менее успех подобные люди, им нужно воздать гораздо большую почесть, нежели тем, которые выступают на кафедре во всеоружии.

Об N. N. рассказывают, что один из его товарищей отнял у него все его инструменты, кроме одного молотка и пилы и что он лишь с помощью только их сработал свой знаменитый шедевр; тем почетнее для него! Великая честь тем служителям Господа, которые совершили реликвие дела без помощи каких-либо орудий. Их работа значительно облегчилась бы, если бы они владели этими орудиями; но тем почетнее для них, если они сумели сделать многое без книг. На интернациональной выставке в Кеннингстоне все восторгались поварской школой *** единственно потому, что там готовились превосходные кушанья из самых невзрачных предметов. Горсть косточек и малое количество макарон превращались там в лакомства, достойные королевского стола. Если бы он обладал всеми сокровищами французской кухни и применял бы их к своему делу, то все сказали бы: „Это может сделать всякий!“ Но когда он показывает вам лишь маленькие кусочки мяса и косточки и объясняет, за сколько грошей купил он их у мясника, и если затем приготавливает из них прекрасный обед для семейства из 5-6 лиц, то широко раскрывают глаза все лучшие хозяйки и удивляются, как это возмож-

но; и если затем дает он им испробовать кушанье и они убеждаются, насколько вкусно оно, то удивление их еще увеличивается. Итак, неумолимо продолжай твою работу, бедный собрат, потому что, несмотря на все препятствия, тебе может удастся совершить великое в твоём звании и ты услышишь: „О ты добрый и верный раб!“ И эти слова тем дороже будут для тебя, что ты работал среди таких нужд и скорбей.

Первый мой совет тому, кто может приобрести лишь немного книг, такой: *пусть покупает он лишь наилучшие*. Если не в силах он затратить много на книги, то пусть по крайней мере хорошо употребит он немного. Лучшее есть всегда и наиболее дешёвое. Предоставьте всякие „разбавки и разжижения“ тем, кому средства позволяют приобретать предметы роскоши. Не покупайте молока с водою, но возьмите лучше сгущенного молока и сами влейте туда воды, сколько хотите. Наш век преисполнен литературными ткачами – профессиональными составителями книг, которые обычно до того толкут свой единственный гран мыслей, пока не покроет он собою наконец целый лист бумаги величиною с десятину земли. Эти люди имеют свою выгоду, но вам от них не будет никакой пользы. Поселяне, живущие на наших берегах, собирают морскую траву и возят ее к себе на тележках; и, конечно, эта трава очень тяжела от наполняющей ее воды. Но теперь они стали сначала высушивать ее и избавляют себя таким образом от излишнего труда и издержек. Так и вы, не покупайте для себя жиденького супу, берите лучше крепкий мясной экстракт! Старайтесь получить многое в малом объеме. Выбирайте такие книги, которые полны тем, что *Джеймс Хамилтон* называет „библин“, т. е. книжная эссенция. Вам нужны книги, написанные строго, верно и по возможности сжато; старайтесь же получить именно таковые. При составлении своего превосходного истолкования Библии др. Чалмерз пользовался единственно лишь „Конкорданцией“, „Библией в картинах“ Пуля, „Комментариями“ Мэтью Генри и „Изысканиями в Палестине“ Робинсона. „Эти книги, – говорит он своему другу, – всё, чем пользуюсь я. В них заключается всё, относящееся к Библии; более мне ничего и не нужно для изучения ее“. Это доказывает, что даже те, к чьим услугам готовы всевозможнейшие пособия, все-таки довольствуются лишь несколькими классическими сочинениями. Если бы он жил в настоящее время, конечно вместо „Изысканий“ Робинсона он взял бы теперь „Земля и книга“ Томсона или взамен „Библии в картинах“ – Китто „Библейския иллюстрации на каждый день“; по крайней мере я советовал бы сделать такую перемену. Кажется все это ясно доказывает, что даже

наиболее выдающиеся проповедники находят, что при изучении Библии лучше заниматься с небольшим количеством книг, нежели наоборот.

Охотно отказывайтесь от того множества книг, которые, как знаменитая бритва, „сработаны для продажи“ и при покупке которых „продаются“ и сами покупатели... Но так как я упомянул выше о „Комментариях“ *Мэтью Генри*, то не могу не сказать здесь, что нельзя сделать лучшего употребления денег, как купить эту книгу. И потому приобретите ее для себя непременно, хотя бы пришлось вам для этого продать и свое платье.

Следующее правило, которое привожу я здесь, такое: *знакомьтесь в совершенстве с имеющимися у вас книгами*. Изучите их основательно. Углубитесь в них, пока не проникнетесь ими совершенно. Читайте и перечитывайте, тщательно пережуйте и переварите их. Проглотите их. Много раз перечитывайте хорошую книгу, делайте к ней заметки и анализы. Одна основательно изученная книга принесет несравненно большую нам пользу, нежели двадцать, которые мы лишь только „проглядим“. От поспешного чтения приобретается мало образования, но много самомнения или гордости. Можно так обременить свой мозг, что он откажется даже от служения нам. Некоторые люди делаются неспособными к размышлению вследствие излишнего чтения взамен собственной мозговой работы. Они набивают себя книжным материалом до того, что наживают плохое духовное пищеварение.

Носить книги на голове очень вредно. Примите их содержание *внутри* и вы получите пользу. В „Литературных достопримечательностях“ *Лукиана* автор строго восстает против тех, кто хвалится обширностью своей библиотеки, и в то же время никогда и не заглядывает в книги. Он начинает тем, что сравнивает их с лоцманом, никогда не изучавшим корабельного дела, или с калекой, обладающим парой прекрасных башмаков, но не могущим даже прямо стоять в них. Затем он восклицает: „Для чегокупаешь ты столько книг? У тебя совсем нет волос, а ты покупаешь гребень; ты слеп, а хочешь иметь хорошее зеркало; ты глух, а желаешь обладать лучшим музыкальным инструментом!“ Все эти упреки вполне заслужены теми, кто воображает достичь великой учености, лишь составляя себе обширную библиотеку. В некоторой степени мы все подпадаем этому искушению. Разве не чувствуем мы себя как бы умнее, пробыв часа два в книжной лавке? Но ведь таким образом можно было бы представить себя разбогатевшим, побывав в подвалах Английского Банка. Пусть будет вашим девизом при чтении: „Больше качеством, но не

количеством“. Не ограничивайтесь одним чтением, но вдумайтесь в прочитанное; пусть это размышление ваше идет рука об руку с чтением, и тогда скудость вашей библиотеки не будет для вас заметна. Очень много здравого разума в следующей заметке, помещенной несколько лет назад в „***“:

„Нам нравится одна драгоценная книга, недорого приобретенная на книжном рынке ценою нашего обеда, с следами пальцев на загнутых листах, с разорванным корешком и перегнутыми углами, с заметками на заглавном листе и исписанная на полях, загрязненная и местами сожженная, оборванная и истасканная, сгладившаяся от долгого пребывания в кармане и закоптелая от дыма с очага, отсыревшая в траве и осыпанная пеплом – книга, над которою вы мечтали в тени прохладной рощицы, над которою вы засыпали среди полдневной жары и которую вы читали и перечитывали бесчисленное множество раз от первой строки до последней. От этой книги и ее немногих, не более трех-четырех, последователей вы приобрели более истинных познаний, нежели сколько могли бы вы приобрести, имея великое множество других“.

Но если чувствуете вы необходимость в приобретении большего количества книг, *советую вам занимать для себя на время некоторые из них, разумно выбирая их.* У вас есть, конечно, товарищи, имеющие книги, которые не откажутся одолжить их вам на время. При этом настоятельно советую вам возвращать все занятое вами в совершенном порядке и вполне аккуратно. Я надеюсь, что в настоящее время уже не столь необходимо говорить о необходимости возвращать взятые книги, как то было несколько времени назад. Только лишь недавно слышал я от одного духовного лица замечание, изменившее к лучшему мое мнение о людях, а именно – он рассказал мне, что лично познакомился с тремя джентльменами, которые возвратили обратно взятые ими на время дождевые зонты! Я сожалею однако же, что должен заметить: вероятно, он вращался в более благополучных общественных сферах, нежели я, так как я был знаком со многими молодыми людьми, занимавшими книги и не возвращавшими их обратно. Недавно писал мне один известный проповедник, у которого я два года назад занял пять книг, прося меня возвратить ему три из них. К своему удивлению он получил от меня и те две, о которых забыл написать. Я тщательно веду запись всем занимаемым книгам и мог потому аккуратно возвратить их владельцу. Я убежден, что он не ожидал возвращения их, потому что я получил от него еще другое письмо, в котором благодарность перемешивается с изумлением, и я уверен

также, что если я снова посету его рабочий кабинет, он охотно предоставит свои книги к моим услугам...

Вальтер Скотт говорил всегда, что если его друзья бывали иногда плохими счетчиками, во всяком случае они были хорошими „бухгалтерами“. Некоторые же заходят в этом случае столь далеко, как тот ученый, который отвечал желающим занять у него книги, что он не выпускает книг из своего кабинета; господин, желающий читать их, может прийти и читать их на месте. Раз он получил неожиданный, но очень подходящий ответ. А именно, когда однажды плохо топился у него камин, он послал к одному господину попросить у него на время раздувательный мех, и получил в ответ, что владелец меха не выпускает его из своей комнаты, но что если он желает, то может прийти пользоваться им на месте. Разумным займом можно доставить себе много прекрасного чтения, но только не нужно забывать при этом того человека из Библии, у которого топор упал в воду, и обходиться очень заботливо с занятым. „Безбожник занимает, но не отдает обратно“.

Если же слишком вздорожают книги в нашем отечестве, *то есть все-таки одна книга, которая имеется у всех вас, а именно: Библия*; а проповедник с Библией в руках, это Давид с пращею и камнем, вполне вооруженный к состязанию. Никто не может сказать, что лишен источником, если у него под руками Библия. В Библии имеем мы полную библиотеку и кто основательно изучит ее, тот будет учение, нежели бы он проглотил всю Александрийскую библиотеку. Изучить Библию должно быть делом нашей чести; мы должны столь хорошо знать ее, как хозяйка знает свою иглу, купец – свою торговую книгу, капитан – свой корабль. Ее общее направление, содержание каждой книги, ее исторические подробности, учения, предписания и все касающиеся ее вопросы должны быть вполне усвоены нами. *Эразм* говорит относительно *Иеронима*: „Кто изучил все Священное Писание, подобно ему? кто так воспринял его в себя и обдумал столь серьезно, как он?“ Об одном голландском ученом, составителе знаменитого сочинения о различных хозяйствах или „союзах“, рассказывают, что он не только дословно знал Библию на ее основных наречиях, но мог приводить также в связь между собою все заметки лучших библейских истолкователей. Подобно ему, и я слышал об одном старике-проповеднике из Ланкашира, который был живою „ходячею конкорданцией“ и мог точнейшим образом назвать как главу и стих приводимого ему места, так и точный смысл каждого места. Конечно, это доказывает необычайно громадную память его, но не менее

громадны должны были быть и потребовавшиеся для этого труды. Я не требую от вас того же; но если бы достигли вы этого, конечно ваши труды были бы щедро вознаграждены. Одною из особенностей, которыми столь хвалится этот странный гений (которого я не буду хвалить, ни порицать в данную минуту), было то, что он мог безостановочно приводить библейские места и имел при этом привычку цитировать главу и стих приводимого места. Но у него была при этом еще вовсе некрасивая привычка: при самом начале проповеди отлагать в сторону Библию, чтобы показать всем свою независимость от нее.

Кто вникает не только в буквальный смысл, но и во внутренний дух Библии, тот – каковы бы ни были его другие недостатки – конечно, достойный уважения человек. Вы знаете древнюю поговорку: „Остерегайся человека, изучившего лишь одну книгу“. Подобный человек – опасный соперник. Человек, носящий Библию в сердце своем, несомненно велик; его трудно одолеть; можно выступить против него с целым арсеналом оружия, но его знание Писания все же победит вас. Благодетельный N. N., насколько помню я, отложил в последние годы своей жизни все книги в сторону и читал лишь одну Библию. Он был весьма ученый муж, и тем не менее его сердце довольствовалось одною книгой; он был силен лишь ее духом. Если же необходимость принуждает нас следовать его примеру, то будем же думать, что многие поступали так добровольно, и не будем жаловаться на судьбу – потому что Писание может сделаться для нас слаще меду и „умудрить“ нас мудрее „древних мудрецов“. Никогда не будем мы терпеть недостатка в священном материале, если будем неотступно изучать Божественную Истину. Мы обретем в Библии не одну только эту Истину, но и самое истолкование ее, потому что Библия превосходно иллюстрирует сама себя. Нужны ли вам рассказы, образы, аллегории или притчи, обратитесь только к этой священной книге. Библейские истины никогда не выступают в столь ярком свете, как украшенные драгоценностями, заимствованными из самой же Библии. Я перечитал недавно книги Царства и Паралипоменон, и они произвели на меня особенно отрадное впечатление. Они полны Божественного учения, не менее книг Псалмов или Пророков, если читать их с разумением. Кажется, *Амвросий* говорил: „Я преклоняюсь пред беспредельностью Священного Писания“. И я часто слышу тот голос, который говорил *Августину* об этой Богом дарованной нам книге: „Возьми и читай!“ Очень возможно, что вам придется жить где-нибудь в глухой деревушке, где вы не будете иметь ни подходящих для вас собеседников, ни

большого выбора книг, достойных прочтения. Читайте в таком случае повеления Господа и изучайте их день и ночь, и вы будете, „как дерево, посаженное при источнике вод“. Следуйте Библию вашим постоянным спутником, и вам не придется жаловаться на недостаточность вашего вооружения.

Мне хотелось бы хорошенько внушить вам, что тот, в распоряжении которого не имеется обильного материала, всегда может возместить этот недостаток собственным мышлением. Уметь размышлять лучше, нежели иметь книги. Размышление – это работа духа, которая не только занимает собою все силы, все способности его, но которая и развивает их вместе с тем. Одну маленькую девочку спросили однажды, знает ли она, что такое ее душа, и к общему удивлению она ответила: „Моя душа – это мое размышление!“ Если это верно, то надо предположить, что у некоторых людей очень мало души. Без собственного размышления душа не может получить пользы ни от какого чтения; она лишь будет обманывать себя, будто делается мудрее. Для некоторых людей книги – это род идолов. Книги назначены для того, чтобы возбуждать размышление людей, но часто они лишь препятствуют ему. Когда *Джордж Фокс* удалился от общества, чтобы посвятить себя исключительно размышлению, он сделался тогда действительно *мыслящим* человеком, перед которым бежали все „книжные“ люди. Какое волнение произвел он в лагерях папистов, прелатов и пресвитериан, а также и между начитанными диссидентами. Он расчистил тучи паутины, затемнявшие небо, и доставил много хлопот „книжным червям“ – людям, исключительно зарывшимся в книги. Размышление – это зерно всякого учения, и если бы захотели только наши проповедники больше размышлять – о, какая благодать была бы тогда! Нам нужны только люди, размышляющие об истинах Божественного Откровения, а не мечтатели, извлекающие религиозные истины из собственного „сознания“. Истинную язву нашего времени составляют люди, ходящие на головах и желающие думать ногами. Они принимают мечтательный бред за размышление. Вместо того, чтобы размышлять об истинах Откровения, варят они себе сами какой-то суп, в котором пропорционально смешиваются заблуждение, гордость и безумие, и эту-то смесь они называют „совершенным богословием“. Нам нужны люди, осмеливающиеся идти прямо перед собою, способные мыслить *глубоко*. Я далек от того, чтобы изображать перед вами тех хвастливых „мыслителей“ нашего времени, которые заставляют бежать от себя большинство слушателей и которые хвастаются затем, что проповедуют лишь образованным, интеллигентным классам общества. Это

лишь - пустая болтовня. Серьезное размышление о том, во что мы несомненно веруем, есть лишь нечто совсем другое, и об этом-то именно и говорю я вам. Я сам многим обязан тем долгим часам, даже дням, проведенным мною под старым дубом на берегу одной реки. Я только что окончил тогда свое образование, был несколько болезнен и потому должен был отдохнуть некоторое время. И вот я, вооружившись удочкою, ловил маленьких рыбок и предавался моим фантазиям, тщательно анализируя себя и размышляя о приобретенных мною познаниях. Если бы можно было заставить более размышлять школьников, чем зубрить, можно было бы давать им менее работ. Постоянное набивание желудка и плохое варение пищи производит плоть без мускулов: в духовном отношении мы еще более можем жаловаться на это, нежели в физическом. Если недостаточно богат ваш приход, чтобы завести для вас библиотеку, то, вероятно, у вас окажется более свободного времени на размышление, и вам будет тогда еще лучше, нежели тем из ваших собратий, у кого много книг, но мало времени для тихого размышления.

У кого нет книг, *тот может многому научиться, наблюдая за всем собственными глазами.* Он может учиться, размышляя обо всем: о событиях дня, о том, что происходит у него перед глазами, о газетных известиях, о вещах, составляющих предмет общего толкования. Очень странно наблюдать, как многое могут видеть некоторые в том, в чем другие ровно ничего не видят. Если не утомлены ваши глаза чтением, то широко раскройте их, где бы вы ни находились, и вы увидите нечто такое, на что стоит взглянуть. Разве не можете вы ничему научиться от природы? Каждый цветок ожидает вас, чтобы научить чему-нибудь. „Взгляните на лилии“ и научитесь от роз. Не один только муравей может преподать вам наставление; это могут делать и все живые существа вообще. В каждой буре слышен голос, в каждом развеваемом ветром лепестке заключается назидание. Проповеди сверкают на каждом травяном листке по утрам, и говор их летит мимо вас вместе с падающими сухими древесными листьями. Лес - это целая библиотека, ржаное поле - томик философий, всякая скала - история, а речка, омывающая ее, - поэма. Иди же, иди ты, обладающий *настоящим* зрением, и собирай себе отовсюду поучения: с небес над тобою, с земли под твоими ногами, даже из вод, текущих из ее недр. Книги - это лишь жалкие безделушки в сравнении со всем этим.

Наконец, каждый может, если плоха его библиотека, изучать еще самого себя. Это - весьма таинственная книга, которую большинство из вас еще не читало совсем. Кто

думает, что он хорошо изучил и знает самого себя, тот сильно ошибается, потому что самая непонятная, трудно читаемая для нас книга – это наше собственное сердце. Я говорил недавно одному скептику, словно заблудившемуся в лабиринте своих мыслей: „Дорогой мой, я никак не могу понять вас; но я не досаую на это, так как до сих пор я не постиг еще и самого себя!“ И я нисколько не преувеличивал в данном случае. Обратите внимание на колебания и изменение вашего духовного строя, на его особенности, на своеобразность ваших опытов над самим собою, на испорченность вашего сердца, на дивные действия божественной благодати, на вашу склонность ко греху и способности к исправлению. Обратите внимание на то, насколько сравнились вы с диаволом и как близки к Самому Господу! Примечайте, как мудро можете вы действовать, когда руководит вами Бог и как неразумно поступаете вы, если полагаетесь лишь на самих себя. Вам, призванным быть стражами вверенных вам душ, принесет большую пользу изучение вашего собственного сердца. Опыты, какие мы делаем над самими собою, это – лаборатория, где испытываем мы лекарства, назначаемые нами нашим прихожанам. Даже наши ошибки и недостатки будут назидательны для нас, если мы только обратимся с ними к Господу. Ведь вполне безгрешные люди не могут иметь сочувствия к несовершенству своих братьев и сестер. Изучайте то, как руководит Господь вашими собственными душами, и вы лучше познаете пути других людей.

Читайте и других людей; они столь же назидательны, как и книги. Представим себе, что в одну из наших больших больниц является молодой студент, столь бедный, что он не в состоянии приобрести для себя никаких хирургических инструментов. Конечно, ему будет очень не легко; но если ему тем не менее дозволено будет свободно посещать больницу и присутствовать при операциях и наблюдать изо дня в день за ходом различных болезней, то я нисколько не удивился бы, если бы образовался из этого бедного студента в течение времени такой же прекрасный хирург, как и его более счастливые товарищи. Его наблюдения научили бы его большему, нежели то могли бы сделать одни книги. И в то время, как присутствовал бы он при отнятии какого-либо члена, при перевязке раны или подвязке артерии, разве не мог бы он приобрести массу практических сведений в хирургии – сведений, весьма полезных для него? Точно также и проповедник может путем практических наблюдений получить полезные сведения о многом. Все мудрые пастыри душ посещают духовные лазареты и обращаются с больными душами, ищущими утешения,

лицемерами, отступниками, унывающими и мятежниками. Кто сам произведет эти здоровые практические испытания среди паствы Господней, и сам будет наблюдать над сердца́ми своих собратий, деятельность такого человека будет успешнее, чем того, кто знает лишь одно прочитанное им в книгах. Очень грустно бывает, если является какой-либо проповедник лишь неопытным выскочкой из университета, вышедшим из аудитории на свет Божий, которого он до тех пор и не видал, чтобы обращаться между людьми, которых он до тех пор никогда не наблюдал, чтобы судить о делах, с которыми он никогда не был и знаком. „Не неофит“, — говорит апостол. А ведь можно быть „неофитом“, новичком, будучи даже уже ученым, профессором, математиком или богословом-теоретиком. Мы должны близко сойтись с душами вверенных нам людей; и если хорошо сойдемся мы с ними, то не будет заметным для нас недостаток книг в нашей библиотеке. Но с удивлением, может быть, говорит кто-нибудь из вас: как же можно читать человека? Я слышал об одном господине, про которого рассказывали, что с ним нельзя было и пяти минут простоять где-либо в проезжих воротах, не услышав от него назидания. Поистине, то был весьма мудрый муж; но еще мудрее оказался бы тот, кто мог бы простоять пять минут в проезжих воротах, не научившись чему-либо относительно людей. Мудрые люди могут столь же многому научиться от глупца, как и от философа. Глупец — это прекрасная книга для чтения, потому что в ней раскрыт каждый листок; в стиле такой книги много комизма, которой возбуждает к дальнейшему чтению и приносит хотя бы ту пользу, что читающий предостерегается от того, что не должно открывать собственную глупость.

Учитесь также у опытных людей хорошей жизни. Какую глупину мудрости могут открыть некоторые из них молодым, неопытным еще людям! Что могут порассказать скромные, убогие рабы Божии о получаемой ими помощи Господней; как могут они возвеличить эту помощь Его и Его верность Своим обетованиям! Словно новым светом озаряются для нас эти обетования, как выясняется нам их значение, сокрытое дотолѐ от нашего „плотяного“ взора, но открытое для их „простых“ сердцем! Не знаете вы разве, что многие из этих обетований написаны невидимыми чернилами и могут быть прочтены лишь, если будут согреты на огне скорби. От таких испытанных, претерпевших эти скорби людей очень многому может научиться всякий проповедник.

А сколь многому можно научиться от пытливых людей. Не раз приходилось мне сознавать собственное духовное бессилие в

разговоре с подобными людьми. Так однажды все усилия мои были разбиты одним юношей, которого стремился я обратить к Господу. Едва только начинал я считать, что убедил его, как он снова ускользал от меня со всею ловкостью своего неверия. Иногда очень поражают меня некоторые „скорбные“ души своим удивительным умением отнимать у себя всякую надежду; основания, приводимые ими, бесконечны, и затруднения их бесчисленны. Эти люди положительно приводят вас в замешательство. Благодать Божия помогает нам наконец умиротворить их, но не ранее, как признаем мы нашу личную неспособность к тому. В страннейших лжетолкованиях неверия, среди наизвращеннейших изъяснений мы можем обрести массу назидания. Если говорить о практическом подготовлении к пастырскому служению, то я скорее посоветовал бы молодым людям провести час-другой с подобными людьми, нежели просидеть целую неделю в нашем высшем классе!

И затем еще одно: *чаще посещайте умирающих*; это для вас тоже – книги с богатыми иллюстрациями. Тут увидите вы величайший подъем духа, тут узнаете вы наиглубочайшие тайны ее. Какой чудный жемчуг выносят на берег Иорданские воды! Какие дивные цветы вырастают на этих берегах! Высоко взлетают струи вечных фонтанов в блаженной стране бессмертия и капли их падают и на эту, нашу сторону пути! Я видал мужчин и женщин, говоривших дивным языком Божественного вдохновения, произносивших пламеневшие неземным блаженством слова в часы их кончины. Они не могли научиться этим словам ни от кого из живущих „под луною“, несомненно они услышали их свыше в эти часы вступления своего в преддверие горнего Иерусалима. Сам Господь шепчет им эти слова в скорбные минуты их жизни, и они передают нам лишь частицу открытого им духом. Я бы охотно побросал все мои книги, если бы мог видеть этих провозвестников Господа, поднимающихся на огненной колеснице к небу.

Но не довольно ли уже говорили мы об этом предмете? Если вы не удовлетворены еще, то, конечно, время теперь уже мне вспомнить о мудром замечании: гораздо лучше, если, расходясь, наши служители желают еще слушать, нежели если они не *желают этого более*. Итак, в путь – с Богом!

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Предисловие	3
Введение	5
1-ая лекция Внимание проповедника к собственным действиям	7
2-ая лекция Божественное призвание к проповедничеству	24
3-ья лекция Тайная молитва проповедника	47
4-ая лекция Наша публичная молитва	59
5-ая лекция Содержание проповеди	72
6-ая лекция О выборе текста	86
7-ая лекция О духовном толковании Св. Писания	104
8-ая лекция О голосе	120
9-ая лекция Внимание	138
10-ая лекция Импровизация	154
11-ая лекция Уныние	170
12-ая лекция Частная жизнь проповедника	184
13-ая лекция Бедность	195